

ВИКТОР
КАЛИТВЯНСКИЙ

Выкуп

Р о м а н

В.И.К

Мытищи
2013

УДК 882-31
ББК 84(2Рос=Рус)
К17

Калитвянский В.И.

К17 Выкуп – Мытищи: В.И.К, 2013. – 192 с.

ISBN 978-5-9903969-2-0

В этом авантюрно-философском романе человеческие души, оставив свои тела, путешествуют налегке. А одушевлённые автомобили погибают, пытаясь спасти хозяев...

Но, несмотря на фантазмагоричность происходящих событий, роман «Выкуп» – это, в сущности, история о дружбе, любви, о вечном стремлении человека выйти за положенные ему пределы...

**УДК 882-31
ББК 84(2Рос=Рус)**

ISBN 978-5-9903969-2-0

© В.И. Калитвянский, 2013

Журналист Соседский синяк.

Народная мудрость гласит, что утро – вечера – гораздо мудрее...

Я несколько не сомневаюсь в народной мудрости. Народ – он всё видит, всё знает, всё понимает. Только сказать не может, как та же собака. И поэтому народ никто и никогда не слушает, все только отмахиваются.

Может быть, для моего прадеда, который пахал землю в орловской губернии, утро и в самом деле было прекрасным временем. Возможно, он пробуждался ото сна – полным сил, с верою в себя и в своё будущее. Так ведь чему тут удивляться: прадед жил на своём хуторе, в гармонии с природой, с той средой, которая его окружала. Я даже допускаю, что прадед верил в бога, почитал царя и любил отечество. Хотя непонятно тогда, отчего всю эту замечательную триаду он рука об руку со товарищи пустил в полный исторический распыл в начале двадцатого века?..

Ну а мы, горожане, жители мегаполиса в начале двадцать первого века?

Для нас утро – кошмар.

Ты просыпаешься – одуревший, отупевший, в голове – ни одной связной мысли. В спальне – темно, потому что шторы задёрнуты. Поэтому надо взглянуть на мобильник, он всегда у изголовья. Если повезёт, у тебя ещё целый час на досып. Надо только сбегать в сортир, отлить, а затем – снова в сладкий сон...

Но только ты блаженно ткнул носом в подушку, как под окном раздаётся такой звук, словно кремлёвская царь-пушка произвела, наконец, свой первый выстрел, – и прямо у тебя над ухом. А это всего лишь гроыхнула дверь подъ-

езда. Наверное, ранняя пташка, бравый дворник Нурали стоит на ступеньках крыльца и обзревает свои владения: прямоугольник двора, заключённый в каменную коробку шестизэтажного дома на Сухаревской площади...

Вот он поднимает свой инструмент, метлу, и...

Шарк.

Шарк.

Шарк.

Ну, за что можно любить такое утро?

Ты с проклятьями засовываешь голову в подушки и погружаешься в неверное утреннее забытьё, где стройные ряды русских крестьян с асфальтовым скрежетом пашут дворовую территорию...

А затем над твоим ухом звучит вкрадчивый голос:

– Вставай, гений! Поднимай свою задницу, продажная душа!

Голос из мобильного обращается ко мне. Я, конечно, не гений, но и не совсем уж пропавший. Истина лежит где-то в середине: чуть дальше от гения, чуть ближе к продажной душе.

А кем ещё может быть журналист в период бурных исторических событий?

И вообще – кто не продаётся в нынешнюю, информационную эпоху?

Я продаю свой талант, свои способности борзописца, а медийные олигархи покупают мой труд за деньги. За хорошие деньги. Иногда – за очень хорошие. Мне повезло. Некоторых покупают совсем за плохие деньги. Когда у тебя нет способностей борзописца, тебе платят смешные деньги. Сажают тебя в отдел писем, и ты процеживаешь словесное дерьмо в надежде, что блеснёт какая-нибудь случайная крупница информации, хотя бы для скандального подвала первой полосы. Например: дедушка недоглядел за внуком, повалившим под машину, – и повесился у себя на кухне...

ТЬФУ!

Такая нынче информация. Такая нынче пресса. Такие нынче гении.

Но вставать надо. Половина девятого. В десять – летучка. Раз в неделю я обязан являться в редакцию к началу рабочего дня. Пред ясные очи руководства и коллектива.

Издавая тяжкие стоны, я встаю, подхожу к окну. Шторы – вон.

А там, снаружи – прекрасное майское утро, и солнечный блик в каком-то оконном стекле заставляет меня зажмуриться на секунду...

Машина моя стоит на своём месте, целёхонькая, и поблёскивает своей перламутровой крышей.

В общем, мир не так уж и плох, каким чудится в первую секунду пробуждения.

Таким образом, отчасти примирённый с миром, я плетусь в ванную, залезаю в душ. Горячие струи смывают с меня последние остатки сна, вялости, даже кое-какие мысли для летучки рождаются в моём приободрившемся мозгу. И собственная физиономия, вопреки опасению, не раздражает меня в процессе бритья. Осталось только: чашка кофе, кусок сыру, три минуты на первую сигарету, – и я готов к бою.

Выхожу из квартиры, сую ключ в замочную скважину. Тотчас за соседней дверью – шорох.

Сосед. Чёрт его знает, как он угадывает, когда я ухожу из дому. Я ведь не клерк, бывает, валяюсь в постели до полудня. Случается, вообще не являюсь домой. Никакого графика, полная анархия, стихия случайности и непредсказуемости.

Но когда бы я ни появился на лестничной площадке, сосед – за дверью – тут как тут. Неловко мужику стрелять мои сигареты каждый день, поэтому иной раз не показывается, шуршит за дверью и молчит.

Сейчас я с ним общаться не расположен. Кладу пару сигарет на перила, ступаю на лестницу, иду по ступенькам вниз.

Замок щёлкает в ту секунду, когда я делаю поворот. Соседская физиономия появляется в щели между дверью и стеной.

– Привет, Димыч! – говорит сосед и при этом как-то странно выворачивает голову, глядя на меня правым глазом, когда ему ловчее – левым.

– Привет! – отвечаю я и на секунду торможу – приглядываюсь.

Ага, башкою он крутит оттого, что у него весь левый глаз заплыл синяком.

– Что ж ты бабе своей позволяешь, а? – говорю я и бегу вниз.

На спуск с четвёртого этажа уходит полминуты. Когда я поднимаю голову вверх – рожа соседа торчит над перилами. Мне показалось даже – удивлённая рожа.

Во дворе я завожу машину, оглядываю её, мою ласточку, по периметру, – нет ли каких ущербов. Московский двор – такое место, что можно ждать самого неприятного сюрприза. Проколотой шины, поцарапанного крыла, прилепленной жвачки на переднем стекле.

Слава богу, всё чисто, я снова лезу внутрь и успеваю заметить в подъездном окне четвёртого этажа ту же соседскую физиономию.

– Здравствуйте, уважаемый Дмитрий! – раздаётся над моим ухом радостный голос.

Бравый дворник Нурали стоит слева по борту. В руках – метла, в пол-лица – металлическая улыбка.

– С вашей машиной всё в порядке! – торжественно говорит Нурали. – Мы следили за ней.

«Мы» – это та компания, что вечно торчит у Нурали в подвале. Он сам, женщина, замотанная в платок, какие-то мужики в тубетейках.

– Ваша машина всегда будет в порядке, – продолжает Нурали, – пока я отвечаю за этот двор.

Я вздыхаю и машу рукой. Хотел ему сказать пару ласковых за то, что спать не даёт по утрам, но у меня не хватает духу отвечать руганью на такую преданность. Дело в том, что полгода назад я напечатал в нашем жёлтом листке статью о положении гастарбайтеров в Москве. Ничего особенного, пара жаренных фактов, пара фотографий, пара риторических восклицаний о правах человека. Но однажды вечером ко мне домой явилась странная компания из азиатов и лиц кавказского происхождения.

Они принесли корзину с фруктами, здоровенную бутылку с вином и оставили на прощанье бумажку с номерами телефонов. Нурали сказал, когда они ушли, что эти номера дорогого стоят... С тех пор Нурали каждый день докладывает мне и предлагает девушку для уборки квартиры.

Вот и сейчас он говорит:

– Уважаемый Дима, я всё переживаю, как вы у себя за чистотой следите? Позвольте вам прислать домработницу? Она проверенная, она чистая, она...

Я снова машу рукой, отъезжаю от Нурали. Какая-то мысль не даёт мне покоя, этот дурацкий разговор с дворником сбил меня с какой-то важной мысли. В ту секунду, когда я ныряю в арку, чтобы выехать на Садовое кольцо, – вспоминаю соседа, его синяк и свою фразу у его жене.

И что? – спрашиваю я себя.

Но тут стихия московской улицы отвлекает меня. Десятый час на московских магистралях – это не то время, когда можно размышлять о загадочных синяках под глазом у соседа. Утро московского водителя – это гонка на выживание, это коррида, это бой за место под солнцем, – это адреналин в крови, это густой русский матерок, это горящие глаза и жесты, выразительности которых позавидует любой пластический актёр.

С раннего утра автомобильная лавина с окраин устремляется по столичным артериям к самому сердцу Москвы. К девяти утра автомобильные орды подкатывают к Садовому кольцу и начинают плотно заполнять улицы и переулки центра. И вот тут-то из двора на Сухаревке на своей «Тойоте» вылезаю я, грешный. Миллион раз я сетовал на то, что бог и мои дорогие родители создали меня «совой». Будь я задорным ранним «жаворонком», я не знал бы по утрам автомобильного горя в пределах Садового кольца. Потому что ранним утром Садовое свободно, гулко и просторно, – как говорится, хоть шаром по нему кати.

Но я не «жаворонок», я совсем даже наоборот «сова», и потому я вылезаю на Садовое, когда там не то что яблоку, черенку от яблони неуда упасть. А ехать нужно до зарезу, не спускаться же мне в метро, – мне, который не опускался до него уже лет десять. Говорят, что в метро тесно, душно, грязно и можно запросто подхватить с десятков болезней. Нет уж, увольте меня от метро, лучше я буду торчать каждый день в пробках, но – в своём собственном маленьком пространстве, в своём кресле, со своим радио и своей музыкой.

В общем, я врубаю музыку и ввинчиваюсь в автомобильный поток так, чтобы возле Олимпийского проспекта развернуться под Садовым в противоположную сторону и чесать до Курской. На Сухаревке горит красный, я торможу и невольно смотрю влево, на фасад моего дома. Он высится коричневой громадой с нарушенными пропорциями, словно на полотнах примитивистов, и вдруг мне чудится в одном из окон четвёртого этажа рожа моего соседа. Рожа как будто бы озадаченная, удивлённая, на ней так и написано: что ты сказанул такое, Димыч, про мою жёнку?

Загорается зелёный, я рву с места в карьер и пытаюсь ответить на соседский вопрос: в самом деле, что я такого сказал?

Да ничего особенного я не говорил. Подумаешь, брякнул в том духе, что, дескать, разве можно позволять жене такие штуки?..

Тут, возле светофора на проспекте Сахарова, меня подрезает «девятка» и победно тормозит на красный свет. Выйти бы наружу да начистить морду этому козлу, но в московском потоке только и можно, что мигнуть дальним светом да показать ему вытянутый фак-палец – наверняка глядит, сволочь испуганная, в зеркало заднего вида, с нетерпением ждёт зелёный свет, чтоб драпануть.

Поехали. «Девятка» ныряет вправо, потом влево – удрал, сучий хвост.

Так-так, о чём это я рассуждал перед тем, как?..

Да! Про соседскую жену.

А что про соседскую жену? Подумаешь, заехала супружнику по физиономии. Чего в семейной жизни не бывает. В одной семье муж колотит жену. В другой, как у соседа, всё по-другому, противоположным образом. Дело в том, что сосед – безработный. Уже много лет. Пытается бомбить, но, судя по жёниным тумакам, выходит неважно. А жена вкалывает на двух службах сразу и кормит муженька вместе с лоботрясом-сыном.

Я его спрашиваю, соседа: ты почему, мужик, не работаешь, бьёшь баклуши? А он мне: не могу, говорит, по Москве рулить (он – профессиональный шофёр), пробки, видишь ли, все нервы вымотали. Так вот у нас те-

перь: работать нервы не выдерживают, а сидеть на шее у жены – вполне.

Так что думается мне, заслужил мой сосед такое обращение. И ведь она ему классно так заехала, от души, наотмашь, как в немом кино: они там пререкались на кухне, вдруг она снимает передник, вешает его на крючок, разворачивается и хрясь ему по мордасам. Видно, переполнилась женская душенька.

Курская. Мне направо, в переулки.

Ещё три минуты, и я у нашего редакционного особняка. Тут, к сожалению, нет моего Нурали, и никто не позаботится о стоянке для моей машины. Дважды я объезжаю особняк по периметру, а затем у меня лопается терпение. И я продельваю то, что строжайше запрещено самим Главным редактором: ставлю машину на резервную стоянку. Для этого мне приходится снять заградительную цепь. Спиною я чувствую взгляд охранника. Интересно, хватит ли у него смелости воспрепятствовать мне, звезде нашей бульварной газеты? Ставлю машину, вешаю цепь на место. Никакой реакции. Охранник решил не связываться, просто позвонил завхозу. А тот уже набирает номер генерального директора. И теперь интрига в том, успеют ли стукнуть о моём самоуправстве Главному до летучки.

Похоже, успели.

Главный садится на своё место во главе стола, окидывает своим пронизательным взором присутствующих. Взгляд, который он бросает в мою сторону, не предвещает ничего хорошего.

Ладно – чему быть, того не миновать, от судьбы не уйдёшь, что на роду написано и так далее.

Начинается летучка. Я сажу. Молчу, слушаю доклады отделов. Мне отчитываться необязательно, я спецкор, свободный художник, у меня отношения напрямую с Главным. Вопрос: зачем же я здесь? Ответ: чтобы чувствовать локоть коллектива.

Итак, отдел политики планирует на неделе: интервью политолога с мировым именем (хотя о нём известно только в узких кругах Москвы), семейный портрет лидера думской фракции (говорят, у него премьерские перспективы), целую серию материалов о кооперации со странами СНГ...

– Какая кооперация? – вдруг спрашивает Главный, до того сидевший с отсутствующим видом.

Зав отделом политики (или просто Замполит) поднимает на него глаза, кашляет, проводит рукою по голому черепу, потом осторожно говорит:

– Промышленная, сельскохозяйственная...

– А у нас есть такая кооперация? – спрашивает Главный и переводит взгляд на зава отделом экономики (или просто – на Экономичку, опытного эксперта лет аж так двадцати восьми).

Та, выпрямившись на стуле:

– Да, конечно. Только оценить её очень нелегко.

– Вот как, – замечает Главный. – Вы тогда посмотрите (показывает на Замполита), что у них там... А вообще-то... это что, к политике относится? Какая же это политика?

Замполит жмёт плечами и говорит в стол:

– Какая ни есть.

И тут словно чёрт толкает меня под руку. Я вспоминаю афоризм из автомобильного радио, слегка его редактирую и:

– Политика есть, – говорю я. – Она не может не быть. Она съела уже столько журналистской братии...

Народ тихо прыскает, и все смотрят на Главного. А тот – ноль внимания. Будто не слышал.

– Так что там, – говорит, – в отделе экономики?

Теперь народ смотрит на меня, а я делаю хорошую мину. Но если Главный не отреагировал на мою остроту – это плохой знак.

Экономичка начинает с огромной скоростью трещать про недельный план, состоящий из набора ежедневной информации, аналитических материалов и...

– А гвоздь? – останавливает её трескотню Главный.

– Гвоздь? Разумеется. Есть гвоздь...

Она описывает гвоздевой материал, подготовленный ведущим репортёром лет аж так двадцати трёх. Зачин: экономика России больна, мы проедаем наше будущее. Ядро: три цитаты трёх известных экономистов, которые ссылаются на неважную государственную наследственность страны, плохую социально-генетическую природу граждан, обилие ресурсов (в том смысле, что у нас – чем больше, тем хуже). Финал: надо что-то делать, так жить нельзя.

– Где-то я уже это слышал, – бормочет Замполит.
– Да? – усмехается Экономичка. – Интересно, где?
– У нас, – отвечает ей Главный вместо Заполита. – Месяца два назад. А ты что скажешь? – вдруг спрашивает он меня.

Я гляжу на Экономичку, пожимаю плечами.

– А что? – говорю без нажима, как бы неохотно. – У нас нет других экономистов. У нас нет другого народа. Зато у нас есть много ресурсов.

– Ну да, – кивает Главный. – И ещё у нас нет других журналистов.

Экономичка выпрямляется на стуле и поджимает губы.

– Всё? – спрашивает Главный. – Так... отдел писем? Что там, в отделе писем?

Все оглядываются, ищут начальницу отдела, добрейшей души даму, Марь Палну. Но Марь Палны нет, она, оказывается, больна, её замещает... господи ты боже мой, её замещает Катька.

Катя поднимается со стула, худенькая, строгая, щёки – в красных пятнах.

– Ну, – произносит Главный со вздохом. – Вы... в курсе? Можете изложить?

Катя кивает, прокашливается. Народ хихикает. Бедная девчонка совсем теряет, смотрит в бумажку.

– Вот самое интересное за неделю, – начинает Катя неровным голосом. – Всего тридцать четыре эпизода...

Сколько? – раздаётся от народа с присвистом.

– Тридцать четыре, – не сдаётся Катя. – На мой взгляд, все они имеют определённый интерес для разных отделов...

– Мы вас слушаем, – ободряет девушку Главный, и у меня возникает к нему прямо-таки тёплое чувство. – Самый интересный, по вашему мнению, эпизод.

– Один? – разочарованно уточняет Катя.

– Остальное вы можете передать в отделы, – говорит Главный. – Итак...

– Я уже передала, – говорит Катя. – Ну, хорошо... Вот в этом письме...

– Когда? – спрашивает Главный. Удивлённая, Катя хлопает ресницами. – Когда в отделы передали?

Катя отвечает, что передала ещё позавчера. Главный обводит взором начальников отделов: кто-нибудь обработал? Начотделы молчат секунд пять. Их лица выдают напряжённую работу мысли: хочется соврать (конечно, шеф, всё давно изучили, запустили в работу, уже есть материалы!), но врать опасно – если заставят изложить детали, ты сгорел в ясном пламени начальственного гнева.

Мы над этим работаем, – делают озабоченные лица начотделы. – Всё идёт своим чередом.

– Ну да, – кивает Главный. – Вы над этим работаете. А я бы хотел...

Он на секунду замолкает, а потом формулирует мысль: хотелось бы, чтобы мы над этим – над правдой жизни – работали постоянно. Чтоб не высасывали свои истории из пальца. Чтобы пользовались настоящими соками жизни, которые где ж ещё брать, как не из живого источника – из писем. Да, у нас не высоколобая газета, мы должны давать в материал живинку. Но эту самую живинку надобно брать не с потолка, а черпать прямо из реки по имени «факт».

Он оглядывает присутствующих, а затем добавляет:

– Это касается всех. Даже спецкоров. Может быть, спецкоров в первую очередь.

На секунду повисает звонкая тишина. Народ, затаив дыхание, ждёт продолжения спектакля. Мне бы в такой щекотливой ситуации промолчать, но язык мой – неважный дипломат, он частенько живёт словно бы своей отдельной жизнью. В этом отношении он очень похож на другую часть моего тела, которая тоже норовит вести свою, особую, не совпадающую со здравым смыслом линию поведения...

В общем, я выражаю полную поддержку Главному в борьбе за чистоту его величества факта. Но при этом осторожно выражаю удивление по поводу упрёков в сторону спецкоров. Ведь специальные репортажи – это факты, развёрнутые в интересные истории и ставшие событием. Дружат, ещё как дружат спецкору с фактической правдой жизни. А если на то пошло, как раз спецкору-то самые частые посетители отелов писем. Хлебом не покорми спецкора, только дай ему заглянуть в этот самый отдел писем...

Народ молчит, не зная ещё, как реагировать: смеяться или делать вид, что всё очень серьёзно.

– Это правда? – бесстрастно спрашивает Главный.

Он спрашивает Катю, и по её лицу видно, что она не понимает вопроса.

– Часто у вас спецкоры бывают?

Катя смотрит на меня и – как бы сквозь меня. Девочка не умеет врать, но и правду сказать ей не под силу.

– Я не так давно работаю, – с трудом отвечает Катя, – чтобы делать выводы...

Главный вздыхает, качает головой, кивает ей: нус, что там у вас из живого источника фактов?..

Катя смотрит в бумажку, потом поднимает глаза, кашляет и начинает излагать самый интересный эпизод.

Эту историю прислала в своём письме продавщица супермаркета, – то есть, контингент самый что ни на есть – наш.

Итак, среди бела дня вполне приличные с виду покупатели вдруг разделись и в таком виде, почти голышом, бегали по супермаркету. Причём некоторые из них, люди в возрасте, пытались даже приставать друг к другу, совершать развратные действия. Эта вакханалия длилась четверть часа, а потом нарушители приличий попадали на пол и лежали какое-то время без признаков жизни. Когда они очнулись, то не могли дать никаких толковых объяснений службе безопасности и прибывшей милиции. Они даже утверждали, что ничего не помнят...

Катя заканчивает читать свою бумажку и поднимает голову. Редакционный народ ухмыляется, но смотрит на неё с уважением. Марь Пална никогда не потчевала оперативки такими острыми блюдами.

– Как раз для происшествий на первой полосе, – первым даёт оценку Замполит.

– Да, – кивает Главный, – отдел происшествий разберётся. Все свободны. А вас, – он смотрит на меня, – попрошу остаться.

Народ расходится, у всех на лицах не то чтобы радость в предчувствии моей экзекуции, но уж никак не сочувствие. Ничего удивительного: кто может сочувствовать спецкору? Всё как раз наоборот. Падение специального корреспондента – важнейшее событие для газеты, в такие дни заканчиваются одни карьеры и начинаются другие.

Все эти мысли проносятся в моей голове – пока мы ждём, когда зал заседаний опустеет. И я с удивлением отмечаю, что мысль о закате карьеры не вызывает у меня каких-то особенных эмоций.

– Ну, – спрашивает Главный, – как дела?

Я пожимаю плечами. Отвечать в том духе, что, мол, дела идут нормально, – глупо, потому что мы оба знаем истинное положение вещей. За месяц – два материала средней паршивости, недостойных должности спецкора. И ещё какая-то мелочёвка, от которой газете ни холодно, ни жарко. Такой вот итог: что есть я, что нет, – одно и то же.

– Я понимаю, – продолжает Главный, – что ты, как футболисты говорят, наелся нашего дерьма по самое горло. Но ты профессионал и хорошо знаешь, что именно за это дерьмо...

– ... нам и платят деньги, – заканчиваю я мысль Главного.

– И как бы ни были высоки твои высокие мысли о призвании журналиста, – заканчивает он, – ты должен давать на гора то, что нужно газете.

Однажды, за бутылкой, я разоткровенничался, разболтался, распустил хвост принципиальности и хохолок самовлюблённости. Дескать, я хоть у вас здесь в жёлтой газетёнке служу, потрафляю дурному народному вкусу, – но могу-то я совсем по-другому, на другом уровне, для другого читателя.

Помню, Главный ответил мне: тогда иди, пиши романы в тиши аллеи, под журчанье струй. Там ты будешь счастлив, а здесь делают бабки. Все мы что-то можем, из высокого и принципиального, да вот беда: не платят за это приличных денег. А готов ты быть нищим счастливым поэтом или романистом?

И сейчас Главный не усмехался, не упрекал – нет, ему не до того, ему нужно привести в чувство захандрившего спецкора. Привести в чувство или...

– Ты, Дима, знаешь правила игры, – говорит Главный. – Я тебя не пугаю, но... Или ты придёшь в себя и возьмёшься за ум и за дело, или...

И он смотрит на меня таким взглядом, словно бы уже мысленно перебирает, кем сможет меня заменить.

– Понял, – отвечаю я, встаю и откланиваюсь.

– А я не понял, – тихо говорит Главный. – Что ты понял?

Здесь до меня доходит, что я ошибался. Он ещё не перебирал никого, не искал мне замену. Наоборот, он ожидал, что я – глаза в глаза со своим благодетелем – опомнюсь, приду в себя, попрошу прощения за разгильдяйство, заверю его и т. д. и т. п..

Но у меня нет сил ни просить прощения, ни заверять.

– Дайте мне пару дней, – говорю я и вижу в его глазах растерянность. – А лучше – неделю...

– За свой счёт, – говорит мне в спину Главный.

Мне даже немного жаль его. В сущности, он неплохой мужик – в той системе жизненных координат, которую мы оба признаём. Мне совсем не по душе огорчать его, – как женщину, которую ты разлюбил, но другого выхода нет, как сделать ей больно.

Я направляюсь прямо в отдел писем. Надо же соответствовать легенде. Ну и Катьку надо как-то поддержать.

Она сидит перед компьютером и при моём появлении глубоко вздыхает.

Ну что тут скажешь? Всем в редакции известно, что Катя в меня влюблена. Впрочем, не то диво, что она в меня влюблена, – кто из редакционных женщин моложе сорока не вздыхал по мне хотя бы месяц? – дело в том, что она влюблена в меня давно. Так давно, что уже забыл, когда это началось. Мы с ней выросли в одном дворе, в Медведково, только она на десять лет младше меня. Это я устроил её в редакцию в прошлом году, меня мать попросила, они с Катькой дружат на непонятной для меня платформе. Я замолвил за неё словечко Главному, и Катьку взяли. И она работает. И всегда на меня смотрит, смешная, своими глазами с поволокой так, будто сейчас расплачется. А я, выходит, должен её утешать.

– Так, молодец. В принципе, справилась, – с порога беру я тон строго учителя: дескать, брось эти глупости, только о деле.

Я даже дотрагиваюсь до её пальцев, но тут же отдёргиваю руку, потому что Катька вся вспыхивает. Вот ведь каковы они, девчонки с университетской скамьи. Современные барышни. И что с ними делать?

– Все твои замечательные случаи из реки по имени факт – на моё мыло, – говорю я озабоченно, – Я всё изучу. (Ну да, – мелькает у меня в голове. – Если не выгонят). А там будет видно.

– У тебя всё хорошо? – вдруг спрашивает она и так смотрит мне в душу своими глазами, то ли серенькими, то ли голубенькими, что я с трудом справляюсь с желанием поднять руку и провести пальцами по её лицу.

– У меня всегда всё хорошо! – заявляю я и выхожу в коридор.

Я иду по коридору редакции, и все встречные внимательно смотрят мне в лицо.

«Смотрите, – говорю я сам себе. – Падение спецкора не каждый день происходит в этих стенах. Смотрите, внимательней смотрите! Но как бы вы ни старались, ни следа слабости не увидите вы на моём челе!»

Так говорил я себе, выходя на волю и подходя к своей «Тойоте».

Когда я шёл по редакции с невозмутимой усмешкой человека, которому всё нипочём, я и в самом деле ощущал себя таким человеком. Но едва я сел в машину, сердце моё, как говорят в плохих романах, сжалось. Семь лет я работал в нашей газетёнке, я её нещадно ругал, но тут я был величиной, тут я заработал кучу денег. Когда я появлялся на тусовках – то именно эту газету я олицетворял. Я и газета – было одно целое. У меня вдруг появилось какое-то нехорошее предчувствие. А значу ли я что-нибудь сам по себе?

Мне так захотелось найти ответ на этот простой вопрос, что я немедленно позвонил одному своему приятелю, редактору ещё одного жёлтого издания. Вроде нашего, но – помельче. Года два он всё зовёт меня к себе, сулит золотые горы, а я всегда смеюсь ему в ответ. Мы всегда с ним вместе смеёмся нашему вечному сюжету насчёт моего перехода из одной параша в другую, но помельче. Но зато, как добавляет приятель, на гораздо бóльшие деньги. На что я неизменно спрашиваю: да откуда тебе взять такие деньги?

Я звоню ему, и он начинает разговор именно с этой сказки: когда я, наконец, буду работать не на бульдога Глав-

ного, а на него, современного, молодого... Он ещё не закончил вступление, а я кричу:

– Хоть завтра!

Повисает пауза, а затем он говорит:

– Ты в каком смысле?

Я отвечаю, что – в самом прямом. Готов покинуть старого осла Главного и перебраться к тебе – молодому, с перспективой, мулу от жёлтой продажной журналистики.

Тут снова – пауза.

– А что у тебя с ним произошло? – спрашивает приятель.

– Да какая тебе разница! – кричу я. – Главное, что я готов. Пользуйся!

Когда пауза возникает в третий раз, я понимаю, что предчувствие меня не обмануло. Плохие предчувствия всегда сбываются. Потому что хорошие предчувствия – это мечты, а плохие – подсказки.

– Видишь ли, Дима, – начинает приятель, – я только что взял заместителя...

– Небось, заместительшу, – брякаю я наобум и – попадаю в точку.

– Да, женщина. Молодая. А что ты хочешь?.. Чтобы я работал со старой калошей? Если я возьму тебя, то у меня меняется весь редакционный расклад. Мне надо подумать...

– У тебя есть один день, – гордо заявляю я и тут же жалею о своей горячности: ну зачем такой экстремизм, ведь Главный дал целую неделю?..

Но – поздно.

А ко мне подбегают завхоз с охранником и делают умоляющие знаки: немедля выехать с гостевой стоянки, потому что, видите ли, в ворота въезжает серебристый «Мерседес». В «Мерседесе» сидит закадычный дружок Главного, заместитель министра печати, я вижу сквозь тонированное стекло его вздыбленную копну волос.

Эта копна даже не повернулась в мою сторону, когда я проезжал мимо, и меня посетило ещё одно плохое предчувствие: не бывать мне никогда Главным. Ну а замом министра печати – тем более не бывать.

Журналист У каждого своя любовь.

Я снова еду по Садовому кольцу, но теперь – в обратную сторону.

Куда деваться журналисту в первом часу пополудни, когда все бары ещё закрыты?

Некуда.

Сухаревка. А вот и мой дом. Я гляжу на его мрачный фасад, и вся эта история с синяком соседа всплывает у меня в голове. В результате секундного замешательства я проезжаю мимо поворота на улицу Щепкина и оказываюсь несколько минут спустя на Цветном бульваре. А уж если я на Цветном, то дорога у меня одна – к Сане.

Саня – мой друг, друг с самого детства, мы вместе выросли в хрущёвках на северо-востоке. Мы даже вместе учились в универе, а вот дальше нас разнесло, потому что я стал удачливым щелкопёром, а он скромным филологом и неизвестным писателем.

Что тут скажешь? У каждого из нас – свой маршрут по жизни. И вот мы с Саней бежим этими различными маршрутами, но пытаемся не терять друг друга из виду.

Я набираю Санькин мобильник. Номер недоступен. Набираю домашний. Домашний занят. Сидит в Интернете.

Ладно. Я заезжаю в его дворик, кое-как паркую машину между мусорными баками.

Саня открывает дверь – глаза у него завинчены в разные стороны, жиденькие волосы всклокочены.

– Привет, гений, – говорю я и прохожу внутрь.

Внутри бедно, неуютно, пахнет холостяком. Саня был женат, как и я. У него, как и у меня, есть ребёнок. Только

у меня дочь, а у него – сын. То есть, в некотором смысле, наши маршруты не так уж и различаются.

– Ты чего?.. – спрашивает Саня.

– Ты хочешь спросить, чего я припёрся среди белого дня? – уточняю санькину мысль.

Он усмехается. Мы видим друг друга насквозь. Всё-таки это здорово, когда есть человек, который знает тебя, как облупленного.

– Чего, чего? – бормочу я. – А ничего.

Саня пожимает плечами. На нашем языке это значит: не хочешь, не говори. Но куда ты денешься, коли пришёл?

Он прав, мне нужно выговориться, но я не спешу, потому что у нас свои ритуалы.

Сначала мы пьём чай (спиртное в такой час – рановато). Чай плохонький, из пакета. И едим бутерброды с колбасой. Я такую колбасу ел по доброй воле в последний раз при социализме. Но, странное дело, здесь, у Саньки, и чай, и бутерброды с социалистической колбасой мне даже нравятся, уплетаю я их с удовольствием.

– Ну что там у тебя? – говорю я.

Санькины глаза вспыхивают огнём. И я вспоминаю, что на прошлой неделе он звонил мне, мямлил, вздыхал, а потом раскололся: у него любовь, какая-то неземная, великая любовь. Ну, по телефону разве обсудишь такое вселенское событие, да к тому же я куда-то спешил, пообещал заехать, а потом – потом забыл, подлец. И вспомнил только вот сейчас, в эту секунду.

Так ведь главное – вовремя сориентироваться.

– Ну, давай, повествуи, – со вздохом говорю я. – Что там за любовь.

Мне уже понятно, что теперь не до моих скромных служебных неприятностей.

Итак, она звалась... нет, не Татьяной. И даже не Ольгой. Хотя такое совпадение меня ничуть бы не удивило: у романтика-литератора всё многозначительно и символично.

Девушку зовут Аней.

– Хорошее имя, – замечаю я, не находя никаких символов-ключей.

Девушке Ане чуть за тридцать, она работает в известном банке на очень неслабой должности, что-то по рекламе и пиару. У неё даже есть секретарша и отдельный кабинет.

– Симпатичная?

Саня кивает с таким выражением, что дураку ясно: красавица.

– Блондинка? – произношу я ключевую фразу.

Ключевую – потому что с женской мастью у нас очень сложные взаимоотношения. Сколько вечеров мы провели за обсуждением сакраментального вопроса: брюнетки или блондинки! Так ли уж холодны блондинки? Так ли уж горячи брюнетки? Не пропаганда ли это проклятого Запада? Милые белобрысы славянские барышни или роскошные брюнетистые итальянки-француженки-испанки?

Наши предпочтения менялись с годами и политическими системами. А также – под влиянием наших жён, любовниц и девушек лёгкого поведения, которыми мы иногда довольствовались за неимением в тот день предмета бескорыстной любви.

Поскольку я не помню, на чём остановились в прошлый раз – на нежной возвышенной блонде или страстной кареглазой чернушке, – я спрашиваю осторожно:

– Блондинка?

– У неё карие глаза, – отвечает Саня с такой сдержанной силою, что мне становится даже завидно.

– Значит, брюнетка?

Саня неровно вздыхает и отвечает: она крашенная... Я прячу улыбку и пытаюсь представить картину, как мой Саня, мой простодушный литератор Саня, входит в кабинет преуспевающей красавицы, банковского менеджера. Она поднимается ему навстречу из своего кожаного кресла, протягивает ему руку, он смотрит ей прямо в карие глаза и...

– А что ты там делал, в этом банке? – удивляюсь я.

Банк, офисные красавицы и мой Саня – вещи, совершенно несовместные.

Оказывается, банку исполняется десять лет, банк решил к юбилею тиснуть книжонку, а Саня как раз подвизается на этой ниве. То есть, разумеется, он полагает себя настоящим писателем, но жить как-то надо, настоящая литература не

даёт серьёзных доходов, так что приходится снисходить и к такой подёнщине. У каждого из нас своя подёнщина.

Сане подбросил эту денежную работёнку один благодетель, который держит целую свору литературных негров, на самые разные случаи – от написания модных романов по заданной фабуле до изготовления юбилейной корпоративной муры.

И вот Саня входит в кабинет, где сидит крашенная Аня с карими глазами, изящная молодая женщина с прекрасными манерами и ангельским голосом. Всё как в сказке или голливудском фильме.

Они битый час обсуждают проект и так увлекаются, что продолжают свою беседу в ресторане, за обедом.

– За обедом? – Я не верю своим ушам. – Ты пригласил её в ресторан?

Нет, конечно, это даже не пришло бы ему в голову. Кроме того, у Сани нет денег на дорогие заведения. То есть, какие-то деньги есть, но если ты никогда не уверен, хватит ли тебе расплатиться, о каком ресторане может идти речь?

Она сама, кареглазый ангел Аня, предложила перенести обсуждение за обеденный стол.

– Тебе понравилось? – спрашиваю я.

– Не то слово! – мечтательно говорит Саня, и лицо его затуманивается.

– А ели-то что? – уточняю я.

– Ели? – удивленно переспрашивает Саня. – Да какая разница?..

Понятно, – улыбаюсь я. Саня и не заметил, чем его накормили. У него был один предмет для восторгов – его кареглазый ангел Аня.

Интересно, – думаю я, – кто же заплатил за этот обед? Понятное дело, банкирша. И объяснила при этом, что – с корпоративного счёта. Чтобы не травмировать нежную душу писателя.

А затем – затем была счастливая неделя. Они встречались каждый день. Они были в литературном музее, в театре, на концерте органной музыки. Съездили, на её «Мазде», в Истру, полюбовались Новым Иерусалимом.

Ангел Аня даже побывала у Сани в гостях...

– Ты не подумай, это сейчас у меня бардак, – говорит Саня. – А тогда я всё прибрал, кое-что подремонтировал. Я же понимаю, что для неё это...

Он делает такой сожалеющий жест. Я оглядываю кухню. Может быть, он что-то и подремонтировал, но обстановка, мягко говоря, спартанская. Я, конечно, привык, меня не проймёшь, но что касается молодой обеспеченной женщины...

– Она сказала, – счастливо улыбается Саня, – что я живу, как стоик...

Образованная девушка, – думаю я и спрашиваю:

– Ну, и что дальше? Получилось?

Я хотел сказать: трахнулись? – но вовремя спохватился. Слово не из того лексикона, не для сегодняшнего санькиного настроения.

– Как тебе сказать, – говорит Саня. – Видишь ли...

Значит, не было ничего, думаю я.

Саня подтверждает: не получилось. Вроде бы всё шло хорошо, она сама, первая, поцеловала его, даже сама стала раздеваться, ведь он бы не посмел ничего такого себе позволить. Но потом...

Потом она вдруг села на постели, тряхнула головой и засмеялась. Каким-то странным смехом рассмеялась и принялась одеваться. Оделась, чмокнула его в щёку, сказала: «Созвонимся» – и ушла.

А через день прислала сообщение.

Саня дал мне прочесть.

«Саша, – написала его кареглазая любовь, – у нас ничего не получится. Я пыталась увлечься тобой, мне показалось что-то такое. Не выходит. Прости меня».

– Митька, – тихо говорит Саня. – Я люблю её. Она, она...

Он открывает рот и не может сказать ни слова. И я с ужасом вижу, как из глаз его текут слёзы.

Я встаю, отхожу к окну. Саня отворачивается, утирает лицо ладонью.

– Ты можешь смеяться надо мной, – говорит он глухо, – но я был счастлив. Пусть у меня теперь горе, зато у меня было семь счастливых дней, впервые за десять лет.

Я подхожу к нему сзади, кладу руки на плечи. Я буду последним, кто станет смеяться над Саней. Он всегда плачет,

когда по-настоящему влюбляется. У него любовь – всегда трагедия. Почему – бог весть. У него было три настоящих любви. Первая – в школе, вторая в универе, третья – жена. И вот теперь – четвёртая.

– Написал? – спрашиваю я.

Саня всегда пишет стихи, когда влюбляется по уши. Так что сейчас проверим.

Он шмыгает носом, вздыхает и говорит сильным голосом:

Ещё вчера – тебя не было.
А сегодня – ты уже есть.
Я закрываю глаза и вижу
Ямочки на твоих щеках.

Вот так, в японском стиле. Значит, по-настоящему. Четыре любви за тридцать пять лет. Много это или мало?

– Саня, – говорю я, – ты должен понимать, кто она такая. Топ-менеджер банка, у них свой круг, свои удовольствия, свои любви.

– Я понимаю, – отвечает Саня, – мы из разных миров. Но она умная, она тонкая. Она понимает искусство, литературу.

Конечно, она умная. Иначе бы она не занимала такую должность. Карие глаза, прекрасные манеры, ангельский голос. Способная девушка.

– Знаешь, – говорит Саня, – странная штука жизнь. Живёшь годами без любви, без понимания. И ничего, как-то справляешься. И вдруг что-то забрезжит... И ты как мотылёк на огонь.

Он весь напрягается и зажмуривает глаза. Я сжимаю ему плечи. Мы молчим. Нам не нужно слов. Теперь остаётся – всё это пережить.

– Плохо, что у меня эта юбилейная дрянь не идёт, – с трудом говорит Саня. – Сажусь, а она у меня перед глазами.

Я представляю, как он тут, один, пялится в стену, а там всё одно и то же: кареглазый ангел. Вот ведь как: сегодня познакомились, завтра трахнулись... почти что... а в заключение – отставка по телефону. То есть, даже не по телефону, а посредством эсмеэски. Такая нынче любовь.

– Нет уж, братуха, – решительно заявляю я, – давай-ка отделим чувства от бизнеса. Любовь приходит и уходит, а кушать... Как там дальше? Я могу быть спокоен?

Саня вздрагивает от слова «уходит», но – кивает: можешь быть спокоен.

Тут жужжит мой мобильник. На экране – рыжая женщина, она улыбается загадочной улыбкой. Это уже – моя любовь. В прямом и переносном смысле.

– Я уже еду, – говорит Люба.

– Куда? – спрашиваю я.

– Что значит, куда? – в голосе рыжей женщины – металл и возмущение. – Ты что, забыл?

Так. Что я должен помнить? Сегодня же понедельник, а мы встречаемся с Любой по вторникам и пятницам.

– Мы же договорились перенести на понедельник! – Люба словно читает мои мысли. – Ты забыл, негодяй! Я же тебе писала... У меня же завтра месячные!

Оп-па! Я и в самом деле позабыл, занятый своими шкурными проблемами. А если Люба настроилась на постель – свернуть её невозможно, так что надо поспешать.

– Саня, – говорю я строго, – работа и только работа! На днях заеду, вызову тёлок, и ты утопишь горе в вине и распутстве!

– Иди, – машет он рукой, – а то твоя рыжая тебе все яйца оторвёт.

Он пытается шутить – значит, жить будет. Я выбегаю во двор, сажусь в «Тойоту», выруливаю на бульвар. Теперь уж как повезёт: на Таганку, где находится наше гнёздышко, можно доехать и за двадцать минут, и за час двадцать. Во втором случае, тут Саня прав, моим половым органам несдобровать. Впрочем, им придётся туго в любом случае, потому что моя любовь – в прямом и переносном смысле – женщина темпераментная, с ней не соскучишься – во всех смыслах.

Мне удаётся добраться до гнёздышка за сорок минут.

Только поднимаю руку, чтобы сунуть ключ в замок, как дверь распахивается, и за порогом – статная зеленоглазая женщина с копной рыжих волос и – в чёрном пеньюаре.

Она стоит, подбоченясь, постукивает голой ножкой по кафелю и, едва я ступаю в прихожую, принимается коло-

тить меня. Причём, ну точно по санькиному предсказанию, – метит прямо в причинное место.

– Любка, – уворачиваюсь я, – сама же будешь жалеть...

– Негодяй, мерзавец, – шипит она, толкая меня в спальню.

– Я есть хочу, – пытаюсь я сопротивляться.

На что следует ответ: на обед я ещё не заработал.

Меня опрокидывают на кровать и в мгновение ока сдирают с меня одежду. То, что я оказываюсь в полной боевой готовности, немного смягчает мою мучительницу, она ластится ко мне, обцеловывая меня с ног до головы. Так начинаются наши свидания вот уже целый год. Вот уже год я не смотрю на других женщин, потому что моя любовь – во всех смыслах – не даёт мне для этого никакой возможности.

Сбив охотку, Люба позволяет мне перекусить. Мы сидим на кухне, она смотрит, как я поглощаю привезённую ею провизию. Как всякая настоящая женщина, Люба внимательна к мелочам. Её мужчина обязан хорошо выглядеть, он должен хорошо питаться. Всё это для того, чтобы он был способен любить её – во всех смыслах – и чтобы она получала от этой любви глубочайшее удовлетворение. Тоже – во всех смыслах.

После обеда мы опять идём в постель. Если первый любовный акт прошёл быстро и бурно, то на этот раз разыгрывается совсем другая пьеса.

На этот раз девушка стыдлива и скромна. Коварный соблазнитель должен склонить её ко греху. Она пытается ничего ему не позволить. Она отворачивается, она зажимается, она переворачивается на живот. Нужно ласкою растопить её боязнь, необходимо нежностью принудить её раскрыться, словно бутон, навстречу любви... Но и потом, когда девушка позволила чужой мужской силе проникнуть в себя, она не сразу откликается на ритм и зов страсти, ещё много усилий приходится приложить, чтобы она застонала, закричала, а потом и забилась в судорогах оргазма!

Но и это ещё не всё... Коварный соблазнитель не должен останавливаться, и упаси его господь потратить свой боезапас преждевременно. Он должен нежно и страстно продолжать истязать свою жертву, чтобы она смогла добраться до конвульсий еще не раз...

Такая у меня любовь. Во всех смыслах.

Затем мы дремлем. То есть, я сплю, а Люба нежится рядом. Когда я прихожу в себя, она подаёт мне сигарету.

– Так что у тебя происходит? – спрашивает она, глядя на меня в упор своими зелёными глазницами.

– У меня?.. – я пробую валять дурака, но с моей любовью эти номера не проходят.

Она даёт мне понять, что если я забыл о свидании с нею, – тому должны быть серьёзные причины. Она требует выложить все подробности, она у меня такая, ей всё интересно, моя рыжая стерва вникает в каждую деталь моей жизни.

Я не сопротивляюсь. Есть какая-то притягательная новизна в этой строгой опеке. У меня всегда были женщины, которые смотрели на меня снизу вверх, я был для них кумиром, денежным источником, истиной в последней инстанции. Я принимал все решения, а женщины следовали моим прихотям.

Моя нынешняя любовь – совсем другая история. Теперь я не принимаю никаких решений. Я просто плыву по воле любовных волн. Люба сама меня выбрала, сама уложила в постель, сама нашла эту квартиру, сама составила график наших свиданий. И я, удивительное дело, наслаждаюсь своим безволием, своей податливостью. Я, конечно, не альфонс, но... оказывается, быть игрушкой в руках красивой женщины – не такая уж горькая участь.

И вот под прицелом внимательных зелёных глаз я делаю обзор дня – и сразу история с соседским синяком всплывает в моей голове. Что-то там есть, на дне этой истории, что-то не додумано мною до конца. Надо бы спуститься в этот колодец памяти и пошарить там... но Любу мещанские синяки не интересуют.

Зато сцены газетной летучки приводят её в восторг, она слушает с удовольствием, сидя на постели, – и время от времени подёргивает плечами, так что её маленькие груди вздрагивают, а соски заостряются...

Любин интерес не удивителен. Дело в том, что её муж – хозяин издательского холдинга. Я познакомился с Любой как раз на журналистской тусовке, – то есть, она со мной познакомилась.

Когда я передаю ей мой разговор с приятелем-редактором, мне приходит в голову, что он так и не перезвонил мне. Это плохой признак. Моя любовь видит, что у меня ис-

портилась настроение и предлагает мне помощь: она поговорит с мужем, и тот что-нибудь придумает.

– Нет, – говорю я, – не стоит.

Нет, никогда, – думаю я про себя. Можно быть сексуальной игрушкой в руках женщины, но до сих пор я сам решал, где и на кого буду работать. Кроме того, пока о нашей связи не знает никто, но если я появлюсь в газете мужа-олигарха, шила в мешке не утаить.

– Почему? – удивляется моя любовь. – А что изменится?

Нет, – отрезаю я. Люба пожимает плечами, её грудки повторяют это движение, а она, греховодница, словно бы не замечает их наглой сексуальной агрессивности.

А вот рассказ о санькиной любви, против моего ожидания, не вызывает у Любы особенных эмоций. Она только замечает, изогнув стан, что я мог бы захватить с собою Саню, и она бы вмиг излечила парня от безнадежной любви...

– Тебе мало меня одного, распутная ты женщина? – строго замечая я. – Я уже не говорю о твоём муже...

– И не говори... – отвечает она и, задумавшись, продолжает: – А вообще она поступила благородно. Ну, этот каре-глазый ангел...

– Благородно? – переспрашиваю я.

– Да, – отвечает она. – По-человечески.

Я хмыкаю: ничего себе по-человечески!

Люба на полном серьёзе объясняет мне: всё без обману, она попыталась его полюбить, но не получилось.

– Что значит, не получилось? – саркастически спрашиваю я. – Могла бы утешить парня, хотя бы разок.

– Она попыталась, – отвечает Люба. – Но она же не проститутка...

– Ну да, – говорю я. – Она попыталась, а он всю жизнь будет вспоминать и мучиться.

Люба кладёт руку мне на голову, смотрит в упор своими глазюками. А разве это плохо? – шепчет она. Бедному поэту подарили счастливую неделю любви. И пусть теперь страдает. Может быть, из этих страданий выльется что-нибудь путное, в литературном смысле.

– Он не поэт, – ворчу я. – Он прозаик.

– Ничего, – отвечает Люба. – Пусть напишет роман. Не про заек. А про любовь.

Жизнь и Полёт

Я сворачиваю с Садового кольца к себе во двор как раз в ту секунду, когда край солнца дрожит над эстакадой, готовый окончательно исчезнуть.

Ничего себе денёк, – мелькает в моей голове, когда я выхожу из «Тойоты».

– Добрый вечер, Дмитрий Анатольевич! – возникает за левым плечом Нурали. – Можете не беспокоиться, с машиной всё будет в порядке.

Я не очень беспокоюсь, но всё равно приятно, когда проявляют заботу.

Иду к подъезду и вдруг:

– Папа!

Моя родная дочь, моя Лёлька бежит по двору и с ходу кидается мне на шею.

Я её целую, она меня целует, и с полминуты мы так обнимаемся, – что называется, от души. Я не могу на дочку наглядеться, а она уже отстраняется, смущённая...

– Ну, перестань, ну всё, пап...

– Что ты здесь делаешь? – говорю я. – Почему не позвонила?

Лёлька начинает укоризненно сопеть (ну, точно, как её мать), а я вижу на телефоне пять её звонков.

– Ладно, виноват, – сдаюсь я, – пошли домой, там разберёмся...

Но Лёлька стоит на месте.

– Не могу, пап, меня ждут...

Кто ждёт? Я беспокойно оглядываюсь. Только ухажёров мне ещё не хватало... Но на лавке у песочницы сидят две девчонки. Слава богу.

– Послушай, папуль, – начинает Лёлька, и я уже понимаю, о чём речь, и достаю кошелёк. – Ты что, забыл?..

Так, что я ещё упустил из виду?

– У мамы день рождения в субботу, – с нажимом говорит дочка, а я пускаюсь в доказательства того, что я всё прекрасно помню, до субботы ещё полно времени...

– Папа!.. Деньги... на подарок... Что мне, у него просить?

«Он» – теперешний муж моей бывшей жены. Не могу сказать, что меня сильно огорчают натянутые отношения Лёльки и этого человека. Хотя он вроде бы приличный малый. И, кажется, добрый. Иначе бы ему не удалось ужиться с матерью моей дочери... Двум львам тесна одна берлога.

Когда я протягиваю дочке деньги, она, чистая душа, берёт не все: многовато... Но потом, забавно закатив глаза, спрашивает скороговоркой: может, ей тоже купить себе духи... или хотя новую туалетную воду?

Она чмокает меня, бежит к песочнице, и все трое направляются к арке. Я слежу за ними с томительным чувством в груди. Возле арки Лёлька оглядывается, машет мне рукой. Всё... Вот как мы теперь общаемся: раз в неделю и на бегу.

Я плетусь в подъезд. Только ступаю на свою площадку, за соседской дверью – шорох.

Чтоб ты провалился! – высказываю я пожелание. Вставляю ключ в замок, и тут за моей спиной – скрип двери. Поворачиваю ключ. За спиной – сопенье.

– Ты меня достал, Гришка, – говорю не оборачиваясь. – А если я замужнюю даму захочу привести? Ты же не даёшь мне никакой возможности держать в секрете мои шуры-муры. Ну чего ты молчишь, обормот, тебе всего лишь глаз подбили, а не язык усекли?

Что-то заставляет меня оглянуться. В дверях стоит соседская жена и глядит на меня с непонятным выражением. За её плечом видна Гришкина физиономия.

– О, господи! – говорю я и скрываюсь в своей квартире.

Я – без сил. День укатал меня так, что никакой сивке-бурке не снилось. Тем не менее, верный своей «совиной» натуре, я ещё несколько часов провожу в полусонном состоянии – у телевизора, за книжкой и вообще – просто так шатаюсь по квартире из угла в угол, думая о том, как бы сейчас хорошо было болтать с Лёлькой обо всём на свете. Но ничего не попишешь, такая у нас судьба – жить порознь,

мне – мучиться, а ей – не знаю. Боюсь – она привыкла, что папа – где-то в стороне...

Наконец, совершенно разбитый, я укладываюсь в постель. Усталость обнимает меня, словно верная жена, укладывает меня поудобней, подворачивает простынку под локоть. Я даже постанываю-мурлычу, – на славу погулявший по жизненным крышам котяра.

Сон готов принять меня в своё лоно. Вот только последний штрих уходящего дня – взгляд сверху. Надо лишь представить себя самого, лежащего ничком. То есть, нужно приподняться над самим собой, увидеть себя, раскинувшегося на постели. Затем ещё приподняться. И вот уже видна вся квартира, и ты сам – маленький человечек, отходящий ко сну...

...Меня научил такому способу засыпать один странный человек. Я даже не знаю, кто он такой и как его зовут. Мы встретились на какой-то тусовке, разговорились, понравились друг другу. Так бывает: среди суеты и галдежа вдруг появляется человек, с которым у тебя одинаковые реакции. Ты – остроту, он – сарказм, и всё как-то в жилу, и оба понимают друг друга с полуслова. Уже не помню, отчего мы с ним принялись обсуждать проблемы сна, – но он объяснил мне, как нужно засыпать по-настоящему. Я ещё посмеялся над этим его – «по-настоящему»...

...И вот уже видна квартира – сверху, в плане, и маленький человек, раскинувшийся на постели, под простыней. Он, человек, на грани сна и яви, в том состоянии, когда душа едва держится в теле. Он томится, подёргивает плечами, ногами – словно готовится отпустить кого-то на волю, словно сейчас он с кем-то расстанется...

А вот, за стеною, другая квартира: кухня, два человека, мужчина и женщина.

«Пожаловался, козёл!..» – презрительно говорит женщина.

«Ё-моё... Сколько раз тебе повторять?..» – отвечает мужчина и непроизвольно дотрагивается до глаза.

«Картошку доешьте, дармоеды, завтра холодная будет... – женщина поднимает и опускает крышку с огромной сковороды. – Слышишь, Витька!» – кричит она кому-то.

«Он в наушниках, не слышит», – говорит мужчина.

«Пожаловался, мудака! – горько говорит женщина. – Да тебя убить мало, тунейдца, а я ведь никому не жалуясь!»

«Да не говорил я ему ничего!» – кричит мужчина.

«А откуда он знает?» – ещё громче кричит женщина.

«А может, он просто слышал? Вон, через кухню, – отвечает мужчина. – Там слышно, когда тихо, когда ночь».

...Я вздрагиваю и открываю глаза.

Сон ещё свеж во мне, я, как говорится, ещё не заспал его и вижу их, мужчину и женщину, Гришку и его жену, словно ещё секунду назад был с ними за одним столом.

Я сажусь на постели.

Тихо. За окном – начало ночи. Мне так хочется писать, что мой партнёр в трусах возмущён до самой последней крайности.

Я встаю, иду в туалет, на обратном пути – останавливаюсь на пороге комнаты.

Кухня. Гришка говорил, что там всё слышно.

Прохожу на кухню и стою на середине, весь обратившись в слух.

Гудят трубы, музыка где-то наверху. Вдруг – какой-то женский вскрик, но – не разобрать.

Я подхожу к стене, прикладываю ухо. Теперь – мужской бубнёж, но снова – не понятно. Мне припоминается что-то из детства, из каких-то забытых книг – как нужно подслушивать. Я беру кружку, приставляю к стене, прижимаюсь ухом к доньшку.

И:

«– Вы картошку съедите или нет! – сразу различаю Гришкину жену. – Не жаловался он... Как работать, так его нет, а как собутельникам жаловаться, он тут как тут!

– Да и не пил я с ним ни разу! – это уже сам Гришка вопит. – Будет он со мной пить... Ему что, пить не с кем?

– Да мне всё равно, с кем он пьёт! – орёт соседка. – А ты то – на какие шиши?

– Да когда я пил в последний раз!»

Я опускаю руку, бреду в комнату. Смотрю – в руке кружка. Возвращаюсь, ставлю кружку на стол.

В самом углу окна висит свежая, рыже-лимонного колера – луна. Я гляжу на луну, и она смотрит прямо на меня.

Весь день эта история с Гришкиным синяком пряталась от меня, – уходила, уплывала, оседала, таяла, словно мираж или утренняя дымка.

И вот теперь я должен понять, что происходит, объяснить всё это самому себе, назвать простыми словами.

Что всё это значит?

Сон? Я способен видеть во сне то, что происходит у меня за стеной? Видеть так, будто бы я сам нахожусь там? Что же это за сон?

Вот и вчера я так же отчётливо видел, как соседка заехала Гришке по физиономии, как он обиженно-изумлённо смотрел на неё и как она, оробевшая, кудахтала вокруг него...

Что это такое? Что со мной?

Снова я бреду в комнату, падаю на постель, прячу лицо в подушку, натягиваю простыню на голову. И понимаю, что хитрость с зажмуриванием глаз ничего не даёт, наоборот – как только я закрываю глаза, меня сразу же неудержимо тянет взглянуть на себя со стороны, сверху...

Я испуганно вскидываюсь на постели. Из окна на меня глядит рыжая луна.

Может быть, я псих? – приходит мне в голову.

Что же мне теперь – не спать? Так и прожить всю жизнь с открытыми глазами?

Мне снова вспоминается тот мужик на тусовке, который научил меня засыпать этим замечательным способом: надо только попытаться взглянуть на себя – со стороны, сверху, например, попробовать увидеть свой затылок, а потом – свою спину, а потом – уже всего себя...

И вот уже видна сверху, в плане, квартира и маленький человек, раскинувшийся на постели, под простыней. Он, человек, на грани сна и яви, в том состоянии, когда душа едва держится в теле. Он томится, постанывает, подёргивает плечами, ногами – словно готовится отпустить кого-то на волю, словно он сейчас с кем-то расстанется. Может быть, ненадолго, а может быть, навсегда...

...Я летал во снах ещё совсем недавно, я даже помню эти ощущения. Чтобы подняться вверх или просто лететь над землёю, нужно проделывать такие движения, будто плывёшь под водой, изгибаясь вдоль оси всего тела. Чем интен-

сивнее эти изгибающие движения, тем выше скорость или тем круче ты взмываешь вверх...

И вот, вырвавшись на волю волю, я взмываю над Сухаревкой!

Я лечу вверх, прямо в небо, и вскоре земля затягивается легкой дымкой, а на западе край неба светлеет, становится иссиня-голубым.

Я лечу, управляя полётом с помощью тех самых движений, как если бы я был телесен. Наклон вправо – и я лечу в ту сторону и по едва уловимому усиленному току воздуха понимаю, что скорость увеличилась. Я расслабляюсь, выпрямляю воображаемое тело – и чувствую, что скорость упала.

Я ныряю вниз – и земля стремительно приближается ко мне, разворачиваясь во всю свою необъятную великолепную ширь. Москва летит ко мне, сияя миллионами огней, и погибает краями к горизонту. По Садовому кольцу, словно гигантский поток вулканической лавы, переливаясь и пульсируя, течёт, без начала и без конца, автомобильная река. Проспекты рассекают московский выпуклый круг прямыми стремительными радиусами и хордами, по ним растекаются ручейки лавинного потока машин.

Я пикирую на Садовое и несусь вдоль осевой, метрах в трёх над автомобильным потоком, так что один его край мчится мне навстречу, а другой я обгоняю. Как в разрезанном надвое калейдоскопе я вижу мелькающие лица людей в автомобилях: мужские, женские, детские. Эти лица промелькивают мимо, но я успеваю заметить выражение каждого из них, заглянуть им в глаза...

В правой половине потока, с которым мне по пути, я замечаю огромный «Хаммер». Мне всегда хотелось заглянуть внутрь, понять, что за люди ездят в таких чудовищных машинах.

Я осторожно снижаюсь, и мне открывается салон «Хаммера». Маленький человек сидит за рулём, рядом с ним женщина раза в два побольше. Человек явно доволен своей судьбой.

Впереди – новенький «Мерседес». А в нём – женщина. Шикарная женщина сидит со скучающим видом на заднем сиденье, смотрит телевизор, вмонтированный в переднее

кресло. Женщина великолепна, но – явно скучает. Я б её развеселил, будь я в телесном образе. Как там в русских сказках: и ударился он обземь, и превратился в Иван-царевича, и обнял царевну – и т.д. и т.п..

Но я не в телесном образе, я взмываю над автомобилем, ускоряюсь и в десять секунд пролетаю Садовое от Парка культуры до Сухаревки.

Здесь я на секунду заглядываю на свой этаж.

В моей квартире на постели лежит человек, ничком, чуть прикрытый простынёй.

За стеной тоже все угомонились. Гришка уткнулся своей благоверной под мышку и посапывает, вполне счастливый.

Спускаюсь ниже. Дворницкая. Бравый Нурали сидит за столом и пьёт чай. Перед ним – девушка. Он говорит ей что-то на своём языке, она робко отвечает ему. Может быть, это та самая, «чистая», которую он предлагает мне в домработницы?

Я покидаю подвал, и тут острая мысль приходит мне в голову (хотя голова моя осталась внизу).

Кратчайшим маршрутом я лечу по одному московскому адресу.

ВДНХ. Здесь я немного отклоняюсь от маршрута и облетаю знаменитый памятник рабочему и колхознице. Вблизи памятник совсем не привлекателен, покрыт потёками грязи. Я пролетаю между серпом, что в руке у колхозницы, и молотом, который держит рабочий, и устремляюсь прямо в крышу сталинского дома на улице академика Королёва.

С непривычки, от неумения рассчитывать свои новые силы, я пролетаю нужную мне квартиру навывлет, так что приходится тормозить и возвращаться.

В спальне, на широкой кровати спит хозяйка квартиры – грузная женщина средних лет. Она всхрапывает при вдохе и посапывает при выдохе.

А где же хозяин? Он в соседней комнате. Мой главный редактор сидит перед телевизором. А в телевизоре – чтобы вы думали? – «Собака на сене», самый финал, где герои обретают, наконец, счастье.

Некоторое время я рассматриваю своего начальника буквально с полуметра. Он по-настоящему увлечён, он волнуется и переживает, словно видит этот фильм впервые.

Затем Главный выключает телевизор и сидит, откинувшись в кресле. Из спальни доносится храп... Лицо Главного снова приобретает знакомое мне замкнутое выражение.

Мне становится не по себе. Даже не знаю, что я хотел увидеть здесь... Что подсмотреть? Чем насладиться?

Я вылетаю вон, поднимаюсь ввысь и, набирая ход, несусь прямо в колокольню Ивана Великого. На подлёте я притормаживаю так, чтобы меня закрутило вокруг колокольни. Манёвр удаётся, я верчусь над Кремлём, и московский ночной пейзаж превращается в поток переплетающихся огненных линий...

Затем я покидаю круговую траекторию вокруг колокольни, наугад, – и едва не ныряю в Москву-реку. Тогда я разгоняюсь над самой гладью воды, пролетаю под Крымским мостом, мимо фрунзенской набережной, в огиб Лужников и так до самого новоарбатского моста. Какими-то десятками чувств в своём бешеном полёте я ощущаю слабый ток воздуха, а мириады огней дробятся и переливаются сплошной сияющей радугой...

Спасибо тебе! – кричу я, сам не знаю – кому. – Благодарю тебя за то, что ты дал мне почувствовать, ощутить всё это!

Перед кутузовским мостом я взлетаю, делаю оборот вокруг шпиля гостиницы «Украина», и в этот миг новая идея возникает в моём воспалённом воображении.

Проспект Вернадского – вот куда я теперь направляюсь. А вот и тот самый дом...

Беда только в том, что я не знаю квартиры, я подвозил как-то свою рыжую любовь к подъезду – и всё...

Приходится обследовать все квартиры со второго этажа. Это совсем нетрудно, поскольку большинство обитателей уже спят. Спят молодые, старые, пожилые, одинокие, семейные, а в одной из квартир счастливым сном спят трое: мужчина и две молодки, которые свернулись калачиком по краям постели, словно два цветочных лепестка вокруг своего пестика.

На шестом этаже мужская компания дуется в карты; на седьмом – женская дует «Мартини».

Те, кого я искал, обнаруживаются под самой крышей. Мне следовало бы догадаться сразу, что такой крутой олигарх мог поселиться только в петнхаузе.

Они в спальне и – кто бы мог подумать! – занимаются просмотром порнухи.

Любовь сидит на постели точно в такой же позе, как и со мной, – поджав ноги, грудки победно торчат вперёд. Олигарх лежит на спине, под простынёй, живот торчит бугром.

«Смотри, смотри, – говорит увлечённо Люба, – как он работает задом. То есть, я имею в виду бёдра...»

«Бёдра, – усмехается олигарх, – работает он совсем другим органом».

«Смотри, как он гуляет задницей из стороны в сторону, такие круговые движения... – показывает пальцем Любовь. – Женщина такой кайф ловит...»

Не отрываясь от экрана, она запускает руку под простыню, шарит там. Олигарх скашивает глаза и смотрит с таким интересом, словно жена ищет какую-то чужую для него, незнакомую вещь.

С лёгким вздохом Люба вынимает руку из-под простыни.

«Я сегодня пас», – говорит олигарх.

«Давай просто посмотрим, – говорит Люба и устраивается поудобней, на животе, так что можно видеть всю её фигуру от пяток через точёные ягодицы до макушки с рыжей копной волос. – Смотреть на себя со стороны – это такое особое удовольствие».

«А уж мне на тебя смотреть со стороны...» – иронизирует олигарх.

«Да перестань, – отмахивается Люба. – Подумаешь, любовник... Ну давай завтра выпишем тебе лучших девочек, какие проблемы...»

Если бы я был телесен, то в эту минуту моё состояние вполне можно было назвать – остолбенел. Ни одной мысли не было в моей голове – или где там помещаются мысли у таких эфемерных существ.

Вместе с моей любовью и её мужем я смотрел на огромный экран. А там было что посмотреть. На экране двое занимались сексом. И одним из них – был я.

Надо сказать, я давно хотел заснять наши с Любовью сексуальные игры, да так и не собрался. Со своими прежними подружками я иногда проделывал такие штуки, ставил в угол видеокамеру и запускал её в нужный момент. Как правило, ничего путного из этого не выходило: либо ракурс был не тот и видны были, к примеру, только ноги, либо свет подводил, либо что-нибудь ещё. А тут качество картинки было выше всяческих похвал, из чего проистекал простой вывод: аппаратура профессиональная. И я вспомнил, что в спальне, в нашем гнёздышке, прямо против постели, висит абстрактная картина: ничего не понятно по сюжету, но что эротика – видно.

Вот куда встроена камера. Ай да Люба, ай да любовь!

Утешает лишь одно: в грязь лицом я не ударил. По тому, с каким неподдельным чувством наблюдала за экраном Люба, было ясно, что она очень довольна. И тем, что было в гнёздышке, и тем, что она имеет возможность пережить эти мгновения вновь.

Но всему приходит конец, запись заканчивается, Люба переворачивается на спину, открывая свою фигурку спереди, и говорит мужу:

«Ну что там у тебя с этим уродом?»

Ну, точь в точь как со мной в нашем гнёздышке. После любовных игр наступает время заняться корпоративными.

«Ты имеешь в виду...» – со вздохом начинает олигарх.

«Да! – говорит Люба. – Я имею в виду его... замминистра! Они продают канал или нет?»

Я уже было собрался покинуть этот странный дом, но упоминание о канале заставило меня повременить.

До меня доходили слухи о возможной приватизации государственного телеканала. Но – мало ли о чём болтают в кулуарах, на кухнях, в барах. Такие дела решаются за очень плотно запертыми дверьми, простому смертному не подходить.

В общем, если бы мог, я бы наострил уши.

«Понимаешь, – нехотя говорит олигарх, – там всё дело в долях...»

«Но твоя-то доля... она зафиксирована?» – допытывается Люба.

«Что значит, зафиксирована?.. – устало улыбается олигарх. – Нет, милая моя, всё может измениться в любую минуту».

«Но ведь им нужны твои деньги?» – спрашивает Люба.

Олигарх берёт её за руку и затаскивает на себя. Теперь она лежит на нём, свесив ножки с его живота.

«Да уж, этот интерес неизменен, – усмехается олигарх. – Им очень нужны мои деньги. И белые, и чёрные».

«А нам это нужно? Ты хорошо всё обдумал?» – сомневается Люба.

«Ты спрашиваешь уже в десятый раз», – он сочно хлопает её по ягодице.

Люба говорит, что она очень беспокоится. Олигарх становится серьёзным и отвечает, что у него тоже душа не на месте. С этими сукиными детьми всё может перемениться в мгновение ока, пакет может уменьшиться, а деньги – деньги возрасти. Всё зависит от скорости, конфиденциальности и количества действующих лиц. Чем чиновников больше, то есть, их подставных лиц, – тем пакет меньше, а цена – выше.

«Будь осторожен», – говорит Люба и целует мужа в нос.

Меня, между прочим, она так никогда не целовала. Похоже, она очень хорошо относится к своему мужу.

«Ладно, ладно, – шепчет олигарх и мнёт ей спину и ягодицы. – Может, ещё раз попробуем?»

«А ты не устал?» – спрашивает Люба.

Вместо ответа тот движением бедра сбрасывает жену в одну сторону, движением руки – простыню в другую, а я понимаю, что теперь мне пора покидать эту счастливую семью.

Я взмываю вверх и в один присест оказываюсь так высоко, что мне открывается вся Москва целиком, – она словно гигантское морское чудовище с раскинутыми в область щупальцами – цепочками огней вдоль шоссе-ных трасс. Я гляжу сверху на это сверкающее переливчатыми огнями земное полотно жизни, и досада грызёт моё сердце, которого у меня сейчас нет, и давит душу, которая, кажется, всё-таки есть.

Что такое любовь? И в прямом, и в переносном смысле?..

Целый год я полагал, что у меня есть любовь. А оказалось, что я для моей любви – и в прямом, и переносном смысле – только энергичный кобель с хорошей задницей, спиной, животом и прочим инструментарием. Всякое бывало у меня, многие роли я исполнял в жизненном спектакле, но в роли учебного пособия для импотентов-олигархов бывать не приходилось.

Но Любка какова, моя рыжеволосая любовь!..

Теперь досада швыряет меня вниз, я стремглав пикирую на столицу нашей родины и внутренний мой штурман обеспечивает посадку возле скромного домика на Цветном бульваре.

Маленькая квартира стойка.

Саня, мой бедный Саня, сидит за компьютером, но взор его устремлён мимо экрана. Он глядит в темноту и прозревает там какую-то другую жизнь, в которой он красив, удачлив и неотразим. Образ кареглазого ангела по-прежнему терзает его настоящее, живое сердце.

Какая несправедливость! – приходит мне в голову. – Вот умный, тонкий, талантливый человек, у него есть почти всё, чтобы покорять прекрасных женщин. Не хватает самой малости: денег, крутой тачки, кудрей погуще, хорошего костюма да кобелиной наглости в глазах. Почему всё это достаётся одним и не даётся другим, тем, кто по-настоящему этого заслуживает?

На прощанье я пытаюсь склонить Саню ко сну. Я нависаю над ним и велю ему спать. И он через минуту начинает позёвывать, потом бредёт в ванную, кое-как чистит зубы и укладывается, наконец, на на своё холостяцкое ложе.

Спи, – говорю я ему. – Спи, братишка. И пусть тебе приснится твой кареглазый ангел.

Всё. Одним рывком я перелетаю на Сухаревку.

В моей квартире в той же позе, на животе, чуть подвернув ногу и с простыней на бёдрах, – лежит человек. С непонятным холодком внутри моего нового существа я падаю на этого лежащего ничком человека...

Я просыпаюсь и какое-то время не могу понять, где я и что со мной.

Между шторами – слабая полоска света.

Раннее утро? Или...

Я подношу мобильник к глазам и снова не могу ничего сообразить.

Начало десятого... Вечер? Которого дня?

Понемногу наступает ясность в мыслях. Неужели я проспал почти сутки?

Я прислушиваюсь к своим ощущениям, поднимаю руку, ногу. Всё цело. Всё работает по-прежнему. Чувствую себя прекрасно.

Я закуриваю сигарету и пытаюсь осознать то, что со мной произошло. Ночные мои приключения встают предо мной во всей своей поразительной громаде.

Два часа двадцать пять минут я обдумываю свое положение. Затем поднимаюсь, привожу себя в порядок и зову к себе соседа Гришку.

Фингал у него под глазом обрёл жёлто-фиолетовую гамму. Я даю ему пачку сигарет и велю привести Нурали.

Спустя четверть часа они являются, в глазах – испуг и любопытство.

– Итак, соколы мои, – говорю я им, – слушайте меня внимательно. Я беру вас на работу.

Гришка от удивления разевает рот.

– Ты будешь по совместительству, – поясняю я таджику.

– А что мы должны делать? – спрашивает Гришка. – И какая зарплата?

– Договоримся, – отвечаю я. – Гораздо больше пачки сигарет.

Катя. Будем исправлять я.

Мне, конечно, крупно повезло, что я работаю в отделе Марь Палны.

Мой шеф – замечательный человек. Она хоть и пожилая тётка, но фору даст, знаете ли, и молоденьким. Таким, например, как я.

Во-первых, она знает уйму всего: и журналистику, и подноготную известных людей, и вообще. Марь Пална в нашем отделе, который состоит из нас двоих, – источник и кладёзь всей информации. Она – кладёзь, а я технолог: обработка на компьютере и прочие технические мелочи.

Во-вторых, с ней я поняла, что женщины в возрасте – они ещё ой какие женщины. Кто бы мог подумать, что человек на шестом десятке может разбираться в сексе и любви не хуже нас, молодых. И не просто разбираться, а как бы это сказать – жить этим самым сексом. У неё, оказывается, кроме мужа, с которым она поддерживает чисто дружеские отношения, – есть ещё друг-любовник, и у них там всё в полном порядке. Вот так. Мне бы такой порядок.

В-третьих, я за Марь Палной в этом отделе информации и писем, – как за каменной стеной, как у Христа за пазухой. (Гм, интересное выражение. За пазухой у мужчины – одно, а у женщины – ведь совсем другое... Правда, Христос, пусть и мужчина, но – бог. Ну и что? Ничего, просто запуталась). Так вот, в других отделах нашей замечательной газеты обстановка та ещё. Там народ грустит, плачет и бегаёт к нам чай пить. Ну и нам всё докладывает.

Например, как Замполит пристаёт к девушкам. Он, говорят, раздаёт задания – выгодные или не очень – в зависимости от того, как девушки к нему относятся. Я уж не знаю, до какой степени всё это верно... Ещё говорят, когда Дима был на должности Замполита, такого не наблюдалось. Наоборот,

все хотели с ним работать и не обращали внимания, – какие задания. Я имею в виду девушек.

Вот в это – верю. Мне ли не знать. Ха-ха.

Или вот ещё. Как Экономичка своих угнетает. Самой тридцати нет, а она всех там в бараний рог скручивает, все от неё плачут. Там тоже девушкам достаётся, но уже по другой причине. Потому что Экономичка парням покровительствует. Но парней нет, ни одного, из-за этого большие проблемы у девушек. Поэтому в любимицах у неё ходит самая некрасивая. То есть, я имею в виду, не самая эффектная. Впрочем, всё равно нехорошо сказала. Красивая, некрасивая – это такая скользкая материя. Человек не виноват, что у него скулы широкие. Или нос длинный. Или ноги короткие. А на пять сантиметров длиннее – и всё, стройная. В общем, в таких материях уйма несправедливостей, женщинам не позавидуешь. И шутки здесь неуместны.

Так что будем исправляться, – так любит говорить Марь Пална.

Вот она сейчас входит в отдел, озабоченная, садится за свой стол, то есть, напротив меня, и говорит задумчиво:

– Странные дела творятся в нашем королевстве...

Я сразу – внимательные ушки на макушке. Если шеф чего-то не понимает, значит, происходит что-то необычное.

– За три последние недели вскочили два иска против нас, – размышляет Марь Пална. – И мы готовим два. Юристы мне всё доложили... С чего бы это?

Она смотрит на меня, словно я могу знать ответ. Я – на неё. Глаза у шефа интересные, живые, с такой очаровательной хулиганской. И я не удивляюсь, что у неё любовник моложе пятью годами.

– Такая мощная, – продолжает Марь Пална, – не побоюсь этого слова, эректильная активность по искам свидетельствует о каких-то неизвестных нам пока флюктуациях...

Наверное, на моём лице отражается непонимание, и мне объясняют, что такое флюктуация.

– В общем, скандалы по Москве громяют, – качает головой шеф. – Как будто по воле какой-то дирижёрской палочки... Как будто это организованная компания...

– А по каким материалам иски? – спрашиваю я. – Чьи материалы-то?

И тут же понимаю, что можно было и не спрашивать. Марь Пална смотрит на меня с едва уловимой усмешкой, а я чувствую, что краснею. Я очень уважаю своего шефа ещё и потому, что она ни разу не спросила меня про Диму. Она не может не знать всю подоплёку, не может не слышать все эти разговоры про дурочку из отдела писем, влюблённую в лучшего журналиста, – но ни разу не позволила себе ни прямо спросить, ни пошутить.

За последнее время опубликовано три больших Диминых статьи. Одна про свалки, другая про аферу с военным контрактом, третья – про сеть подпольных борделей для элиты. В редакции болтали, что Главный очень доволен, что у них с Димой был острый разговор, и вот после него Дима стал давать один материал за другим.

– Неужели они оба участвуют в этой кампании? – задаёт вопрос Марь Пална.

Вопрос, конечно, риторический. Я только хлопаю глазами.

– Ладно, – машет рукой Марь Пална, – всех загадок нам не разгадать. Пора по домам. В конце концов, в жизни есть кое-что не менее интересное... Я имею в виду живое человеческое общение. Понимаешь, о чём я?..

Она отрывается от своей косметички и смотрит на меня сожалеющим взглядом. Она про Диму меня не спрашивает, зато постоянно критикует мой образ жизни. По её мнению, я должна через день ходить на свидания с разными мужчинами, вести очень насыщенную всякими культурными мероприятиями жизнь, а не сидеть дома с родителями. Впрочем, иногда я подозреваю, что только к пятидесяти годам она стала такой современной светской дамой с широким взглядом на взаимоотношения полов. А когда-то тоже была закомплексованной дурочкой вроде меня.

– Мне тоже казалось, – говорит Марь Пална в унисон с моими мыслями, – что жизнь длинная, а молодость и красота – вечные... А на самом деле... не успеешь оглянуться, а молодые мужики уже смотрят сквозь тебя... Мораль? Развлекайся и порхай. А беды сами тебя найдут.

Она делает мне ручкой и уходит. Я вздыхаю, ставлю себе задачу за полчаса закончить обработку интернетовских посланий наших читателей.

Но моим планам сбыться не суждено. Потому что раздаётся звонок моего мобильного.

Я гляжу на экран телефона, и мне становится жарко. Звонит Дими́на мама. Не то чтобы я её боюсь, совсем наоборот, у нас очень хорошие отношения. Просто... даже не знаю, как сказать. Мне с Натальей Николавной и очень приятно общаться, и очень неловко. И всё это одновременно.

– Катюша, – говорит Наталья Николавна (я про себя зову её просто НН), – я могу тебя спросить?.. Какие у тебя планы на сегодня? На вечер?

Я отвечаю, что никаких. То есть, домашние планы.

– Да? – с облегчением говорит НН. – А когда ты вернёшься из своего центра?

На это я отвечаю, что часа через два, не раньше.

– Да? – с огорчением замечает НН. – Жаль.

– Но я могу и пораньше, если нужно, – говорю я, улыбаясь.

– Да? – радуется НН. – Ну, тогда ты к нам заходи. Мы тут с Лёлькой сидим, обсуждаем кое-какие дела. Ты бы нам очень помогла.

Лёлька – это Дими́на дочка, Оля. Её мать, бывшая жена Димы, работает на телевидении, такая пронзительная брюнетка. Если с НН у меня отношения очень хорошие, то с Лёлькой – неопределённые, настороженные что ли. Но что поделаешь? Назвался груздем, тащи свои саночки в гору.

Ладно, думаю я, подождёт наша сетевая почта до завтра. Факты из реки по имени «жизнь» не должны испортиться за ночь. Или это как раз тот случай, – в отличие от осетрины, – когда очень даже могут потерять свою «свежесть»?..

Как бы то ни было, я покидаю редакцию. На улице – такой чудный вечер, что мне почему-то становится грустно, и вспоминаются слова Марь Палны о том, что нужно порхать и развлекаться.

Я украдкой оглядываю редакционную стоянку, но «Тойоты», конечно, нет. Спецкор – птица вольная.

Ладно, – вздыхаю я и дворами добираюсь до «Курской».

В метро, на вокзальных станциях всегда битком в этом час, какие-то грубые, дурно пахнущие личности теснят меня и ещё норовят прижаться плечом или спиной. Когда я выбираюсь из вагона на «Проспекте мира», мне приходит в голо-

ву, что осуждать людей только за то, что они неважно пахнут, – не очень-то по-человечески. Наверное, какие-нибудь трудяги из Подмосковья или даже Тулы-Твери-Калуги, зарабатывают в столице на хлеб для своих семей, для своих детей, им не до свежей рубашки, не до туалетной воды.

Будем исправляться...

На нашей, на «рыжей» линии посвободней, публика почище. Московский офисный люд устремился в спальные районы. Половина пассажиров – читают книжки. Но книжки эти – вроде нашей газеты. Дамский детектив или толстый кирпич фэнтези. Сколько терпения нужно, чтобы осилить такой том. Я пробовала, не получается. У меня всегда в сумке какая-нибудь книжечка стихов, но неловко доставать её в вагоне, это выглядит как-то нарочито.

Я выхожу из метро, иду через дворы к нашим родным хрущёвкам.

Вот моя школа. И Дима тоже здесь учился... Вот дорожка вокруг школы. По этой дорожке столько хожено и бегано за десять лет – не сосчитать. Я иду по этой дорожке и чувствую грустную, взрослую улыбку на своих губах...

Ладно, будем справляться и с грустью, и со взрослой жизнью.

Ещё триста метров – и вот здесь, возле этого дома, у этого подъезда – я увидела Диму в первый раз. Мне было двенадцать лет. Мы торчали тут с девчонками, потому что была свадьба. Дима женился, они всей компанией приехали из ЗАГСа, он подхватил невесту на руки и внёс её в дверь, зацепив краем платья за какой-то угол. Все ахнули, а он только рассмеялся и закричал: «К счастью!». Вот здесь он стоял, оглянувшись, – глаза огромные, живые, копна волос рассыпалась, – и кричал: «К счастью!».

– Катя! – это НН машет мне с балкона, со своего третьего этажа. – Заходи быстрее, я чай ставлю.

Квартира у НН в точности такая, как у нас. Двухкомнатная хрущёвка с проходной большой комнатой.

Лёлька сидит с ногами в кресле, смотрит телевизор. Меня она встречает полувзглядом, полукивком головы. Вроде бы и поздоровалась, но – не так чтобы по-настоящему.

Наталья Николаевна накрыла здесь же, в большой комнате, столик. Варенье, печенье, пирожки.

– Ешь, Катюша, – говорит НН. – Ты с работы, это мы бездельники...

На это Лёлька делает большие глаза, трясёт длинным хвостом волос.

– Сделай одолжение, – просит НН. – Выключи телевизор.

Лёлька просьбу исполняет наполовину: убирает только звук. Так и сидит: лицом в экран, но косые поминутные взгляды – на меня.

– Ешь. Я знаю, ты пирожки любишь, – потчует НН. – Да и худая. Сколько в тебе весу?

Прожёвывая пирожок, я отвечаю, что чуть больше пятидесяти пяти.

– А рост, поди, сто семьдесят?

Нет, отвечаю, не доросла трёх сантиметров. НН качает головой, замечает, что скоро Лёлька меня догонит.

– Нет, милая, уж очень ты худенькая, раньше у нас норма была: рост минус сто...

– Бабушка! – говорит с гримасой Лёлька.

– Может быть, нормы и устарели, но... Ладно, ешь, ешь!

Я ем. Пирожки вкусные, и мне с НН и с Лёлькой, несмотря на некоторую всё же неловкость, – хорошо.

– Как там, на работе? – спрашивает НН.

Нормально, – пожимаю плечами я.

На эту работу меня она, Наталья Николавна, и устроила. То есть, конечно, Дима, но – по её просьбе, потому что сама бы я ни за что не стала его просить. Это всё моя мама и НН. Я тогда работала в одном издательстве, – ни денег, ни интереса, ни удовольствия. Вот они за моей спиной и...

– С начальницей ладишь? – спрашивает НН.

Я начинаю рассказывать про Марь Палну, про её теорию развлечений и порханья. НН слушает с грустью и даже с некоторой завистью.

– А что? – говорит НН. – Права твоя начальница. Эх! Где мои сорок лет? Или хотя бы пятьдесят... Я бы им показала!..

«Им» – это мужчинам. Лёлька удивлённо хмыкает, глядя на бабушку.

– Что? – воинственно говорит ей НН. – А ты не всё слушай, что взрослые говорят! Или... может, тебе погулять?..

Лёлька снова хмыкает, но – с другим оттенком. И не двигается из кресла.

Раздаётся телефонный звонок. Лёлька вскакивает, хватается трубку. И бросает. И – пожимает плечами.

– Хулиганы какие-то названивают и молчат, – объясняет мне НН. – Надеюсь, это не Лёлькины ухажёры...

– Ты чё, бабушка, – говорит Лёлька. – Мне звонят по мобильному.

НН качает головой.

– Понимаешь, – говорит она. – Позавчера Дима приезжал...

Вот он, главный разговор. Я незаметно делаю глубокий вдох и задерживаю выдох. Как было бы хорошо, если бы я не краснела, не покрывалась пятнами...

– Так же вот сидели, пирожки ели...

НН на пару секунд задумывается, потом вздыхает и выкладывает всё, что её тревожит.

– Понимаешь, – почему-то шепчет она. – Он какой-то другой...

Она смотрит на меня и ждёт.

Другой? – думаю я. Не знаю, не знаю... Диму я и видела-то за эти недели после той летучки, на которой я замесила Марь Палну, – пару раз в коридоре да однажды на улице, когда он садился в свою машину.

По словам НН, она сердцем чувствует, что с Димой что-то происходит. Ещё месяц назад он был в своём обычном состоянии: ленивый, чуть раздражённый, иронично-саркастический. Журналист устал, – так он проговорился как-то.

А позавчера...

НН разводит руки, округляет глаза.

– Он какой-то собранный. И внимательный.

– Внимательный? – переспрашиваю я.

– Ну, ко мне внимательный, – говорит НН с удовольствием. – Все мои рассказы выслушал и ни разу не перебил. Когда такое бывало? У него всегда одно: мама, я уже сто раз слышал...

– А мне вон чего подарил, – не выдерживает Лёлька и показывает мобильный телефон. – Музыкальный. Даже колонки к нему есть.

– Круто, – одобрительно замечаю я, и Лёлька хмыкает с оттенком полного удовлетворения.

НН подкладывает мне пирожок, подливает чаю и продолжает.

Отчего вдруг в сыне такая перемена? Он даже слушает по-другому. Смотрит так, словно видит в тебе что-то новое, незнакомое.

– Понимаешь? – спрашивает НН.

Разумеется, я ничего не понимаю, но головой – киваю.

– Так это же хорошо, – говорю. – Внимательный, энергичный. Что ещё нужно?

Тут НН бросает на меня такой хитрый испытывающий взгляд, и я понимаю, что главное-то будет сейчас...

Но НН обращается к Лёльке:

– Милая, ты бы сходила в магазин, а? Второй день не могу яиц купить... Заодно и к Женьке зайдёшь, она уже прибежала наверно... А?

Лёлька усмехается с явным оттенком неодобрения и глубже усаживается в кресле.

НН с досадой машет рукой, нагибается ко мне и шепчет:

– Как я поняла, рыжей своей он дал отставку... Или она ему дала. Не знаю... В общем, я подумала...

Она смотрит на меня во все глаза. И Лёлька косится из кресла. И тут до меня доходит, что именно прячется в этих взглядах...

– Я подумала, – осторожно говорит НН, – может, он влюбился? Ну, по-настоящему?

Чувствую – лицо моё горит.

– К сожалению, ничем не могу вам помочь, – говорю я и вскакиваю со стула. – Спасибо за пирожки!

– Куда ты, Катюша? – удивляется НН.

– Может быть, Дима в кого-нибудь и влюбился, но меня он об этом в известность не поставил, – говорю я дрожащими губами, не могу с ними справиться.

– Катя... – растеряно говорит НН, тоже поднимаясь со стула. – Постой... Ну, я не знаю... Ну, бог с ним, с Димкой, пусть влюбляется в кого хочет... Хотя я была бы очень рада...

– Извините, – бормочу я, ноги сами несут меня в ванную комнату.

Ну что за напасть, глаза на мокром месте!..

Только плеснув холодной воды в лицо, я прихожу в себя. У меня нет сил, я так прямо бы и смылась по-тихому!.. Но неудобно. НН меня любит – по-своему. Конечно, ещё больше она любит своего сына...

Ладно. Я пытаюсь сделать вид, что всё мне нипочём.

– Давай ещё чаю с пирожком? – бодро и вместе с тем виновато встречает меня НН.

Славная женщина – Наталья Николавна. Она искренне полагает, что любую проблему можно решить с помощью хорошего ужина.

Я ещё выпиваю чашку чаю и немного рассказываю про наши редакционные дела. Я умалчиваю о смутных подозрениях Марь Палны. Про то, не участвуют ли Дима с Главным в каких-то загадочных событиях в Москве. Мне показалось, что лучше будет – успокоить НН, чтобы её материнские опасения и страхи улеглись. И поэтому я развиваю такую линию, что, вот-де, был у Димы кризис, а потом он объяснился с Главным, и теперь кризис прошёл, и всё будет хорошо.

– Ты думаешь? – с надеждой говорит НН.

Когда я уже стою в прихожей, снова звонит телефон. Трубку опять берёт Лёлька, но и на этот раз никто не отвечает.

– Вот, пожалуйста, – качает головой НН. – Ох, Лёлька!..

Лёлька хмыкает с возмущённой интонацией, а на прощанье вдруг говорит:

– А ты заходи к нам почаще, Кать...

– Ладно, – отвечаю я, – договорились.

НН подмигивает мне. Впервые Лёлька назвала меня по имени, – значит, я вошла у неё в доверие. Мне и смешно, и в то же время, – я даже польщена. Вот ведь, девчонка ещё, – а всё равно приятно, когда тебя признают.

Сосед Чёрт попутал

Даже не знаю, с чего я взял, что мужиков нет в квартире.

Я был уверен, что они ушли. Они ведь никогда не сидят дома, так было всегда, с тех пор, как Димыч купил эту квартиру и стал нам соседом.

Обычно Сашка приходит, и они тут же, десять минут – полчаса, снимаются и куда-то едут.

Вот я и был в полной уверенности, что они свинтили куда-нибудь. К девочкам, развлекаться и так далее, – что ещё делать молодым свободным мужикам в такой вечер.

В общем, чёрт попутал.

Это всё из-за курева. Конечно, я мог спуститься вниз и в киоске на Садовом купить эти говённые сигареты. Деньги у меня водятся, Димыч зарплату платит, так что мы теперь не такие уж и бедные и тоже кое-что из себя представляем. А не только некоторые.

Спокойно мог пойти да купить. Я и спустился уже чуток по лестнице, но лень стало, думаю – к Димке-то ближе. А ключи, вот они, под рукой, мы же теперь с Нурали ближние доверенные люди...

Что там говорить, с того дня, когда Димыч взял нас на работу, жизнь так переменялась, что я даже не знаю, как это всё понимать.

Вот сидишь дома без работы. Жена – пилит. Как говорится, совсем не уважает. Денег ни копейки. Ни выпить, ни закусить, ни закурить.

И вдруг тебе подваливает такая удача, что ты, жо... то есть, задницу не подняв, получаешь работу, за которую платят вдвое больше, чем ты вчера в мечтах мог представить. А делать-то, если честно сказать, ничего не надо. Только приглядывай за квартирой, да с Нурали корешись, да смотри, да слушай, да всё Димычу рассказывай. Я-то ведь этим

всем и раньше занимался, только что Димке не докладывал. И он, само собой, мне за это денег не плачивал.

Чудеса.

Главное, – предупредил нас Димыч, – мы теперь должны знать о каждом человеке, который у нас на этаже возникает. Случайный – неслучайный, ко мне (то есть, к нему, к Димке) – к тебе (то есть, ко мне), к другим двум соседям, – мы должны знать, кто таков. И быть готовы к тому, что выкинет какую-нибудь штуку.

«Какую штуку?» – спросил тогда Нурали. Что с него, таджика, взять, кроме анализа, – не рубит, когда нужно помалкивать, а когда вылезать с вопросом.

Димыч тогда посмотрел на нас, так серьёзно посмотрел и говорит: «Никакой неожиданный гость не должен попасть в квартиру без моего разрешения. Понятно? В любое время дня и ночи».

Он так смотрел, что таджик струхнул, на меня оглянулся и закивал головой, часто-часто. Я тогда ещё подумал: и до тебя, чурка, дошло, наконец, в какую кашу ты вляпался.

В общем, случайный, неслучайный, – газовщик, водопроводчик, пацан к соседской девке, – мы должны это видеть и быть готовыми к любым неожиданностям. К каким таким неожиданностям? – и мне тоже хотелось уточнить. Но я молчал в тряпочку.

Для того, чтобы всё видеть и быть ко всему готовыми, установили три видеокамеры. Маленькие такие, их сразу и не заметишь, ежели специально не приглядываться. Над подъездом во дворе – первая. Внутри, над входной дверью – вторая. А третья – на нашей площадке. Пришли какие-то мужики, за полдня всё поставили. А, кроме того, три компьютера: Димычу, Нурали и – мне.

Да, и мне! Галька чуть не подавилась от удивления, но ничего, зараза, не сказала, будто ей каждый день в квартире компьютеры притаскивают.

Зато потом она сказала, когда увидела на экране компа сразу три картинки: двор и две лестничные площадки. Головой покачала и говорит: «Добром это не кончится». Я спорить не стал. Баба, чего её слушать.

Ну и Димыч ещё дверь себе добавил, тяжеленную такую, пупок надорвешь. И сигнализацию хитрую, которая ему

на мобильный сразу сообщала, если кто чужой припрётся. Ему, мне и Нурали, да ещё сирену врубала на весь подъезд. А если вовремя сирену не отключить – на весь двор заревёт, так что вся Сухаревка на ушах будет.

И наша задача: не допустить, чтобы хоть одна живая душонка проскользнула мимо нашего внимания. Первый рубеж – за Нурали. Он или его людишки, во дворе и за экраном компа должны всё видеть и сообщать про любое подозрение. Ну а затем – уже я на стрёме. У меня переговорное устройство. Динамик и микрофон на Димкиной двери, а переговоры веду я, из своей квартиры.

Вот так вот. Всё очень серьёзно.

Первая неделя прошла спокойно. Никто нас не беспокоил, мы уже с Нурали решили, что работа у нас такая – деньги получать ни за что ни про что.

Но тут пошло-поехало.

Стали приезжать машины во двор. Вроде бы, мало ли какие машины могут к нам заворачивать. Жильцов – туча. Рядом банк, офисы всякие.

Мы с Нурали тоже сначала думали, что это к жильцам или банковские, просто места для парковки нет, вот они во двор и лезут.

Но потом стало видно: кто – к нам, а кто – случайная шухера.

Наши-то клиенты – они себя ведут совсем по-другому.

К примеру, приедут, станут – и никто не выходит из машины минут пять-десять. Потом выйдет один, а другой в машине сидит, за рулём. Выйдет один, закурит, постоит так, будто ему всё по барабану, а сам взглядом по двору шарит. Потом обязательно голову задерёт и все верхние этажи обсматривает. Потом – снова в машину, посидит, с напарником, что-то перетрёт. Дождутся жильца – и сразу к нему пристраиваются, пройти вместе с ним. Поднимутся к нам на этаж, но до площадки не доходят. Снова вниз – и уехали.

Или вот – приезжают по трое, по четверо-пятеро. Двое внизу, остальные добры молодцы – в подъезд, стучат. Нурали выходит, открывает. Они его – в сторону, молчи, чурка, – и наверх. Я уже сажу, смотрю. Прибежали, стучат. Я вступаю в переговоры. Им, понятное, дело – подать Димыча. Я им: кто такие, почему без записи? Они, в микро-

фон: мол, открывай, такой сякой, а то сейчас дверь к такой-то матери вышибем. На что я им отвечаю, что дверь не так просто вышибить, а сразу после того прискачут менты, они тут, за углом, через два дома располагаются. Услыхав про ментов, добры молодцы начинают звонить по мобильнику. Обычно тому, кто сидит внизу в машине. Иногда тот, что в машине, звонит ещё кому-то. Но всегда после этого добры молодцы бегут вниз и уезжают.

Про всякую одиночную шантропу я не говорю. Эти трут-ся во дворе, лезут в подъезд, но Нурали таких вычисляет и с ними не церемонится.

Самое простое, конечно, и самое приятное, когда всё по плану. Приходит посетитель, неважно, один или с молодцами, – всё в этом случае происходит тихо, мирно, вежливо. Посетитель – в квартиру, добры молодцы – на площадке, а я за ними секу. Иногда выхожу, как будто простой сосед, покурить вышел. Ребята на меня смотрят волком, а я хоть бы хны. Покурю, постою, рассмотрю гостей – и к себе. Вообще-то мне Димыч такие фокусы запрещает, но иногда я балуюсь. Скучно же день-деньской за экраном. От электронных этих игр – уже тошнит. А интернет Димыч не позволяет. Говорит: купи себе свой комп и делай с ним что хошь, ты ж теперь – типа рабочий человек. Смеётся.

Ну а с сигаретами – лажа получилась.

Я уже намылился вниз, на Садовое, а словно нечистая сила под руку: вон, у Димыча, за дверью...

Открыл, сразу к сигнализации, снять. Гляжу: а она не выставлена. Тут бы мне и смекнуть, что дело-то нечисто. Ну, взял пачку из блока и убирайся подобру-поздорову, но жадность фраера точно погубит. Я безо всякой, значит, мысли – в Димкин гардероб и ну по костюмам шарить. Знаю, нехорошо, ведь он мне зарплату платит, но не удержался... В одном кармане полста нашёл, в другом – пятихатку... Вот живут люди, деньгам счёт не знают. Пятисотенная у него вместе с мелочью валяется.

Ладно, выхожу из прихожей. Не знаю, зачем я оглянулся. Шёл бы себе домой, так нет, надо сунуть нос в каждую дырку... И вот на Димкиной широченной кровати, где он баб своих пользуется, лежат двое. Полумрак, шторы задёр-

нуты, но видно, что – двое и что – мужики... И лежат эти двое – так, что у меня душа начинает в пятки проваливаться. Лежат, вытянулись, руки по швам. Не на груди руки-то, как у покойников, а – вдоль тела. Так что бояться вроде и нечего, а у меня очко играет. Я смотрю на этих лежащих и даже какая-то дрожь пробирает. Стою – и с места не могу сойти.

И тут один из них приподнимается и как гаркнет:

– Ты что здесь шастаешь, урод!

У меня немного отлегло, потому что уродом меня только Димыч называет.

А он, этот лежащий, то есть уже вставший, идёт ко мне. И я вижу, что это не Димыч, а совсем наоборот, – Сашка.

Походит ко мне Сашка, смотрит какими-то страшными глазами, берёт меня за шкеботину и говорит:

– Ты меня достал, Гришка! У тебя опять на сигареты не хватает? А ну, пошёл вон!

Тащит меня в прихожую, выталкивает наружу, так что я лбом чуть свою собственную дверь не выломил.

Ну, я сажусь на своё рабочее место, пялюсь в экран, в себя прихожу.

Минут через пять выходит на площадку Сашка. Показывает мне в камеру кулак, идёт вниз.

Я ничего не понимаю, но моё дело – сторона. Ещё через пять минут выходит сам. На меня, то есть, на камеру – ноль внимания и – вниз. Я – на лестничную площадку, гляжу: во дворе Нурали ему кланяется, а он, Димыч, пёхом – под арку. А «Тойоты» его – нету...

Заходит Галька, смотрит на меня.

– Ты чего?- спрашивает.

– Ничего, – отвечаю я.

Она качает головой.

– Доиграетесь, – говорит и уходит.

Звонит Нурали. Осторожно так: мол, всё в порядке?

– Что ты имеешь в виду? – ору я.

– Не знаю, – отвечает Нурали.

А я знаю?

Сая. Как вышибают души.

Мы договорились с Димкой, что я пойду к ресторану пешком, а он меня проводит на машине. Мало ли что. Конечно, его помощь ничего бы не дала, если бы это самое «мало ли что» наступило – то есть, если какой-нибудь обиженный бандюга-олигарх-торговец решится на крайние меры. Но – все под богом ходим. Или – не знаю теперь под кем. В любом случае, кто-нибудь да будет свидетелем похищения известного журналиста. Или покушения.

И вот я выхожу на Садовое кольцо, через подземный переход перебираюсь на другую сторону. Жду, пока Димка развернётся под эстакадой. Потом, не торопясь, иду вверх. А он, вижу краем глаза, – потихоньку рулит за мной.

Начало седьмого, народ валит сплошным потоком. Женщины, каждая вторая, бросают взгляды на меня.

На меня?

Проходя мимо витрины офиса, я гляжусь в зеркальное стекло. Молодой статный мужик в бежевом костюме. Я поднимаю руку – и он поднимает. Я трясую головой – и он повторяет. Там же, в стекле – видна подъехавшая «Тойота». Кто за рулём – не разобрать. Мне ужасно хочется рассмотреть, я оглядываюсь.

Сидит мужик. Ничего особенного. Ужасно знакомый мужик. Только вижу я его обычно не за рулём иномарки, не в чёрных очках, а в зеркале своей ванной комнаты.

Я смотрю на мужика, он – на меня. Затем он делает знак: иди.

Верно, надо идти. Во-первых, могут следить. Мало ли что. Во-вторых, скоро Аня придёт. Нехорошо, если она придёт первой.

Иду дальше. Толпа обтекает меня. Чужие запахи. Мгновения чужой жизни. Взгляд, прядь волос. Радость, грусть, усталость...

Звонит телефон. Я стучу по карманам. Нахожу.

– Ты чего? – это Димка.

– А что? – спрашиваю я и не узнаю свой новый голос.

– Видел бы ты себя со стороны! Ты как-то встряхнись! Ты на себя совсем не похож. То есть на меня. Тебе что, так плохо в моём теле?

– Твоё тело великолепно, – говорю я.

– То есть, претензий нет? – уточняет Димка.

– Ни одной, – говорю я. – Просто... Не привык, наверное.

– Побольше наглости. А то женщина заподозрит, у них чутьё звериное.

– А ты как в моём? – спрашиваю я.

– Отлично! Только... у тебя что, геморрой?

– Какой ещё геморрой? А что это такое?

Но Димка уже хохочет, остряк-самоучка.

Он прав. Надо брать себя в руки, то есть – быка за рога. Пути назад нет, мы перешли какую-то грань, теперь либо всё будет возможно, либо случится что-то такое, что враз вернёт нас на самую простую грешную землю.

Когда Димка рассказал мне свою историю, я ему сразу поверил. Конечно, не знай я его с детства, я принял бы его за психа, обошёл бы стороной и поплёлся бы своей дорогой. В свою обыкновенную жизнь.

Но Димка – дело другое. Не то чтобы я сразу ему поверил до конца, но... Вот представьте себе: приходит ваш друг и заявляет вам: я знаю, как тебе получить твою женщину, твоего кареглазого ангела.

И как же это сделать? – спрашиваете вы. – После того, как она отвергла меня.

Ты возьмёшь моё тело, – говорит ваш друг. – Всё остальное я уже приготовил.

Оказывается, ваш друг успел познакомиться с вашей недоступной женщиной, успел её заинтересовать, и остаётся одно, последнее свидание, после которого можно пожинать плоды.

Одно? – спрашиваете вы.

Одно! – уверяет ваш друг. – Нынче такие правила в приличном обществе. Первый раз познакомились, посмотрели друг на друга. Во второй раз – пообщались как друзья. А в третий раз – можно пробовать друг друга на вкус, на запах, на глубину. На самую полную глубину...

Так и сказал Димка: возьми моё тело, и женщина, тебя отвергнувшая, будет твоей.

Он сказал эти слова и смотрел на меня с тем выражением на лице, которое было мне хорошо знакомо. С таким лицом он стоял перед толпой шпаны на Лосинке, много лет назад, когда мы учились в седьмом классе. Мы загулялись, попали в чужой район и напоролись на чужую толпу. Их было человек десять, от мелюзги до взрослых парней, и они хотели развлечься. Не просто набить нам морду, а насладиться тем, как мы будем унижаться.

А Димка стоял перед ними и смотрел им в лица так, что главный у шпаны крикнул: «Убери глаза!».

А потом они нас били. Сначала мы сопротивлялись, но их кулаки летели со всех сторон, и они сшибли нас на землю. И продолжали бить ногами, и мы закрывали голову и лицо, но не просили пощады.

Когда шпана, удовлетворённая, оставила нас в покое, – мы сидели на земле, отряхивались. И я, помню, сказал Димке: «Убери глаза!», и он захохотал, и мы вместе смеялись всю дорогу, пока возвращались домой.

Вот за это я люблю моего Димку. Он большой пижон, мы разные люди, но – Димка никогда не отводит глаз.

В тот вечер он пришёл ко мне и принёс деньги. Высыпал из сумки кучу долларов.

Велел сделать ремонт в моём жилище стойка. Чтоб не стыдно было привести прекрасную женщину.

«И купим тебе машину, – добавил. – А то твои права скоро выйдут из моды».

Он уже всё продумал.

Я смотрел на эти доллары. Пачки лежали такой художественной горкой, они выглядели диковинкой на моём столе...

«Я знаю, о чём ты думаешь, – сказал Димка. – Да, я нашёл хорошую жилу».

Я поднял глаза на него.

«Ты прав, – сказал Димка. – Возле таких жил долго не живут. А что наша жизнь? Игра. Главное – вовремя выйти из неё. Я смогу».

Вот тогда он и предложил взять его тело. Чтобы получить Аню.

И он стал учить меня – летать.

На это ушло две недели. По ночам я тренировался, учился приподниматься над телом и видеть его стороны. Потом приезжал Димка, в сотый раз объяснял, как нужно действовать, чтобы перейти черту и выпрыгнуть из тела.

«Ты должен увидеть себя – как я тебя сейчас вижу, – горячился он. – Вот этот шрам на лбу, вот эти волосы немые...»

Но ничего не выходило, я ощущал какое-то препятствие, и у меня стали закрадываться такие мысли, что либо я не способен, либо... Да, надо признаться, я засомневался. Может быть, Димка всё это выдумал? Может быть, он искренне заблуждается? Или, хуже того, у него крыша накренилась...

И тогда он вышиб из меня душу.

Когда я уже совсем отчаялся, он попросил меня продолжать попытки, а сам, втайне от меня, – решил понаблюдать за этим процессом со стороны, выйдя из тела. По его словам, он почувствовал, что можно подтолкнуть меня, мою духовную субстанцию, для выхода наружу. Когда душа готова покинуть тело, но какие-то неведомые нити-связи ещё продолжают её удерживать, – если в эту секунду целенаправленно ударить всей своей духовной сущностью, – пленница сможет покинуть свою клетку и оказаться на свободе...

И я увидел себя со стороны. Моё тело лежало на моей кровати, рот – нелепо приоткрыт, глаза закатились, волосы сбились набок... Я хорошо различал и шрам над бровью, и тёмные точки пор на носу...

«Летим!» – крикнул мне Димка.

Я не видел его, я не слышал его голоса, но я понимал то, что он говорит мне, и чувствовал его присутствие рядом.

Наши тела остались внизу, в моей квартирке, а мы взлетали над землей, над Москвой, над всем этим огромным, страшным и прекрасным миром, где человеку назначено не летать, а ползать...

И вот я иду по Садовому кольцу – заканчивать операцию «Получи свою женщину».

Три недели назад Димка явился в анин офис с предложением написать о банке. Полчаса беседы – и он договорился о встрече в редакции. Ещё один разговор, уже в течение полтора часов – и получено согласие на ужин. Вот здесь, за углом, в ресторане на проспекте Сахарова. Тут, недалеко, в переулке, Анин банк.

Возле высокого ресторанныго крыльца беру небольшую паузу. Димкина машина становится неподалёку, к ней подсакивает парковщик. Водитель, – то есть, мужик в тёмных очках, очень похожий на меня, – слушает парковщика и поглядывает на меня.

Я поднимаюсь на крыльцо.

На секунду атмосфера шикарного ресторана приводит меня в замешательство, я теряюсь, не могу сообразить, что нужно сказать шагнувшему ко мне метрдетелю. Я только верчу головой, словно ищущего кого-то в зале, и этого оказывается достаточно. Метр ведёт меня к заказанному столику, усаживает, подаёт меню. Я пробегаю глазами страницы. И заявляю чуть хриплым, незнакомым самому себе голосом, что я жду даму, а пока прошу принести мне воды.

Спустя пару минут официант приносит мне бутылку. Я пью воду и разглядываю себя, то есть, нас с Димкой, в зеркальных стенах. Прямо перед собой я вижу нас анфас, а если скосить глаза – и в профиль. И даже затылок наш мелькает в каких-то зеркальных гранях. И во всех гранях мы так хороши, по-мужски хороши, что всё происходящее кажется не-реальным, сродни этой зеркальной чужой жизни.

Дама появляется спустя двадцать три минуты. Перед тем она звонит мне, то есть по нашему телефону, и я слышу знакомый нежный голос.

– Дима, извини, у меня проблема, – говорит она. – Но я её разрешила и бегу со всех ног.

Я сижу и жду её со странным, щемящим чувством. Она бежит... К кому? К Димке? Она бежит к нему, а жду её я, – отвергнутый Саня. Мне вдруг чудится, что мы ошибаемся, что так нельзя, что человек имеет право любить кого угодно и быть с тем, кто ему мил, а не с тем, кого подсовывают ему некие упрямы из зазеркалья жизни...

Такие горькие, холодные мысли крутятся у меня в голове ровно до той секунды, пока в ресторан не входит Аня. Она возникает в зеркальном пространстве – стройная, как стебелёк, ясная, как майское утро, – и заполняет собой все грани сразу. И все тяжкие мысли улечиваются из моей головы. Я благодарю того, кто подарил мне это мгновение, и встаю ей навстречу.

Её рука суха и горяча. По моему телу (моему?) пробегает стремительная мгновенная дрожь. Я прикасаюсь губами к аниной руке и вижу в зеркальной стене свою – то есть нашу с Димкой – склонённую голову.

– Прости меня, – говорит Аня, и глаза её блестят так, что у меня сжимается сердце. – Я старалась, но ведь начальство всегда даёт задание не вовремя...

– Ох уж это начальство, – говорю я и вспоминаю Ньюхалкова, моего работодателя, который подбрасывает мне заказы на литературную халтуру. – Для них мы всего лишь поставщики идей, которые они обожают присваивать без зазрения совести...

Мы усаживаемся, делаем заказ подскочившему официанту. Аня заводит с ним беседу знатока, а я делаю вид, что мне всё равно, что я готов присоединиться.

Аня решается на рыбу, я соглашаюсь на мясо, и дело доходит до вина.

– Ты за рулём? – спрашивает Аня.

– Нет, – говорю я.

И объясняю. Во-первых, до моего дома рукой подать. А во-вторых, я хочу выпить.

При упоминании дома Аня бросает на меня быстрый оценивающий взгляд. Даже не взгляд, а так, одно движение глазами. И меня укалывает понимание: что она не просто стройная, как стебелёк, ясная, как майское утро, – она опытный менеджер, с ней ухо держи востро.

– Ну, тогда и я выпью, – говорит она.

Пусть машина в банке постоит. Есть ведь такси для такого случая, верно?

Аня живёт в Митино, она мне показывала свой дом, когда мы ездили в Новый Иерусалим. Тогда, в другой жизни.

Мы решаем взять бутылку чилийского красного.

Официант уходит, Аня спрашивает:

– Мы обсудим наши дела?.. Ну, я имею в виду юбилейную статью...

Она спрашивает так нерешительно, что я считаю своим долгом заявить, что мы будем обсуждать только то, что нам захочется.

– Например? – лукаво говорит Аня и смотрит на меня сквозь бокал с водой.

– Например? – говорю я и нацеливаю на неё свой бокал. – Например, поговорим о литературе... Ну, про погоду, про любовь... Про футбол, наконец...

– Про футбол? – смеётся Аня. – Почему про футбол? Я ничего не смыслю в футболе.

Я чуть было не признался, что тоже не разбираюсь в этой народной игре, но вовремя прикусываю язык. Да, я ничего не понимаю ни в футболе, ни в хоккее. Я ничего не смыслю в политике, экономике, сельском хозяйстве. Я не представляю, как воспитывать детей, и поэтому, наверное, мой сын плохо понимает меня. Мы с Димкой – разные люди, но сегодня я нахожусь в его теле, и мне надо пытаться быть – им. Может быть, не столько им, сколько – не быть собой. Но как это сделать?

Аня отпивает глоток воды из своего бокала и говорит:

– У меня такое ощущение, что тебя совершенно не интересует эта статья про наш банк...

Я вздыхаю и совершенно искренне отвечаю, что и в самом деле, меня абсолютно не интересует эта статья про их банк.

– Значит, ты пришёл к нам в офис в личных целях...

С новым вздохом я подтверждаю, что Димка заявился в офис банка в целях абсолютно шукурных... Аня качает головой и замечает:

– После таких слов, я, как лояльный сотрудник, должна подняться и покинуть это предательское место...

Она пожимает плечами и тоже вздыхает.

Я склоняюсь над столом ей навстречу.

– Как там, у классика?.. – тихо говорю я. – Честь борется с моей любовью, а вы мешаете борьбе...

– Ну, – Аня не может удержаться от улыбки, – не честь, а моя корпоративная лояльность...

– И не любовь?.. Да? – шепчу я.

Глаза её сияют мягким обволакивающим светом.

– Стремительный Дима, – тихо говорит она, опуская взгляд.

Приносят вино. Я поднимаю фужер. Вино густое, рубиновое, и сквозь него уже ничего не разглядеть.

– Ты любишь красное? – спрашивает Аня, она явно хочет сменить тему, темп продвижения вперед наших отношений немного напугал её.

– Красное? – говорю я. – Конечно, я люблю красное...

Вдруг телефон в кармане содрогается мгновенной дрожью. Сообщение. Не хочется его читать, но какое-то осторожное чувство заставляет меня достать аппарат.

Мой литературный благодетель сообщает, что ждёт меня в полночь в известном месте. Новый проект.

Чёрт! Чёрт...

Новый проект – это серьёзно. Но почему именно сегодня? Наверное, на моём лице отражается внутренняя борьба, потому что Аня вопросительно улыбается.

– Прости! – говорю я, вставая. – Две минуты!

Она кивает: конечно! Я выхожу на крыльцо.

Журналист Чёрный список любви.

Во всём этом обмене тел с Саней была тонкость, которая меня очень волновала. Это – вход в чужое тело. И в своём-то, при возвращении, каждый раз приходится преодолевать странное препятствие, словно кто-то сопротивляется твоему возврату, словно это неправильно – возвращаться.

В общем, я волновался, но всё обошлось, хотя и не без того самого лёгкого сопротивления.

И если бы не всякие, как говорится, привходящие обстоятельства, я бы особенного внимания не обращал, что обличье чужое. Правила простые. Не смотри в зеркало. В туалете, когда штаны растёгиваешь, голову подымай. Хорошо хоть мы оба не очкарики. И забавная деталь: сразу же проклюнулось чувство собственника: а как там Саня в моём бренном, не сломал бы чего, оно ведь для него чужое и т.д. и т.п.. Ну, как если машину одолжить, – жаба душит точно так же.

А тут ещё и опасения, связанные с нынешним занятием-ремеслом.

«Шантаж – дело тонкое», – рассуждал милицейский генерал, который приходил ко мне недавно с цветочным королём. Они явились ко мне, потому что я вызвал конфликт короля с обществом потребителей и налоговой инспекцией. Король, мужик хладнокровный и хитрый, пытался определить масштаб своей беды, а генерал, его крыша, надувал щёки в попытке меня напугать.

«Шантаж дело тонкое, зачастую прибыльное, но опасное», – повторял генерал, расхаживая по моей квартире.

«Помилуйте, – отвечал я, – какой такой шантаж? Я вас сюда не звал, вы сами пришли. А я продаю свой товар. Товар журналиста. Не хотите, не покупайте. Я продам кому-нибудь другому».

«Я на тебя удивляюсь, – сказал генерал. – Ты не боишься?»

«А чего мне бояться? – ответил я. – Я-то занимаюсь своим делом. А вот вы... Ваша служба внутренней безопасности... работает?»

«Наглец», – покачал головой генерал, цветочный король махнул рукой, дал понять, что мы договорились, и они ушли.

Наглость, конечно, второе счастье. Может быть, оно же и первое. Только вот будет очень грустно увидеть своё тело с дыркой в голове, совершенно непригодное к использованию. Что мы станем делать с Санькой: две души при одном теле?.. Надевать тело по очереди?

Вот с такими мыслями я провожал Саню, когда он входил в ресторан. Я подождал ещё кареглазого ангела. Аня прошла от меня в трёх метрах. Она так спешила и так сияла, что я позавидовал Саньке. Саньке? Я взглянул на себя в зеркало заднего вида. Мой друг смотрел на меня из зеркальной глубины. Я дёрнул ртом для проверки – и отражение растянуло губы...

Но что это? Подкатывает «Мурано», очень знакомый «Ниссан» цвета бордо, тормозит позади, отрезая мне отход. Из машины выпрыгивает рыжеволосая женщина.

Мгновенная паника, которая охватывает меня при виде моей бывшей любви, спадает через секунду. Ведь я – это не я. В «Тойоте» сидит совсем другой человек.

Люба открывает дверь. Когда она видит меня, на лице у неё – растерянность и даже – обида.

– Вы кто такой? – с возмущённой интонацией спрашивает она.

– Я – это я, – говорю я. – А вы кто?

– Это ваша машина? – по-прежнему резко спрашивает Люба.

– А вам какое дело? Вы почему меня заблокировали? Я сейчас крикну парковщика.

По мере того, как я задавал свои вопросы, Люба успокаивалась, брала себя в руки. И вот уже передо мной сидит

любезная неотразимая женщина, которая договорится хоть с чёртом лысым.

– Я приношу свои извинения, – говорит она очень милым тоном и даже руку кладёт на мою ладонь. – Понимаете, я ищу одного человека...

При этих словах по её лицу пробегает выражение настоящей грусти. Если бы я не был законченным циником и не знал бы её от пяток до макушки, я бы даже сказал, что в её глазах промелькнуло не что иное, как отчаянье.

После того, как вскрылась вся эта история с камерами в нашем гнёздышке и эротическим тренингом для её мужа-олигарха, я словно бы пришёл в себя. До этого в наших отношениях с моей любовью не было ни одной паузы. Весь год нашей связи мы с ритмичностью заведённых механизмов занимались сексом по вторникам и пятницам, и выходило, что это устраивает обе стороны.

У меня была женщина с бешеным темпераментом, и, таким образом, женский вопрос был закрыт.

Для чего моей любви нужна была моя персона, – о том я не задумывался, весь полный кобелиного чванства. А чего задумываться? Мне – такому мужественному, обаятельно-му, успешному, способному за вечер залюбить женщину до умопомрачения... Какая не будет в восторге, не будет холить и лелеять такого мужика?

Конечно, можно было делать вид, что ничего не произошло.

Я попытался. Но теперь, когда я знал, что наши любовные игры фиксирует камера и вскоре их будут изучать доштные зрители, – у меня пропал кураж, исчезла та беззаботная первородность секса, когда ты занимаешься им без всякой задней мысли.

Это не сказалось на потенции, но временами мне становилось смешно, и во время второго акта обычного нашего спектакля меня даже разобрал смех. Представляете, вот мы пыхтим с моей любовью в сексуальном раже, гоняем наш любовный жар промеж двух тел – и вдруг я начинаю хохотать. Понятное дело, конфуз, скандал, обида...

В общем, я понял, что старого не вернуть. Вместе с тем, хотелось, конечно, как-то всё устроить мирно, разойтись тихо, по-современному.

Я написал ей письмо. То есть длинную эсэмэску. Так, мол, и так: прошла любовь, завяли помидоры. Думаю, перебурлит, а потом как-то смирится, всё-таки – замужняя женщина и всё такое прочее.

Но Любка не смирилась, её звонки и сообщения не давали мне покою. В конце концов я поставил её номер в чёрный список и ушёл на дно.

И вот, пожалуйста, она ищет меня.

– Это ведь димина машина, не так ли? – обезоруживающе улыбается Люба. – А вы кто?

– Я-то друг, – заявляю как можно самодовольнее, – а вот вы-то кто будете? Вы ведь даже не представились...

– Ах, так вы, наверное, Саша? – Моя любовь распускает все свои пёрышки, она просто великолепна. На одну секунду я испытываю сожаление: может быть, напрасно я кочевряжусь? Подумаешь, делится со своим импотентом-мужем крохами нашей бурной сексуальной энергии, пытается его подлечить-взбодрить. От тебя что, убудет? – Я столько слышала о вас, о вашем таланте... – Люба изгибает свой стан с грацией пантеры на охоте. – А меня зовут Любой. Дима говорил вам обо мне?

Отпираться глупо. Кому я ещё мог доверить машину, кроме Саньки? То есть, понятное дело, что свою «Тойоту» я вообще никому не доверю, в том числе и ему, но Люба об этом не знает и разубеждать её не стоит. Надо скорее спровадить её отсюда, иначе, не дай бог, она что-нибудь заподозрит и заглянет в ресторан.

– Люба? – Я моргаю как можно более наивно. – Ах, Люба! Как же, как же... Столько слышал!

– Надеюсь, ничего плохого... – усмехается моя бывшая любовь. – Вся проблема в том, Сашенька, что вот уже третью неделю я не могу с Димой связаться. Это странно... И вот еду... и вдруг!..

– Удивительный случай, – говорю я. – В Москве случайно наткнуться на машину любовника – всё равно что встретиться в метро с женой...

Люба пристально смотрит на меня.

– Вы интересно мыслите, Саша, – говорит она тихо. – Со всем, как ваш друг... Скажите, когда вы видели его в последний раз? Наверное, когда брали машину?

– Да, – говорю я. – То есть, нет...

– Нет? – наклоняет голову Люба. – Что это значит?

Я и сам не знаю, что всё это значит. Я только уверен, что с ними, с моей любовью вкупе с её олигархом, – надо быть крайне осмотрительным. Не стоит давать им ни одного лишнего факта информации.

И я объясняю Любе, что виделся с Димой давно, наверное, с неделю назад. Но сегодня утром он позвонил мне и попросил перегнать машину на стоянку в редакции. Вот я и...

Я показываю одним пальцем в сторону Сухаревки, а другим – в сторону Курского. Любины глаза внимательно прослеживают за фигурами из моих пальцев, но в следующее мгновение я вижу на её лице невысказанный вопрос: какого же чёрта ты свернул на Сахарова, ежели тебе нужно на Курскую?

– А я по бульварам люблю, – шепчу я.

– Какие вы оба умные, – шепчет она мне в ответ.

Пора снова прикинуться дурачком, и я с наивной улыбкой жму плечами.

– Так он звонил вам утром... – размышляет вслух Люба. – А вы не могли бы сделать мне одолжение? Позвонить ему с вашего телефона? Это ведь несложно?

– Несложно, – говорю я. – Только как-то неловко... Почему вы не хотите со своего?

Будучи человеком действия, Люба не вдаётся в пустую дискуссию, а на моих глазах посылает вызов. На мой номер телефона. Я мысленно прослеживаю путь звонка, который направляется на ближайшую тарелку, затем на спутник, а оттуда снова на ту же тарелку – чтобы подать сигнал на мою сим-карту, которая вставлена в Санькин аппарат. Который – лежит в моём кармане.

А в санькином кармане лежит мой аппарат с его сим-картой.

Вот так. Конспирация так конспирация. На войне как на войне. Выражаю нам обоим благодарность за бдительность и тщательную подготовку операции.

Звонок между тем долетел до моей сим-карты в санькинском аппарате и заткнулся, поскольку попал в чёрный список. Надо же, случается и такое, что любовь попадает в чёрный список.

Люба подносит к моему носу свой аппарат, в котором женский голосок сообщает о неудаче любовной связи.

– Понятно, – говорю я. – Сейчас попробуем.

Достаю санькин аппарат и на глазах моей рыжей стервы набираю свой номер. Сигнал, проделав путь к спутнику и обратно, находит мой номер занятым, что немудрено, поскольку я пытаюсь вызвать самого себя.

Послушав уже из моего, то есть санькиного аппарата, тот же женский голосок, рапортующий о неудачной попытке, Люба вздыхает, и снова мне кажется, что тень отчаянья проносится по её холёному лицу.

– Хорошо, – мужественно улыбается Люба на прощанье. – Когда увидите Диму, передавайте ему привет.

Несмотря на грустную улыбку, последние слова звучат как-то зловеще.

Она выходит. «Мурано» взрывает, дёргается и уносится прочь.

Путь свободен. Однако путь теперь один – в редакцию. «Тойота» должна стоять там. Там будет сторожить меня моя бывшая любовь. А может быть, и не только она.

Я завожу машину, и в это время звонит телефон. Нажимаю клавишу, слышу Санькин, то есть мой, а вообще-то незнакомый голос. И вижу самого Саньку на крыльце ресторана.

– Понимаешь, – говорит он. – Нюхалков трубит общий сбор своих рабов.

– О чём ты? – изумляюсь я. – Какой Нюхалков, какие рабы?

И в ту же секунду вспоминаю – кто и что.

– Наплюй, – говорю я. – Аня важнее. Так?

– Конечно, – без тени сомнения подтверждает Саня. – Но деньги... Это хорошие деньги. Просто так он не станет свистать всех наверх в полночь.

– В полночь? Ну и порядочки у вас, – вздыхаю я. – Решай, что для тебя важнее...

Саня молчит. Раз молчит, два молчит, три – молчит.

– Что? – кричу я. – Ты с ума сошёл! Ты совершенно облаглел! Мало того, что ты забрался в моё тело, ты хочешь, чтобы я занимался твоей грязной работой! Да ещё по ночам, когда порядочные люди спят!

А непорядочные летают по всей Москве в поисках жареного, – добавляю я – сам себе.

Ещё минуту я испражняюсь ругательствами. Если очистить до сути, то получится простая мысль: добро никогда не остаётся безнаказанным... Но затем в голову мне приходит одна идея.

– Ладно, – говорю я. – Чёрт с тобой, диктуй адрес.

– Что ты задумал? – спрашивает Саня, обеспокоенный.

– Там будет видно, – говорю я. – Может, его тоже раскрутить?

– Вообще-то он мой источник заработка... – напоминает Санька. – Хотя...

Вот именно, – думаю я. – У нас теперь источников хватает.

Саця. Любовь втроем.

Возвращаюсь. Смотрю на часы: отсутствовал пять минут.
– Решил свою проблему? – спрашивает Аня.

Вопреки моим опасениям, она совсем не грустная, наоборот, какая-то весёлая горячая сила исходит от неё. Неужели это и есть – настоящая любовь женщины?..

Мы поднимаем фужеры с вином, прикасаемся один к другому, и хрусталь отзывается тонкою счастливою нотой.

А дальше – дальше начинается какая-то комедия. Я всё время не могу избавиться от опасения, что Аня узнает меня – Саню – в чужом обличье. Поэтому всё, что приходит мне в голову, – я стараюсь давить и действую от противного.

Например, если меня тянет поговорить о литературе, я отпихиваю это желание и судорожно ищу что-то конкретное, земное, как говорится, от сохи.

Так возникает в нашей беседе призрак димкиного предка, орловского крестьянина. От него ниточка ведёт к столыпинской реформе и вообще – к нашему великому революционному прошлому. Но очень скоро взор моего ангела рассеивается, – её явно не трогает сегодня наша несчастливая историческая судьба.

Официант в очередной раз наполняет наши бокалы, и рубиновый блеск подсказывает мне новую тему, – такую, что не выдаст меня.

Красное вино!.. О, красное вино в жизни советского человека – это, знаете ли, не фунт изюму, это уже почти бинном Ньютона!.. Тем более, если советские люди – студенты, а если разобраться поглубже, до самого дна, – простые школьники восьмого класса.

Представим себе заброшенный лес на краю Москвы в пору весеннего цветения, когда природа благоухает, люди полны надежд, а подростки – непонятного, загадочного томления.

И вот группа школьников, только что с майского субботника, прибывает на пикник, и во главе – учитель, классный руководитель, дама ну очень почтенного возраста, где-нибудь возле сорока.

Мальчики разводят костёр, девочки готовят еду, классный руководитель старается уберечь коллектив от безобразий.

Но как уберечь, когда мальчикам шестнадцать лет и они видят себя настоящими мужчинами? И в параллель с подготовкой основного стола за соседним холмиком готовится другой, где главное блюдо – красное вино под названием «Флодово-ягодное». На бутылке – этикетка, на этикетке – гроздь винограда и ещё несколько фруктов нашей умеренной полосы.

И вот там, за холмиком, среди расцветающей русской природы юноша впервые приобщается к феномену под названием «красное вино».

Это совсем другое вино, нежели то, что сейчас стоит перед нами в этой замечательной бутылке, привезённой сюда с другого края света. Это прекрасное вино в моём бокале, – создано трудолюбивыми руками чилийских крестьян, что испокон веку выращивают виноград на склонах своих Анд.

Это вино не для подростков, это вино не поставишь в ложбину между русскими холмиками, чтобы пить его торопливыми глотками, пригибаясь и ощущая себя отважным диверсантом в тылу врага. Это вино даёт душе радость, но – тихую, неагрессивную, когда сознание яснее, а язык становится точным.

Не то – наше доброе «Флодово-ягодное»!

Каждый глоток этого напитка рождает в организме подростка чувство бурное и пронзительное, словно кто-то могущественный мазанул по всему окружающему миру яркими красками. И звуки – звуки этого окружающего мира внезапно делаются в десять раз звонче, и даже какое-то непонятное эхо рождается высоко в небе!..

– Выгодное? – восхищается Аня.

– Плодово-выгодное, – подчёркиваю я.

– А что учительница? – готова прыскать Аня.

– А что учительница? – вздыхаю я. – Родительский комитет. Повестка дня. Пьянка, дебош.

– А кто зачинщик? – нахмуривает бровки Аня.

– Ясное дело, кто... Димка, – усмехаюсь я.

Тень непонимания пробегает по анечкиному лбу.

– То есть, ты? – говорит она и снова бросает на меня свой опытный взгляд менеджера.

– Ну, конечно, – устало подтверждаю я, мысленно чертыхаясь. – Но это всё присказка, сказка впереди...

Потому что «Плодово-выгодное» – это ещё не венец советского красного вина. Да и что это за удовольствие – выпивать за холмиком, пригнувшись, в боязни быть схваченным на месте преступления училкой.

Настоящий пир с красным вином – это, конечно, студенческие бденья. Представим себе университетскую общагу, двенадцатый этаж, второй час пополудни. Четверо недобросовестных студентов сбежали с последней лекции, чтобы провести оставшуюся половину дня с вином и картами. До женщин дело тоже доходило, но это уже – по обстоятельствам. Сначала – карты и вино.

А вино – божественный, любимый студенческими поколениями конца 20-го века – «Солнцедар».

Кому из советских маркетологов пришло в голову называть это вино «Солнечным даром»? Дар солнца – всем советским студентам.

Всё, что применимо к «Плодово-выгодному» – может быть отнесено к «Солнцедару» целиком и полностью. Но, помимо этих ценных качеств, «Солнцедар» имеет ещё одно: к способности придавать яркость окружающему миру он добавляет мощную струю дури, которая овладевает питухом постепенно. Медленно, но верно, минута за минутой. Час за часом.

И вот вроде бы только что сидели за пулей, мирно ловили мизер, никого не трогали. Но что-то такое пересеклось во времени и пространстве общаги, какие-то силовые линии неверно переплелись, – и вот уже мы ведём словесную разминку перед боем.

Какой-то балбес с мехмата доказывает нам, что он вовсе не толкал нас, проходя по коридору в туалет. По его словам, именно мы нагло и дерзко пихнули его в шею – как будто нельзя разойтись в коридоре подобру-поздорову двум молодцам... Плечи мешают?..

И вот уже обстановка накаляется до предела, и вот-вот последует первый удар... но прибегает оперотряд, и начинаются разборки по поводу нарушения режима, и заканчивается всё назавтра тягостной беседой в кабинете заместителя декана по воспитательной работе.

Вот что такое красное вино. Настоящее красное вино. Которое не для нежных европейских желудков и душ.

– Ты хотел сказать, чилийских?.. – осведомляется Аня.

– Ну да, – киваю я. – И чилийских, и европейских. Можно подумать, они чем-то отличаются.

Пока я слагал оду советскому красному вину, мне почему-то не приходило в голову, что самый простой способ не выдать себя, – это молчать... Но для этого надо – передать инициативу собеседнику. Ну а если это удаётся – тогда сиди себе, кивай, поддакивай, подливай вино и наслаждайся обществом любимой женщины...

И вот я сижу и слушаю – о маленьком северном городке, где зимой сугробы выше роста, небо – низкое, реки – медленные и полноводные, а люди – неторопливы и основательны. Я уже слышал эти рассказы, тогда, в те счастливые семь дней, но и сейчас они доставляют мне удовольствие, тем более – Аня не повторяется, она умеет найти простые слова, важные и точные. Выясняется к тому же: сделавшая столичную карьеру Аня, – помогает своим родственникам, материально, у них там совсем неважно и с работой, и с зарплатой...

Аня говорит о своей помощи – так, мимоходом, к слову, – она не видит в этом ничего особенного. Успешный банковский менеджер, оказывается, – обыкновенный человек, у неё вполне земные проблемы...

Когда приходит время рассчитываться с официантом, Аня даже не пытается предложить своё участие. Я выкладываю наличные и вспоминаю, как мы обедали в первый день нашего знакомства и как она умело, в нужный момент расплатилась карточкой, и мы оба сделали вид, что так и

нужно. На какую-то секунду я прихожу в себя, становлюсь снова самим собой, Саней. Вся эта зеркальная жизнь вдруг представляется мне миражом... Но Аня каким-то образом чувствует смену моего настроения, она берёт меня под руку, прижимается ко мне плечом, и мы идём по Садовому – шаг в шаг, так что я даже забываю, где я, о чём можно говорить, а о чём – нельзя...

И вдруг вижу – стоим.

Оглядываюсь. Стоим у перехода через Садовое, как раз напротив улицы Щепкина.

– Ну, идём же! – говорю я и тяну Аню за руку.

– А куда? – спрашивает она, а глаза у неё – карие-карие, круглые-круглые.

Глаза-то – круглые, даже испуганные, но стоит она твёрдо, и рука – крепка.

– Ага! – кричу я. – Ноги сами привели меня куда требуется.

– А куда требуется? – осторожно спрашивает Аня и тянет руку к себе.

– Так вот же он, мой славный домик! – кричу я, но руки не отдаю. – Ты посмотри, как дивно он хорош!

Я машу рукой в сторону мрачной громадины, которая нависает над Садовым кольцом, как хмурая бровь над прищуренным глазом.

– Вижу, – говорит Аня, но прочно стоит на месте.

Тогда я подхватываю её на руки и начинаю спускаться по ступеням подземного перехода.

– Что ты делаешь? – кричит Аня и пытается вырваться.

Надо сказать, она делает это так здорово, что у меня внутри всё сладко замирает. Она ёрзает попкой и ногами по моей правой руке, а грудью прижимается к моей левой и при этом дышит мне в щёку. Тогда я хватаю её губы своими и целую их, обе сразу и потом каждую из губ по отдельности. Причём, заметьте, без помощи рук!

Это кончается тем, что мы упираемся в стену, и Аня шепчет мне:

– Отпусти меня... А то ещё кто-нибудь увидит из банковских...

– Они давно уже разъехались, – шепчу я.

– Отпусти меня, Дима, – говорит Аня и смешно так взбрыкивает у меня в руках. – Я сама пойду...

Я отпускаю её на землю и снова целую её, и теперь уже она обнимает меня снизу за спину и слегка прижимается ко мне. Мы обнимаемся так до тех пор, пока в нас не утыкается какая-то старушка. Она выходит из-за угла и таранит нас, так что мы едва не опрокидываемся. Мы хохочем, я хватаю Аню за руку, и мы бежим по переходу. Переход пустой, гулкий, мы пробегаем его в мгновение ока, и вот уже наш двор – суровый, как дно колодца.

Едва мы подбегаем к подъездной двери, как она распаивается – сама.

За дверью стоит какая-то восточная девушка с платком на глазах, из подвальной двери выглядывает Нурали и кланяется нам.

В лифте мы снова принимаемся целоваться-обжиматься и так, сплетённые, вываливаемся на лестничную площадку.

– Гришка, отвернись! – кричу я и пробую открыть дверь. Ключи не лезут, не поворачиваются, Аня смеётся, а я целую её прямо в глаза.

Наконец дверь щёлкает, отворяется, мы входим, а дальше – дальше я ничего не помню.

Когда я прихожу в себя, мы лежим на тахте.

Я – на спине, Аня – на животе. И голову рукой подпирает.

– Интересно... – говорит она тихо.

– Что? – спрашиваю я.

– Ты заснул... такая глубокая реакция.

Она целует меня – в губы, в нос, в глаза, в ухо. Прикосновения легки, но я ощущаю их так остро, словно тело совершенно моё, а не чужое.

– Долго я спал? – спрашиваю я.

– Минут двадцать. – Аня ложится рядом и кладёт голову мне на руку.

Целых двадцать минут я был в бессознательном состоянии. Моя душа и Димкино тело были беззащитны перед чужой силой.

– Ты знаешь, – говорит Аня и снова приподнимается на локте. – Странное дело... Ты похож на одного человека. Вернее... нет, ты не похож, но...

Я пожимаю плечами.

– Не обижайся. Это глупо, но пару раз я его вспомнила.

– Вы были любовниками? – спрашиваю я.

– Нет, – отвечает Аня. – Он хороший человек, но... Знаешь, как бывает... Вдруг что-то мелькнёт, думаешь, вот оно... Но нет, дальше хуже.

– Понимаю, – говорю я.

– Я больше не буду о нём, – обещает Аня. – Просто... он был последний мужчина, с которым у меня был душевный контакт... Это пройдёт. Если ты об этом позаботишься.

Я притягиваю её к себе, прижимаю, зарываюсь лицом в её волосы. Целую ямочки на её щеках, каждую – по два раза... И чувствую, как тело – моё или чужое – начинает наливать силой, внутренним жаром.

– О, господи! – шепчет Аня.

Я опрокидываю её навзничь, нависаю над нею, смотрю в её сияющие глаза.

Я не знаю, что будет завтра. Я не знаю, что будет через час. У меня есть только этот миг и мой кареглазый ангел.

– О, господи... – шепчет Аня.

Журавль Любовь – Кольцо.

Вечером на редакционной стоянке полно мест. Я закрываю «Тойоту» и делаю ручкой охраннику, который выглядывает из окна. Это, конечно, напрасное пижонство, потому что охранник моргает, не может сообщить: машина знакомая, а водитель – нет.

И тут из редакционной двери выходит Катя.

– Катька! – кричу я и кидаюсь к ней.

Охранник пожимает плечами, скрывается в глубине окна.

– Саня? – удивляется Катя. – Что ты здесь делаешь?

Я машу в сторону машины и говорю, что выполнял важное задание. Катя сдержанно кивает и не задаёт больше вопросов. Я смотрю на неё и улыбаюсь.

– Ты сияешь, как медный пятак, – говорит Катя. – Что случилось?

– Ничего, – говорю я. – Просто давно тебя не видел.

– Да, – кивает Катя. – Уж и не знаю, когда в последний раз. Ты куда?

– А ты домой? – спрашиваю я.

Да, – кивает Катя, и от того, как она это делает, у меня почему-то щемит сердце. Она стоит передо мной, такая тоненькая и незащищенная, что мне кажется невозможным отпустить её одну в таком опасном городе, как Москва.

– Ты знаешь, – говорю я. – Мне к отцу надо заехать... Давай, вместе?

– Давай, – отвечает Катя, и я с радостью подставляю ей свой локоть.

Она берёт мой локоть своей ладошкой, и мы идём по переулку к Садовому кольцу.

Мы идём шаг в шаг, и до меня доходит, что я никогда так вот не ходил с нею. Мои отношения с Катей – отношения старшего брата. Старший брат снисходит иногда до мелочей жизни младших, но ему, по большому счёту, нет до них дела. У него своя интересная насыщенная жизнь.

И вот Катя идёт рядом со мной, – очень молоденькая женщина, лёгкий запах каких-то незнакомых духов. Походка расслабленная и в то же время пружинистая. Спина прямая, головка сидит гордо, а на шею выбились две белокурые пряди.

Мы выходим на Садовое. Напротив – «Арбат-престиж» и автомобильное коловращение перед ним.

– Зайдём? – спрашиваю я.

Катя удивляется: что мы там будем делать?

– купишь себе какой-нибудь крем, – говорю я.

– А ты будешь ходить за мной и вздыхать? – отвечает она и на секунду задумывается. – Нет уж, мы лучше выпьем по кофе...

– Мы можем выпить даже по два кофе, – отважно заявляю я.

Однако в таком популярном месте и кофе-то выпить не просто. Все столики заняты, я остаюсь сторожить первый свободный. А Катя пускается в ознакомительный вояж по бутикам.

Я стою в центре огромного холла.

Смешанный гул тысяч голосов, шагов, непонятных звуков, обрывков мелодий возносится к огромному куполу над моей головой.

Толпа медленно обтекает по кругу стоящие столики. Женщины – молодые, бальзаковского возраста – на первом плане, они словно на подиуме, – дефилируют, демонстрируя себя и свои наряды; мужчины на этом ярком фоне теряются, их – не видно.

Когда-то люди гуляли по улицам, чтобы других посмотреть, себя показать. Теперь улицы отданы во власть автомобиля, зато у нас есть торговые центры – они заменили нам бульвары и модные магазины. Такой вот прогресс.

Возле одного из столиков поднимается со стула мужчина. Ба, да это наш главный редактор. Он пропускает даму вперёд и пробирается к выходу. А дама-то – Экономичка. Очень интересно.

Я коршуном подлетаю к столику и падаю на стул.

Парочка удаляется от меня, они идут рядом, и никаких признаков близости – типа «за ручку» или словцо на ухо.

Просто-напросто после работы люди зашли в публичное место, – говорит мой внутренний оптимист. – Выпить кофе, поболтать по душам.

Ну да, – отвечает ему мой внутренний пессимист. – Не наговорились за день. А что касается признаков близости, так они люди умные, понимают, что в любую минуту какой-нибудь сукин сын может глядеть им в спину.

Теперь надо звать Катю, но, оказывается, у меня нет её телефона. Непорядок.

И первое, что я делаю, когда она появляется спустя четверть часа, – записываю её номер.

– А твой? – говорит Катя. – Ну-ка, вызови меня, пожалуйста...

Я начинаю набирать номер, но вовремя спохватываюсь. Сим-карта ведь – моя, не Санькина... Катя смотрит на меня вопросительно, а я в замешательстве, не знаю, что делать.

Но тут подходит официант и спасает меня. Катя переключается на заказ, а я тихонько прячу мобильник. Ничего, жила без санькиного телефона раньше, проживёт, наверное, и впредь.

Мы заказываем кофе, Катя колеблется насчёт пирожного, но в итоге машет ладошкой: ладно! И так мило вздыхает, что я начинаю улыбаться во весь свой рот.

– У тебя хорошее настроение, да, Саш? – спрашивает Катя.

Я подтверждаю всем своим видом: отличное!

– А ты... ты переменялся, – говорит она.

Разве? – я надеваю вопросительную маску.

– Такой энергичный, – Катя оценивающе смотрит. – Весёлый...

– А что, раньше я грустил? – теперь я демонстрирую лёгкую обиду.

Она смеётся и не отвечает. Наверное, не хочет обижать Саню.

– Может быть, ты влюбился? – вдруг спрашивает.

Я изображаю на лице нечто такое загадочное: очень может быть...

– Это здорово! – говорит Катя. – Кто там из классиков сказал, что только влюблённый имеет право на звание человека?

Я молча смотрю на задумчивое катино лицо. Если бы я был Санькой, я бы тебе ответил, милая моя девочка. Но я не Санька. Я не поэт, не романтик, я всего лишь авантюрист – волк в овечьей шкуре.

– А кто она, эта твоя девушка? – спрашивает Катя.

Она смотрит с настоящим любопытством. Ничего удивительного, все женщины обожают любовные истории. Даже такие особенные, как наша Катя.

И я начинаю рассказывать про ангела с карими глазами.

Как мы (то есть Саня и Аня) познакомились, как ходили в театр, как ездили в Новый Иерусалим. И какая она – умная, тонкая и литературу понимает.

Я даже читаю Кате стихи:

Ещё вчера – тебя не было.
А сегодня – ты уже есть.
Я закрываю глаза и вижу
Ямочки на твоих щеках.

Катя смотрит на меня со странным выражением: вроде внимательно слушает и в то же время углублена в себя.

– Вы оба счастливые, – говорит Катя.

– Как тебе сказать, – отвечаю я. – Видишь ли...

– Всё равно, – перебивает Катя. – Даже безответная любовь – благо. Даже такая любовь делает человека лучше.

Она сидит, выпрямившись, с тем же рассеянным выражением. А я думаю о них – о Саньке и его кареглазом ангеле: у них безответная любовь?

– А девушка... вот ей стихи посвящают, – продолжает Катя. – Это же здорово. Даже если она об этом не знает.

Я молчу. Непонятно почему, но мне трудно говорить, такое ощущение, что я наполовину Санька и – переживаю что ли.

А Катя словно видит меня насквозь, она даже руку кладёт на мои пальцы.

– Ничего, Сашенька, всё пройдёт. Каждому воздаётся по вере. Надо только уметь ждать. Понимаешь?

Понимаю. То есть – понимаю, но ждать не хочу. Мы, сегодняшние, ждать не хотим. Нам нужно – прямо сейчас. Для этого мы готовы на всё.

Приносят кофе и пирожные, и я перевожу дух.

Мы пьём, едим, поглядываем друг на друга.

– Расскажи о себе, – прошу я. – Мне же интересно.

Катя отнекивается, но я настойчив.

– На работе сидишь допоздна, – говорю я. – Вместо того, чтобы заниматься личной жизнью...

– Ты совсем как моя начальница, – улыбается Катя. – Она в свои преклонные годы даёт фору всем молодым...

– Ты будешь лучше, Кать, – уверяю я. – Запомни мои слова... Я уже отправлюсь в мир иной, а ты будешь вспоминать о поклоннике, который нагадал, как попугай, счастье по билету...

Катя улыбается, губы так трогательно загибаются вокруг зубов... Очаровательная женщина, эта наша Катя.

– А почему – поклонник? – вдруг спрашивает она. Радость ещё плещется в её взгляде, но какая-то тень непонимания легла на лицо. – Ну, сосед... да и то, в детстве...

– Да? – говорю я. – Хм, точно. Ну, вчера ещё не был поклонник, а завтра, глядишь, уже стал... – Так я пытаюсь исправить свою глупость-неточность. – Как там, в этой песенке? Ну, про кольцо? Нет, ты не можешь помнить, ты молоденькая, это мы, старики...

Катя усмехается и говорит:

– Ишь, старик...

Затем наклоняется ко мне, глаза у неё становятся чистые-чистые, такие синенькие-серенькие... И шепчет:

– Любовь – кольцо, а у кольца начала нет и нет конца...
Любовь – кольцо!

Она отрезала последние слова: «Любовь – кольцо!» – и отвернулась.

– Да, – бормочу я. – Это прямо про нас с тобой.

– Как это? – весело спрашивает Катя. – Что ты имеешь в виду?

– Ну, как что? – продолжаю я, тоже веселясь. – У меня безнадёга и у тебя...

Я еще не успеваю закончить, а Катю уже – словно подменили.

– Вы что же, с Димой это обсуждаете? – она со звоном кладёт ложечку на тарелку с недоеденным пирожным.

Сказать, что я оробел, – значит, ничего не сказать. Дьявольщина какая-то: я, опытный мужик, сижу перед этой девчонкой и не знаю, как быть. А она смотрит на меня своими холодными серыми глазами, и румянец разгорается на щеках всё ярче.

– Катя, милая, – лепечу я, – ты неправильно меня поняла...

– Я очень ценю твоё доверие, Саша, – говорит Катя с настоящим дипломатическим шармом, – мне очень жаль, что твоя девушка пока не оценила тебя... Но это обязательно случится, поверь мне...

– Катя, перестань! – требую я.

– Я очень рада была увидеть тебя, но уже поздно, пора ехать... – она роется в сумочке, достаёт деньги.

– Катенька! – прошу я. – Клянусь, мы никогда не обсуждали это с Димой...

– Не обсуждали, я поняла... – говорит она и оглядывается в поисках официанта.

Я беру Катю за руку и продолжаю:

– Послушай, посмотри на меня... Когда мы говорили о тебе... А мы иногда говорили о тебе с Димкой... Это всегда было... Ну, как о своей любимой младшей сестре... Разве мы можем обидеть свою младшую сестру?.. Нет, конечно. Потому что, Кать, мы тебя любим, мы тебя уважаем, мы тебя обожаем...

Она поднимает голову, и глаза у неё – как у ребёнка: и обиженные, и с надеждой на то, что я говорю правду.

А я держу её за руку и продолжаю говорить. О том, что детская дружба – это навсегда, что сближение в юности – самое крепкое и прочное сближение, ничто так не соединяет до конца жизни, как пережитые в детстве и юности общие

чувства. Я рассказываю ей, как мы влюбились в четвёртом классе в одну девчонку и очень этим гордились. Вот, мол, все влюбляются в разных, а мы, коли мы настоящие друзья, – будем любить одну.

Я говорю что-то ещё – до тех пор, пока пыл мой не иссякает и сама собой не возникает пауза.

– Да, иногда вы с Димой очень похожи, – Катя бросает на меня короткий пристальный взгляд, и на какую-то секунду я пугаюсь разоблачения и одновременно почему-то – радуюсь.

А Катя убирает руку и говорит:

– Жаль, что не дружила с вами в детстве. Когда вы были в четвёртом классе, я только родилась. А когда я пошла в четвертый, вы уже учились в университете.

– Зато у нас есть общая территория, – напоминаю я. – И общая школа.

Мы зовём официанта, расплачиваемся и выходим на Садовое. Катя направляется к метро, но я начинаю доказывать ей, что мы имеем полное право в такой день поймать такси. Особенно я напеваю на то, что пробок уже нет, и мы домчимся в два счёта, а про себя думаю: даже в чужом теле я не сунусь в этот ад подземки...

Катя под моим напором сдаётся, я ловлю машину, потрёпанную «семёрку». При посадке возникает заминка. Мне хочется сесть рядом с нею, но нельзя давать повода для малейшего подозрения в том, что я – то есть, Саня – ухаживаю за девушкой.

В итоге Катя садится впереди, рядом с водителем. Я с трудом устраиваюсь на заднем сиденье, и водитель, джигит кавказского происхождения, лихо гонит своё авто сначала по Садовому кольцу, а затем по Проспекту мира.

Вот мы уже летим по эстакаде вдоль ВДНХ, и тут я слышу тихий голосок: Катя что-то напевает в забытьи. И мне вдруг кажется, что я различаю слова: «что же ты, моя печаль, на двоих не делишься...».

Я сижу на заднем сиденье, нелепо разведя ноги, смотрю на катин профиль, и мне так жалко её, что схватил бы, обнял, прижал, поцеловал, успокоил...

Но я сижу, молчу. И только когда прощаемся, я не выдерживаю, беру её руку и целую пальцы.

Катя удивлена немного и после секундного замешательства целует меня в щёку. Я не знаю почему, но – взял да и перекрестил её. Она смеётся:

– Ты прямо как отец Тимофей...

Отец Тимофей – ещё один общий знакомый, когда-то вместе с нами в футбол гонял. А нынче вот – священник.

– Он всё там же, в Отрадном? – спрашиваю я.

Катя кивает и уходит в подъезд.

Ничего, девочка моя, – думаю я, – ничего. Будет и на нашей улице праздник. Дай только срок.

RAV-4.

Отвлекающий манёвр.

Р – автомобиль Тойота RAV-4, государственный номер КК 753 ВИ 77.

Мой хозяин – журналист Дима, тот самый, что оставил меня здесь час назад и побежал за девушкой по имени Катя.

Впрочем, это не совсем так. С первого взгляда, это был не Дима, а его друг Александр. Но это только с первого взгляда и только для тех, кто не знает их обоих. А я их знаю очень хорошо, за три года изучил, и меня не обманешь всякими наивными трюками в духе комедий с переодеванием.

Люди вообще придают слишком большое значение внешним атрибутам: кто как выглядит, во что одет и всякое такое прочее. Они, кстати, переносят эту свою особенность и на автомобильные дела. Как будто в автомобиле, как и в человеке, самое важное – сверху, снаружи. А что под капотом и вообще – внутри, – дело десятое.

Так вот, меня-то не обманешь. Даже если хозяин перевоплотится в женщину, я всё равно узнаю его ещё за полсотни метров.

Тем не менее, поначалу, когда хозяин и Александр начали свои фокусы с телами и душами, мне было не по себе.

Вот, представьте. Стою я себе спокойно во дворе, ни о чём не думаю. Отдыхаю. Вдруг открывается подъездная дверь и выходит хозяин. И идёт мимо меня по двору. Я прямо обалдел. Во-первых, я почему-то не почувствовал, что он спускается со своего этажа, и это меня страшно удивило. Во-вторых, походка – это была совсем не манера хозяина. Тот всегда двигается по прямой и решительным шагом. В-третьих, я сразу почувствовал Александра, но не сразу

сообразил, что он и вышел... как бы это выразиться, – под маркой хозяина.

Не успел я прийти в себя, как вылетает из подъезда Александр и напрямик – ко мне. По-хозяйски так меня открывает, запускает двигатель и так далее, – всё, как положено. Я чувствую – хозяин, а погляжу, кто за рулем, – не он.

Неуютно как-то.

А потом пошла эта слежка-сопровождение.

Саня под маркой хозяина идет по Садовому, а мы с хозяином под маркой Александра потихоньку рулим за ним следом.

А я уже не знаю, на кого смотреть, куда озираться. Ну, истинное раздвоение личности. У них – уже налицо, и у меня, глядишь, вот-вот начнётся.

Потом, когда рыжая Люба в машину заскочила, я, конечно, весь переволновался.

Во-первых, этот «Мурано» меня из себя выводит. Нос воротит, будто чем-то лучше нас. Те же технические решения, только железа побольше. А форсу зато...

Во-вторых, я всегда эту рыжую недолюбливал, потому что она хозяином вертела как хотела. Когда мужик позволяет женщине сесть себе на голову, добра не жди, это кончится плохо. А тут ещё этот маскарад и переодевание в чужие тела...

Я уж не чаял, как они, хозяин и Александр, из всего этого хитросплетения вывернутся.

Но я позабыл, запутавшись, что в александровом обличье прячется хозяин. Рыжая ушла несолоно хлебавши. Я мысленно хозяину аплодировал: всё-таки как он ловок и быстро соображается с любыми обстоятельствами!..

Но пока рыжая в моём салоне строила глазки хозяину в чужом теле, какой-то человек, вынырнувший неизвестно откуда, прицепил к моему днищу в районе заднего моста электронную штучку размером с монету, и эта штучка тотчас принялась подавать какие-то сигналы.

Вот так вот. Никогда мне эта рыжая не нравилась.

И вот я стою на редакционной стоянке.

Хозяин в чужом обличье ушёл с девушкой по имени Катя. Вот это совсем другое дело. Сразу видно душевного челове-

ка. Такая не станет приставать в мужчине прямо в салоне автомобиля и буквально вынуждать его к сексу. Как это случилось не раз... Фу.

Ну а рыжая на своей высокомерной мурене (шутка юмора) целый час простояла вон там, в ста пятидесяти метрах, пряталась за оградой. Выслеживала неверного любовника в том время, как дома её ждал собственный муж.

Что за нравы?

Ничего не выстояла, отправилась восвояси, но на её место стал «Форд-фокус» с двумя седоками в салоне. Я сразу понял, что ночевать они будут недалеко от меня. Время от времени они там у себя нажимали на какой-то прибор, и я чувствовал, как электронная штука на моем днище откликлась радиосигналом.

Журналист так создаются бестемеры.

Прежде чем отправляться на Речной вокзал к Нью-халкову, я решаю заехать в одно местечко. Таксист-джигит ждёт денег, я объявляю ему новый маршрут.

– Ой, не расплатишься, дорогой! – радостно говорит сын гор и рвёт с места.

Спустя четверть часа мы подъезжаем к церквушке. Моё опасение сбывается: двери заперты, тихо. Удивляться нечему: час поздний даже для истинно верующих. Что же говорить о таких, как я? Я схожу с крыльца, и беспощадная мысль щемит душу: неужто двери храмов заперты для меня навсегда?..

Но тут кто-то выходит из-за угла.

Отец Тимофей, в нашем общем прошлом – попросту Тимка, – стоит под фонарём. Ряса, борода и – сумка в руке, авоська.

– Саша! – говорит он. – Извини, не сразу тебя признал...

Он протягивает руку, и яжимаю её после некоторого замешательства.

– Прости, отец, – говорю, – не привык целовать мужчинам руки. Чёрного кобеля не отмоешь добела.

– Ну, зачем же так трагически? – улыбается отец Тимофей. – Есть и другие истины.

– Есть, – соглашаюсь я. – Но всё одно – в них много печали.

– А как же без печали? – спрашивает слуга господинь. – Печаль – тень радости.

Я уточняю тогда у философа-священника: неужели он считает свет первичным, а тьму – вторичной? Тот отвечает с улыбкой, что уверен в этом, потому что, во-первых, у отцов церкви об этом сказано немало, а во-вторых, он и на собственном опыте убедился.

Поговаривали, будто был у Тимы рак, а потом – вроде как выздоровел. Одни полагали, что его обращение к богу и вызвано чудесным излечением, а другие – что излечился, потому что поверил.

– Что случилось? – спрашивает отец Тимофей. – Ты хочешь исповедоваться?

Он стоит передо мной – в своей рясе и с авоськой, обыкновенный русский мужик, дома, конечно, ждут попадьё и детишки. Их, у него, кажется, трое.

– Нет, – говорю я. – Не готов. Прости...

– Как знаешь, – отвечает он. – Я всегда готов тебя выслушать.

И добавляет:

– И тебя, и Диму.

Мы смотрим друг на друга. Граница фонарной тени то скрывает лицо священника, то уходит за его спину, и тогда открывается его лицо с тёмными впадинами глаз.

– Спасибо, отец, – говорю я. – Ты мне ответь на один вопрос.

– Слушаю тебе внимательно, – кивает священник.

– Скажи, душа человеческая покидает тело только один раз? – спрашиваю я.

Священник переступает с ноги на ногу, затем делает шаг мне навстречу. Кажется, он сам хочет спросить меня о чём-то. Но вместо этого он отвечает:

– Да.

– Душа не может вернуться в покинутое ею тело? – спрашиваю я снова.

Пауза.

– Церковь не знает подобных примеров, – тихо говорит отец Тимофей.

Я смотрю на него и жду чего-то. Я сам не знаю, чего я жду. Проходит какое-то время. Всё, надо ехать.

– Спасибо, отец Тимофей, – говорю я и уйду.

Он смотрит мне вслед до тех пор, пока я не сажусь в машину и не отъезжаю.

Стемнело. Проехали Алтуфьевку и вдоль железки виллем к Дмитровке.

– Я тоже православный, – с какой-то детской откровенностью сообщает джигит.

– Грузин? – автоматически спрашиваю я.

– Армянин, – отвечает он.

– Ну, да, – киваю я. – Бери выше.

Джигит непонимающе моргает. А я ему объясняю – что армяне ведь раньше грузин христианство приняли.

– Намного! – подтверждает тот. И продолжает: – Я вот думаю... ведь и до христианства люди как-то жили. И с богом разговаривали. Вон у нас древнее царство было, Урарту, там своя вера... Мне всегда их спросить хочется... ну, священников... как это они могут быть между нами, простыми людьми, и богом? Разве это возможно?

Вот тебе и джигит, дитя гор. Я спрашиваю его, чем он занимался у себя в Армении. Инженером был, отвечает, на заводе военном работал, а теперь вот...

И он стучит по баранке своего «жигулёнка».

– А ты на вершине Арарата бывал? – спрашиваю я.

– Нет, – отвечает он. – Арарат на турецкой территории.

– Жалко, – говорю я.

– Почему? – удивляется джигит.

– А может, – говорю я, – оттуда виднее?..

– Что виднее? – уточняет джигит.

– Да всё, – говорю.

Он косится на меня с опаской. Это беспокойство не покидает его до тех пор, пока я с ним не расплачиваюсь сполна, как ему хочется.

Дом Ньюхалкова оказывается высоченным, вполне себе элитным домом. Видно, литературная халтура приносит полновесные доходы.

Квартира только подтверждает мои ощущения. Мне удаётся увидеть лишь прихожую, туалет и просторный кабинет, но и по ним можно сделать вывод о том, что квартира обширна, прекрасно отделана и, вообще, обличает высокий хозяйский вкус.

Нюхалков – статный, холёный мужик с тщательно зачёсанными назад редкими волосами – встречает меня снисходительным упрёком по поводу того, что я – последний.

– Надеюсь, не по вкладу в наше общее дело, – говорит он, ведя меня в кабинет.

Там уже сидят трое наших с Саней собратьев по литературному рабству.

Один – высокий брюнет с грустными глазами. Другой – низенький пухлый блондин с беспокойными руками. Третий, самый младшенький, – стриженный наголо парнишка с брезгливой гримасой на лице.

– Итак, ребяташки, – с отеческой интонацией начинает Нюхалков, – приступим к работе.

Он начинает с объявления: получен заказ на целый проект. Если исполнять этапы проекта в срок, тютелька в тютельку, то есть – по роману в два месяца, – перспектива на дюжину, по крайней мере, томов, – обеспечена. А там, бог даст, и полторы дюжины!..

Тут словно оптимистическая волна пробегает по кабинету. Хорошо оплачиваемая работёнка на год-полтора – это вызывает сдержанный энтузиазм среди моих собратьев по литературному общаку.

– Но этот проект не простой, – говорит Нюхалков. – Этот проект имеет государственное значение.

И произносит речь – эдак на четверть часа.

Речь выстроена по всем правилам ораторского искусства – чувствуется, что хозяин прошёл хорошую подготовку и у него большая практика. Остальным отведена роль благодарных слушателей: внимают и что-то записывают в своих блокнотиках. Мне становится неуютно из-за того, что я не вооружён. Но Нюхалков, у которого всё под контролем, показывает мне на стол: там и перья, там и бумага.

Выясняется, что люди во власти, – ну кто бы мог предположить! – думают о будущем. Они искренне хотят, чтобы молодое поколение не просто выросло рядовыми членами общества потребления, – нет, самые умные из элиты понимают, что только патриотическое сознание может помочь нашей стране.

– Патриотическая жилка! – поднимает палец Нюхалков и даже поводит им так, чтобы все сидящие по разным углам кабинета могли его разглядеть.

Это условие – патриотическая жилка – необходимое, хотя, конечно, ещё недостаточное условие, чтобы проект состоялся. Если бы это была простая коммерческая халтура без какой-либо государственно-патриотической подоплёки, – довольно было бы сварганить кашу из серийных убийств, роковой любви золушки к синей бороде да растянуть историю на пять-семь-десять томов. Но здесь требуется другой подход, и поэтому он, Нюхалков, выбрал для этого проекта самых креативных, самых неординарных мастеров из нашего круга.

Опытный демагог, Нюхалков даёт присутствующим насладиться минутой. И мы, польщённые, гордые своей избранностью, слегка косим глазами в сторону соседей.

– Начинаем, друзья мои, генерировать идеи, – Нюхалков открывает новый этап совещания. – Вы, наверное, детушки мои, ругаете на чём свет стоит мою манеру собирать вас по ночам...

Теперь уже мы переглядываемся открыто. Судя по всему, Нюхалков и в самом деле достал своих рабов ночным графиком.

– Но ведь я знаю, вас, творческих людей, – проникновенно продолжает Нюхалков. – Собери я вас утром, вы будете спать! Реакции вялые, никакого креатива. Днём – тоже мало хорошего, потому что вам кажется, что времени – вагон и маленькая тележка и можно попусту трепаться, терять время, испытывать моё терпение.

А вот поздний вечер, ночь – по мнению Нюхалкова – самое подходящее время для мозгового штурма, для генерации остроумных, оригинальных, сумасшедших идей. Нервная система возбуждена, воображение кипит и...

– И час-то поздний, всем хочется домой, к девушкам, к мальчикам, кому как... – Нюхалков изящно ведёт бровью в сторону толстячка, а тот, наоборот, поднимает брови. – Словом, времени не тратя даром... Начали!

И он тычет своим вездесущим пальцем в длинного брюнета.

Длинный перелистывает свой блокнотик.

– Фабула. Несправедливо уволенный дерьмократами полковник КГБ живёт в одиночестве на маленькой дачке в Подмоскovie. Жена ушла, её сманил удачливый шоу-бизнесмен. Полковника навещает любящая дочь, но и её увлёт некий финансовый магнат.

– Так, – кивает Нюхалков. – А патриотическая жилка... не забыл?

Длинный поднимает ладошку – всё будет тип-топ – и продолжает набрасывать фабульные контуры.

И вот живёт полковник один-одинёшенек на даче, вспоминает последнее дело, из-за которого его турнули из конторы. Допустим, он перешёл дорогу некоему воротиле, близкому к власти. Можно пса какого-нибудь бродячего добавить, пацана беспризорного... Если конечно, в сюжет лягут.

Однажды дочка приглашает полковника на вечер к своему будущему жениху. Для знакомства. Он приезжает в загородный дом и там, среди бомонда, чувствует себя чужим. И вот он видит, как его будущий зять беседует с тем воротилой, из-за которого его турнули из КГБ...

– ФСБ, – поправляет Нюхалков. – Будь точен. Точность – тоже сестра таланта. Пусть даже и младшая.

Длинный кивает и продолжает.

И вдруг дочкин жених, финансист, приглашает полковника к себе в кабинет и предлагает ему работать на себя. Хорошие деньги, загранка и т.д. Полковник сначала отказывается и уезжает. Потом его уговаривает дочь, он вспоминает про того воротилу, своего обидчика, и соглашается. А дальше...

– Кто продолжит? – восклицает Нюхалков.

Молодой лысый парнишка тянет руку.

Нюхалков ласково усмехается и тычет в толстого блондина.

– Я думаю, – говорит тот, со страшной скоростью вертя в пальцах ручку, – дальше полковник обнаруживает крупную аферу, которую задумывают жених и воротила... Финансовую... Или что-нибудь с торговлей оружием... Всё это полковник раскручивает, спасает дочку, Родину и триумфально возвращается в контору.

– Угадал? – спрашивает Нюхалков длинного.

– Не совсем... – морщится длинный. – Почти... Там у меня были индийские долги...

– Хорошо, детушки мои, – Нюхалков доволен. – Я не ошибся в вас. Как же мы должны оценить этот вариант? Что скажете?

Тотчас лысый парнишка поднимает руку. Но хозяин даёт слово мне, хоть я и не напрашивался... Не удалось отсидеться. Мне кажется, эта же мысль – в лукавых глазах Нюхалкова.

В эту секунду открывается дверь кабинета и входит женщина, гладенькая шатенка, вполне ещё молодая, в самом что ни на есть – соку. В руках у неё поднос, на нём – чайник, бутерброды, конфеты. Она разгружает провизию на столик в центре кабинета, оглядывает нас живыми тёмными глазами.

– Спасибо, душа моя, – посылает ей воздушный поцелуй Нюхалков. Ничего не скажешь, умеет жить этот продюсер литературной халтуры. – Ложись, я буду поздно.

Шатенка философски улыбается и уходит, распространяя запах настоящей женщины.

Пользуясь паузой, я ем бутерброд и пытаюсь что-нибудь придумать. Но что? С этими смышлёными ребятами, похоже, тягаться не под силу.

– Итак... – неумолимо призывает меня к ответу Нюхалков, терпеливо выждав, когда мы насытимся. Сам при этом выпивает чашку чая.

– Я думаю, этот сюжет очень даже неплох, – говорю я убедительным тоном. – Вроде бы там есть всё, что должно быть... А что ещё, собственно, нужно?

– Так, – без тени недовольства говорит Нюхалков. – Понятно.

И мановением пальца приглашает к слову лысого нетерпеливого молодчика.

– Знаете, коллеги, – начинает молодчик, – мы хоть и не претендуем на нетленки, но всё-таки надо же и что-то новое выдать на гора...

Во-первых, вбивает лысенький первый гвоздь в крышку гроба, – здесь собраны все штампы современных боевиков, что в кино-телевидении, что в литературе-макулатуре.

Во-вторых, – загоняется последний гвоздь, – где здесь патриотическая струя?

Герой – полковник КГБ-ФСБ? То есть, эксплуатация тезиса, по которому единственные патриоты – все в спецслужбах... Да, это сейчас модно и, возможно, так оно и есть, но в контексте нашего проекта этого недостаточно. Таким, образом...

– Таким образом, – подводить итог Нюхалков не позволяет никому, кроме самого себя, – получается, что вариант неплох... был бы вчера. А сегодня он уже не тянет. Кроме того, нам ведь нужна серия? А где тут намёк на серийность? Хотя бы один? Увы, мой дорогой коллега, – обращается он к длинному. – Ваш вариант мы бракуем, хотя и оставляем его в наших запасниках... Никаких обид? Наш девиз какой?

Он смотрит на длинного с ожиданием. Тот слегка розовеет и не без усилия говорит:

– Ничего личного. Только бизнес.

– Вот именно. Мы же что? Мы коллективный, муравьиный разум. Ты кусочек, он шажочек, вот и вышел... огуречик! – похохатывает Нюхалков. – Хорошо, поехали дальше. Извольте!

Теперь очередь низенького-толстого.

Тот кашляет и начинает излагать свою фэбулу. Вместо героя – героиня. Простая российская женщина, журналистка, работает в поте лица, содержит ребёнка и мужа-инженера, который трудится на оборонном предприятии и приносит домой копейки.

И вот однажды мужа арестовывают. Выясняется, что он продавал врагам Родины наши оборонные секреты. Жена, конечно, в шоке, она не верит, приходит к мужу в тюрьму, тот ничего не понимает: его оговорили. Но так ловко всё подстроили, что улики на нём. Какие-то бумаги с отпечатками пальцев, письма в Интернете и т.д. и т.п.

– Кто может продолжить? – спрашивает Нюхалков.

Понятное дело, взмывает рука самого умного из нас, но хозяин предлагает высказаться длинному, за что я ему, хозяину, глубоко благодарен.

Длинный пожимает плечами, хмыкает, морщится и рассказывает нам, как героическая женщина выводит на чистую воду тех, кто спял дело. Наверное, на неё ещё дави-

ли, возможно, с работы выгнали, – в общем, полный набор сериальных приключений красивой героини.

– Угадал? – спрашивает Нюхалков низенького.

– Ну... близко. Но у меня ещё был прибабас. Целая интрига, на заводе. Инженера сажают, чтобы скомпрометировать директора, а на его место...

– Посадить другого, нехорошего, – вздыхает Нюхалков. – Они будут бороться за право отмывать наличку и так далее... А патриотизм – где?

Он так и произносит слово «патриотизм» – с мягким «з» и хитро так глядит на всех нас.

– Нет, детинушки мои, – снова воздымается хозяйский палец. – С патриотизмом шутить нельзя. А вы что скажите, Саша?

Он смотрит на меня, и все остальные – тоже, со скрытым, но явным злорадством.

– Тот же мотив, но в несколько ином исполнении. Там мужик, здесь баба, – лениво излагаю я. – Ну, и с серийностью, конечно, опять же проблемы.

– Верно, – кивает Нюхалков. – Верно. Поэтому этот вариант постигает та же участь, что и первый. Но теперь уже ваша очередь, Александр, предлагать свой... У нас же коллективный разум...

– Ну да, – киваю я. – Муравьиный...

– Вот-вот, – улыбается Нюхалков. – По зёрнышку. По мыслишке. По идейке. Прошу!

У меня в голове – пустота. Выдумывать ещё одну историю, подобную тем, что уже наплели длинный с толстым, – просто тянуть время. Лучше уж признать себя импотентом, творческим, и согласиться на свою вторую роль, вернее, роль пятого колеса в этой телеге коллективного разума.

Я сижу и подбираю слова, которыми можно как-то замаскировать своё безусловное поражение, как вдруг мне приходит в голову дерзкая идея.

А что если я сделаю фабулой свою собственную историю?

Эта мысль озаряет меня каким-то захватывающим светом.

Вот уже второй месяц, как я живу этой новой жизнью, и никто на белом свете не знает об этом. Санька не в счёт, мы с ним одно целое. И в прямом, и в переносном смысле.

Конечно, кое-какой риск есть, такой риск всегда существует, но...

Никто и никогда не сможет связать реальность и вымысел воедино.

Как связать деятельность реального журналиста и героя ненаписанного ещё романа, фабулу которого рассказывает литературный раб на квартире прохвоста-продюсера?

Эта связь – только в моей голове.

Нюхалков.

Отвѣтный гѣнь.

Сказать по правде, на Сашку в части креатива я не рассчитывал. Он человек из классической культуры, ему подавай Вергилия, Гёте и Пушкина. На крайний случай Булгакова с Томасом Манном. Или с Генрихом – я их вечно путаю.

Путаник ты, Нюхалков.

Но каков!

Я его, Сашку, держу на своих проектах не для того, чтобы генерировать технологические сквозные идеи, для этого есть совсем другие люди. Эти люди живут вне классической традиции, для них классика – дела давно минувших дней, прошедший этап, смешная седая древность. Зато они представляют себе, как написать современный роман, который обыватель глотает на одном дыхании и готов платить за него бабки. Они знают, как выстроить фабулу, как компоновать структуру романа, чтобы в этой главе была динамика, в той любовная сцена, чтобы здесь – слеза, а там – наоборот, обхохотаться до усрачки.

В жизни ведь нет совершенства. Как у Гоголя: вот бы нос одной да приставить ко лбу другой и так далее.

Вот бы умение моего юного креативщика строить романские структуры да соединить с чувством языка у Сашки, – вышел бы романист мирового уровня. А так получается, что пишем коллективную лабуду.

Несправедливо? А это как посмотреть. Вопрос: гением быть хорошо? Но давайте вспомним: все ли гении добивались успеха при жизни? Сколько гениальных людей – голодали? Моцарта похоронили в общей могиле. Моцарта! Нам это надо?

Нет, уж лучше я буду Нюхалковым. Пусть будет коллективная лабуда, так хоть при жизни взять всё от этой жизни.

Так вот, Сашка у меня эдакая последняя рука. Рука несбывшегося гения. Пройдёт последней правочкой по тексту – и можно в редакцию сдавать, не стыдно. В рамках, конечно, заложенного креативщиками.

Когда он предложил идею насчёт душ, покидающих тела и путешествующих в пространстве, мне поначалу она показалась перспективной. Я даже удивился немного, как такая тонкая штука могла прийти в голову Александру с его тривиальными художественными вкусами.

Однако, поразмыслив, я пришёл к выводу, что всё это на сегодня не актуально. То есть это можно разрабатывать, но – на свой страх и риск, за свои денежки.

А у нас иная ситуация, у нас государственный проект, хоть и частично, но – это нынче модно. Частно-государственное партнёрство, во! Деньги ваши, идеи наши, а пипл всё схавает.

В общем, я дал заключение, что идея недурна, да сейчас не пойдёт, нас церковь не поймёт, она такие завиральные сюжеты не одобряет. А с церковью, детушки мои, ссориться себе дороже. Пусть она и отделена от государства.

Сашка, надо ему отдать должное, совсем не обиделся, губами поёрзал – и всё. Он за последнее время как-то изменился. Что-то в нём появилось, какая-то твёрдость. С чего бы это?

Как бы то ни было, шёл четвёртый час ночи, пора было подводить итоги.

Я выпустил на арену нашего молодого лидера, и он, блестя голым черепом, разложил всё по надлежащим местам, расставил все точки над «i».

Мы начинаем, – объявил он, – проект под названием «Добрая сила».

Представим себе, в самом недалёком будущем, ну, скажем, лет через десять, талантливейшие русские учёные изобретут машину времени.

При этих словах на лицах остальных появились кислые улыбочки. Мол, всё это – было, было, было...

Но самый молодой и самый деловой из них не дал сбить себя с панталыку.

Наша машина времени, – отрезал он, – всего лишь технологический литературный приём, который позволяет скрепить одной сквозною скрепой нашу патриотическую серию.

Итак. Изобретена машина времени. В это время Россия возродилась настолько, что может разговаривать с остальным миром ну совершенно на равных. И вот у отдельных представителей элиты зарождается мысль подправить кое-что в прошлом, добавить позитива, нейтрализовать негатив. Инициатива исходит от главного идеолога возрождения России, к тому времени уже состарившегося. И проектом руководит его сын...

Представьте себе, друзья мои, десять-двадцать романов о ключевых событиях русской истории, где появляется новый сквозной мотив. Этот мотив: «добрая сила», исходящая из будущего! Представьте себе, что в окружении каждого из русских лидеров, царей есть персонажи, с одной стороны, вполне исторические, а с другой – что-то в них такое... из «доброты силы», которая направляется мудрой рукой из будущего.

И тогда может оказаться, что наша победа на Куликовом поле совершилась не только в соответствие с привходящими историческими случайностями, а – была отчасти предопределена добросильной помощью из будущего.

И чудесное возрождение русской земли в Смуту – тоже, знаете ли, не без «доброты силы», которая щедро пришла на помощь из двадцать первого века.

– Так что, читайте, детушки мои, Соловьёва, Карамзина и прочих Ключевских, – заключил я наши бдения. – Высматривайте там среди персонажей второго плана наших будущих агентов «доброты силы» и... Как говорится, и засеём, и вспашем! То есть, сначала вспашем, а потом засеём. В добрый путь!

Я назначил нашего младого таланта руководителем проекта, дал все инструкции, и мои ребята отправились по домам, причём Сашка при прощании крепко пожал мне руку и посмотрел так пристально-иронически, что я немного удивился. Что это с ним?

Но – всё это в прошлом, потому что ведь – что главное в нашей жизни?

Верно: чувственные удовольствия.

Вот когда ты лежишь на животе, раскинувшись, а милая женщина ласкает твоё тело – нежно, умело, неторопливо – как требуется мужчине моего возраста.

И вот лежу я на животе... ага, надо перевернуться... О, это ещё лучше!

Словом, ни в сказке сказать, ни пером описать. Во всяком случае, не мне, Нюхалкову, этим заниматься, что-то описывать. Для этого есть совсем другие люди.

Просыпаюсь я чуть за полночь.

Завтрак (по моему графику) – дело святое и неторопливое, им надо просто насладиться, отбросив всякие мысли. Но – не сегодня.

Сегодня – особенный день.

Сегодня у меня важная, очень важная встреча. Я должен предстать пред очи очень серьёзного человека и гарантировать высокий уровень продукта, для создания которого прошу денег. Потому я и мучил своих ребяташек за полночь, что мне нужна полная внутренняя уверенность.

Теперь у меня эта уверенность – есть.

И поэтому я спокойно и с удовольствием завтракаю, неторопливо собираюсь и в отличном расположении духа еду на встречу. Ленинградский тракт – одна длинная, до самого Белорусского вокзала пробка, которая двигается со скоростью пятнадцать километров в час. Но мне спешить некуда, у меня всё расчислено, как говаривал наш лучший поэт, – не по календарю, а заранее по часам, так что я вовремя прибываю на место.

Секрет удавшейся жизни – быть всегда вовремя в нужном месте. Другое дело, что место это должно быть то самое, в котором и раздадут входные билеты в хорошую жизнь. Место, куда я приехал, с виду самое обыкновенное. Никто бы не подумал, что тут решаются судьбы миллионов и миллиардов. Людей и рублей.

Серый подъезд, обычный коридор, ковровая дорожка – такими выкладывали в своё время коридоры в публичных советских и партийных заведениях.

Обычная приёмная, за барьером – обычная женщина, не девица с ногами в полтора роста, а дама лет пятидесяти.

Ты садишься и ждёшь.

В это время из кабинета выходит известный политтехнолог. Выходит – спиной. Раскланивается до тех пор, пока не закроется дверь. И – к даме, она ему, шёпотом: сколько у вас? Миллион двести? Пройдите в пятый кабинет.

Миллион двести! Это, конечно, – в долларах.

Что тут скажешь? У нас масштабы не те.

Входит толстый джентльмен. Медийный олигарх. На меня не смотрит. Я для него – пустое место. А ведь мы, кажется, по одному вопросу...

И точно, через несколько минут нас обоих приглашают в кабинет. Хозяин его – человек с виду скромный, не чванится, но все перед ним – по струнке и на цыпочках. И я, и олигарх.

Хозяин знакомит нас, меня и олигарха. Теперь толстяк смотрит на меня запоминательно: я перестал быть пустым местом.

Я кладу перед ними листок бумаги с описанием проекта и даю комментарий. Семь минут разговору.

Проект одобряется. Источник: пятьдесят процентов – фонд поддержки патриотических начинаний, пятьдесят – холдинг олигарха. Аванс – в пятом кабинете.

Я выхожу, олигарх остаётся. Всё-таки мы с ним не равня. Ну и ладно, – вполне себе философски думаю я. У каждого своя стезя.

Я кланяюсь даме в приёмной. Она напоминает мне про пятый кабинет, записывает сумму, даёт бумажку. Я иду с бумажкой в пятый кабинет, получаю аванс. Настроение – выше Монблана.

Сначала – в банк. Кладу аванс в сейф, предварительно взяв оттуда на недельные расходы. Еду домой. Снова – полтора часа. Настроение уже не такое радужное.

Сегодня особенный день ещё и потому, что он – отчётный. Надо писать оперу. Шутка. Но в каждой шутке только доля шутки... Что делать, грехи юности в рай не допустят. Когда-то, давным-давно, мне пришлось пойти на сотрудничество с очень почтенной организацией, не будем все упоминать её название.

И с тех пор я пишу – назовём так – отчёты. Раз в месяц – три-четыре страницы. В сущности, ничего такого особенного. Следует изложить всё самое интересное и любопытное: контакты, разговоры, слухи, сплетни о частной жизни.

Два часа работы – и ты свободен. И так двадцать лет. Несмотря на смену политических режимов.

По большому счёту, мне жаловаться не на что. Я подозреваю, что невидимая рука поддержки всегда сопровождала меня в моих начинаниях. Как наша «добрая сила». Что делать, за кусок пирога всегда идёт борьба. Исход борьбы решается на нюансах. У кого нюансы весомей, того и тапки.

Всё. Я запираюсь в кабинете и сажусь за отчёт. В эти часы меня никто не беспокоит. Телефон отключён, вернее, заблокированы все вызовы, кроме двух-трёх, которые нельзя блокировать никогда. В том числе – хозяина кабинета, в котором я встречался с медийным олигархом.

Мне вдруг приходит в голову забавная мысль: а что если олигарх тоже сейчас корпеет над отчётом? Не случайно ведь он стал таким крутым... Кто знает, может быть, и его вела невидимая рука поддержки? И вот он сейчас думает, писать ему о встрече с этим Нюхалковым или нет? А вдруг тот напишет, а я, олигарх, не упомяну и попаду под подозрение?

Вот ведь как всё мудро устроено. Каждый из нас – под перекрестным освещением сексотов. Умолчишь, сыграешь в благородство – можешь жестоко промахнуться. Так что отчёт – дело крайне важное.

И я добросовестно излагаю всё самое интересное, что произошло со мной за месяц.

Но когда я заканчиваю, выясняется, что не так уж и много событий упаковано в мой отчёт. Это меня озадачивает. И я, и те, которые читают мои отчёты, привыкли к определённом формату. И его изменение не очень-то желательно. Ещё усмотрят неискренность, а там и до опалы недалеко.

И тогда я решаю включить в отчёт и краткое упоминание о ночном семинаре с моими ребяташками. А там самым ярким пятном оказывается Сашкина идея о душах-

путешественницах. Ну, я и её запикиваю в отчёт – для объёма и колориту.

Затем звоню моему куратору.

– Я набрал текст на компьютере, – сообщаю я ему с вызовом.

– Очень хорошо, – отвечает куратор. – А теперь перепиши, желательно без ошибок. Ты же знаешь, только собственноручно.

– Не могу я собственноручно, – капризничаю я. – Отвык.

– Ты брось, Нюхалков, истерику закатывать, – говорит грубиян. – Правила устанавливаешь не ты.

– Я просто подпишу, – зачем-то упорствую я. – Какая разница, в конце концов?.. Двадцать первый век!..

Я слышу вздох в трубке и (о, чудо!) :

– Чёрт с тобой, – соглашается куратор. – Фамилия, имя, отчество. Чтоб разборчиво у меня! Дата, подпись. Отсканируй и присылай. Оригинал сохрани, заберу как-нибудь...

Ну вот, хоть маленькая, но победа. Теперь всегда буду так – только подписывать.

Катя

У самого синего моря...

Если вы долго чего-то ждёте, имейте в виду: когда вы это получите, ничего поначалу не будет, никаких чувств, одно удивление.

Открывается дверь, входит мужчина, которого ты привыкла ждать. Он входит, идёт прямо к тебе, садится рядом и говорит:

– Марь Пална, вы не находите, что Кате нужен отпуск?

Марь Пална понимает голову от бумаг, надевает очки, смотрит на Диму, на меня и говорит:

– Я ей каждый день об этом твержу. Необходимо просто силу применить. Грубую мужскую силу. Ну, можно не очень грубую...

Я сижу, дар речи отказывает мне. Не знаю уж, что делается с моим лицом, – оно горит.

– А ей на сколько дней нужен отпуск? – кротко осведомляется Марь Пална.

– На два, – отвечает Дима, неотрывно глядя мне в лицо. – Пятница и понедельник.

– Ой, тут и говорить нечего, – небрежно замечает Марь Пална. – Кать, считай, что мы с тобой договорились.

Со словами, что нужно сходить к юристам, Марь Пална встаёт, идёт к двери. Там оборачивается, делает зверское лицо и показывает мне кулак.

– Екатерина Николавна, – говорит Дима, когда мы остаёмся одни, и берёт меня за руку, – позвольте сделать вам предложение?

– Делайте, – отвечаю я.

Мы почему-то перешли на «вы».

– На Красном море есть такой город под названием Шарм-эль-Шейх. Вам не приходилось бывать там?

Мне хочется сказать, что я уже была там, на Красном море, только на другом берегу, но я молчу.

– Я приглашаю вас в поездку в этот благословенный край. Тысяча и одна ночь. Море, солнце, арабы...

На лице Димы незнакомое мне выражение: оно усталое, лицо, – усталое и грустное. Ещё неизвестно, кому из нас больше нужен отпуск.

– Поехали, Кать, – Дима снова переходит на «ты», – я купил билеты и заказал гостиницу.

– А где ты взял данные моего паспорта? – задаю я глупый вопрос.

Дима поэтому и не отвечает мне, а только вздыхает.

– В каком качестве я поеду? – спрашиваю я, и сразу мне представляется свирепое выражение на лице Марь Палны.

– В каком захочешь, в таком и поедешь, – говорит Дима. – Ты же знаешь, я тебя никогда не обижу. Ты свободный человек. И ты под моей защитой.

– А как же твоя рыжая? – вдруг выговаривает мой язык помимо моей воли.

Дима смотрит на меня широко открытыми глазами.

– Она не моя, – отвечает. – Она чужая.

И добавляет:

– Ты прости меня, что так вот, с налёту... Не получается поухаживать как следует. Прости... Едем?

– Да, – говорю я.

Он улыбается, а у меня удивление начинает уступать место каким-то другим чувствам.

Дима показывает конверт. Там билеты и сертификаты в отель. Рейс в полночь. Он велит мне быть готовой к восьми вечера. От нас до Внукова ещё пилить и пилить. Он так и говорит – «от нас» – хотя давно уже в Медведкове не живёт.

– А что я должна сказать маме? – снова выговаривает мой язык по своей собственной воле.

Дима не отводит глаза и говорит:

– Ты скажешь ей, что летишь со мной.

И тут, к стыду моему, у меня из глаз начинают сами по себе литься слёзы. Я не плачу, нет. Я молчу, сижу. Просто у меня трясутся руки и текут слёзы.

Заходит Марь Пална, видит меня и с ужасом говорит Диме:

– Что такое? Ты её обидел?

– Да нет, – растерянно отвечает он.

Марь Пална выталкивает его в коридор, и они о чём-то шепчутся там с минуту.

Затем она возвращается, и мы вместе с ней приводим меня в порядок.

Через полчаса я еду домой, а ещё через два часа я сижу возле дорожной сумки, жду звонка. А вдруг что-то помешает Диме, какие-то обстоятельства, и наше поездка сорвётся?

Мама с опаской смотрит на меня. Папа – у телевизора, он не в курсе всех деталей, мы решили его не волновать.

В восемь ноль пять – звонок. В квартиру. За дверью – Дима. Мама готова расплакаться, я целую её, она потихоньку крестит нас.

Дима с моей сумкой прыгает через ступеньку, я едва поспеваю за ним. Мы садимся в такси, на заднее сиденье. Едем по кольцевой дороге, мелькают многоэтажки, время от времени моё плечо прижимается к его плечу, и я замираю на секунду...

Возле Каширки нас обгоняет старый «Ситроен», в открытых окнах – головы парней и девушек, их, наверное, не меньше десятка. Они дурачатся, свистят, делают нам рожи.

Я тоже начинаю улыбаться, Дима смотрит на меня и шепчет:

– Слава богу, ты, наконец, расслабилась...

Он обнимает меня, и я кладу ему голову на плечо.

Аэропорт, таможня, все эти утомительные процедуры. Дьюти-фри, сотни людей в замкнутом пространстве. И мы с Димой. Каждую минуту, каждую секунду – вместе. Я вижу его рядом с собой, я слышу его, я ощущаю его запах. Мне страшно немного, потому что, если разобраться, – я плохо знаю этого человека. Удивительно: столько лет живу с его

образом в своей душе, но только сейчас оказалась с ним наедине больше, чем на полчаса.

И я чувствую: он посматривает на меня с той же опаской ожидания – как-то мы переживём это стремительное сближение...

И вот самолёт, четыре часа в воздухе. Три из которых я счастливо сплю.

А когда просыпаюсь, вижу смешливое лицо Димы: садимся!

Снова аэропорт, утренняя прохлада, пальмы, сразу за дорогой – пустыня, а вдалеке, у горизонта – горы с острыми и частыми вершинами.

Чувствуется: где-то рядом море. Ура!

Садимся в автобус и полчаса едем вдоль побережья, останавливаясь возле отелей. Выходят одна-две парочки. Тут все строго по парам. Мужчина-женщина. Может быть, и другие пары есть, но я пока не обнаружила.

Подъезжаем к нашему отелю, приходим к приёмной стойке, и у меня холодеет в животе. А ведь будем жить с Димой в одном номере... И, наверное, спать в одной постели...

Дима долго разбирается с тремя молодыми арабами за стойкой. Наконец нам дают ключи, ещё один араб грузит наши сумки на электромобиль, приглашает нас. Мы садимся и едем по территории отеля: это большой полукруг, упирающийся в море. В центре бассейн. Кругом цветы, яркие-яркие, но – не пахнут.

– Не пахнут? – удивляется Дима. – Не может быть!

Он начинает спрашивать араба, но тот плохо понимает наш английский.

Слава богу, мы приезжаем к себе в номер.

Заходим. Ого, а номер-то – с гостиной!

А из лоджии – чудесный вид на гостиничный двор, и кусок синего-синего моря виден аж до самого горизонта... Меня распирает восторг, и Дима за моим плечом очень доволен произведённым эффектом.

В спальне – кровать поперёк себя шире. Но и в гостиной диванчик хороших размеров...

– Ну что? – бодро спрашивает мой повелитель. – Купаться пойдём?

У меня отлегает от сердца. Мне почудилось, он сейчас скажет: «Ну что, в постель пойдём?»

Так начинается наш первый день. И пролетает он, с одной стороны, как одно мгновение, с другой – вмещает массу событий.

Сначала мы идём купаться. Пляж ещё пуст, вода прозрачная и такая восхитительная, что я начинаю сразу смеяться и прыгать от восторга, словно я полная дурочка в двенадцать лет.

Дима смотрит на меня счастливыми глазами, а как уж я на него смотрю – о том лучше не думать. Ну и пусть.

Потом мы завтракаем, слава богу, можно до одиннадцати. Потом я сплю, тут же, на диване в гостиной, и Дима, смешной, ходит осторожно, не шумит. И не пытается пристать. Хм.

Потом, когда я просыпаюсь, мы снова идём купаться. Пляж уже наполовину полон. Народ со всех концов Европы, но в основном: немцы, итальянцы и русские. На обратном пути, возле бассейна мы обнаруживаем аниматоров, которые обучают всех желающих латиноамериканским танцам. Главный обучающий – итальянец лет двадцати пяти, красивый, с живыми глазами, с копной мелко завитых волос. Он видит нас и зовёт – принять участие. Подходит, берёт меня за руку и легонько тянет. А на Диму – ноль внимания.

Мне смешно и неловко. А Дима прямо на глазах начинает сердиться, ему всё это не по душе. Ага, я его, такого, ещё не знаю.

– Но, – говорю я итальянцу и убираю руку.

– Mario! My name is Mario! – кричит он, а девушка, его помощница, говорит нам на ломанном русском, что мы можем прийти после дневного сна.

– Марио, ишь ты, – всю обратную дорогу хмыкает Дима. Надо отдать ему должное, он быстро остывает, и мы смеёмся на тему латиноамериканских танцев и дневного сна.

За обедом у нас разгорается первый конфликт.

Дима вдруг заявляет мне, что так принимать пищу нельзя. Оказывается – вы только подумайте! – он ещё утром от-

метил, как тщательно я выбирала блюда и как плохо эти блюда потом съедала.

– Ты съела вот столько, – показывает он мне кончик пальца. – Это просто поразительно. Форменное безобразие!

Сначала я подумала: шутит. И в тон ему ответила, что у нас, у девушек, свои причуды.

Но это была вовсе не шутка. Дима расходуется так, что уже не стесняется соседей и пытается втолковать мне прописные истины: сколько нужно белка для поддержания жизни, сколько жиров и углеводов. И, вообще, гламур совершенно задурил женщинам головы.

Какие-то немцы, сидящие за его спиной, уже посматривают на нас с тревогой, и тогда я швыряю салфетку и говорю:

– Замолчи!

Это получается невольно, я сама не ожидала от себя такой прыти.

Дима от неожиданности так и остаётся с открытым ртом.

– Ты уже поел, не так ли? – говорю я. – Иди погуляй. А я пока пообедаю.

Он надувается, опускает глаза, сидит молча с полминуты. Потом встаёт, говорит, что будет у бассейна, уходит.

А одна дама из компании немцев показывает мне большой палец. Молодец, мол.

Молодец-то я молодец, но мне как-то не по себе, так что кусок в горло не лезет. Я немного испугана. Не потому, что боюсь реакции Димы, а потому что – не хочется верить, что наша арабская сказка может сдуться из-за обеденных пустяков.

Я нахожу его в компании аниматоров. Марио нет, зато есть одни девушки, и все они уже глядят моему Диме в рот.

– Екатерина! – он широким жестом представляет меня, и девушки несколько даже ревниво оглядывают меня. – Кэтрин, Кэт...

– Ты посмотри, Кать, – говорит он непринуждённо, – у них тут полный интернационал. Италия, Испания, Греция, Дания...

Конечно, я рада, что у них тут полный интернациональный консенсус, но изображать радость у меня не очень-то получается.

Но Дима – чуткий.

– Ты меня прости, – решительно говорит он, когда мы отходим подальше. – Я больше не буду. Хотя мне, конечно, тяжело смотреть, как ты ешь.

– Привыкай, – говорю я. – Если, конечно, хочешь...

А затем снова: пляж, ужин, гулянье. Потом аниматорское мероприятие в духе массовиков-затейников, что-то вроде концерта в парке Горького, только на разных языках, в том числе – на русском.

Я уже чувствую, что ноги мои не идут, а волокутся по земле, но возвращение в номер оттягиваю. И Дима не спешит, не торопит. Вдруг слышим характерную арабскую музыку, с бубном и зурной. Мы идём на звук. Улочка торговых лавок. Скоро полночь, но продавцы не уходят. Торгуют всем: сувенирами, конфетами, шортами, и даже банковское отделение – открыто. Чудеса.

А в середине, на лужайке, в кругу, – шикарная брюнетка демонстрирует танец живота под ту самую знойную мелодию.

Мы стоим, смотрим, и Дима слегка, чуть-чуть, приобнимает меня за плечо.

Но, рано или поздно, – надо возвращаться.

И вот мы стоим в нашей гостиной. У каждого вдруг нашлись какие-то мелкие дела по разборке сумок и укладке содержимого на полки. Мы обходим один другого, не смотрим в глаза. Кончается это тем, что мы сталкиваемся прямо посередине гостиной, и Дима берёт меня за руку.

– Надо нам разобраться, – говорит он каким-то не своим голосом, – как будем... спальные места...

– Ну да, – говорю я, наверное, тоже не очень-то раскованно, – но это не проблема, потому что мест два...

Он внезапно кладет мне обе руки на талию и целует меня в шею. Даже не то чтобы целует, а чуть касается, и мне кажется, что он как бы принюхивается.

«Ничего себе!» – проносится у меня в голове, и я почему-то вспоминаю Марь Палну.

Я стою, замерев. И, похоже, это пугает Диму. Потому что он разжимает свои не очень крепкие объятия и бормочет, чтобы я стелила себе в спальне, а он ляжет здесь вот, на диване, диван вполне себе подходящее спальное место...

Ну что делать, я плетусь в спальню, стелю.

Дожидаюсь, пока он освободит ванную, иду – привести себя в порядок. Когда возвращаюсь, Дима лежит на диване, причём диван разложен, так что там тоже места о-го-го.

Делать нечего, будем спать. Мне кажется, что в таком состоянии я засну мгновенно, но не тут-то было. Сна нет. Я ворочаюсь. Слышу, за дверью – тихо. Неужели спит?

Проходит какое-то время. Я смотрю на мобильник. Сорок минут, а сна – ни в одном глазу. Я чувствую, как у меня, смешно сказать, растёт какая-то обида. Мог бы сам прийти... Но ведь ему даже не придёт в голову, что у меня не было мужчины полтора года. С тех пор, как я дала себя уговорить моему бывшему сокурснику. У нас была вечеринка, институтских друзей, и потом я поехала с этим парнем к нему домой.

Парень оказался очень даже неплох, и мне секса с ним хватило надолго. Аж до сей ночи... Но больше встречаться с ним я не захотела. Он переживал, не понимая: как я могла его не оценить? Я его оценила, но он был мне чужой, и с этим ничего невозможно было поделать.

Я снова гляжу на мобильник. Ещё полчаса. Какого чёрта? – спрашиваю я себя, встаю, открываю дверь и подхожу к дивану.

– Что случилось? – вскидывается Дима.

– Ничего, – отвечаю я. – Подвинься. Я заснуть не могу.

И это ведь чистая правда, верно?

Когда я просыпаюсь, Дима лежит рядом со мной. Он спит так, что я не слышу его дыхания. Какое-то время я просто лежу, и мне так хорошо, как ещё никогда не бывало в жизни. Тело моё счастливо до сих пор, хотя с того момента, когда мы любили с Димой, прошло несколько часов. И вот я лежу, а каждая частичка моего тела растворена в блаженстве.

Потом я иду в душ и балдею под струей чуть тёплой воды. Когда возвращаюсь, Дима лежит по-прежнему в той же позе.

Я беру бутылку сока, иду в лоджию. Там просто восхитительно. Южная тишина. Вроде бы ни единого звука, но, если вслушаться, где-то далеко-далеко постанывает зурна. И сам воздух словно наполнен какой-то вязкой, спелой негой...

Как жить дальше, когда твои мечты сбываются? Мечты сбываются, а ты молода и перед тобою длинная-длинная жизнь?

Я потягиваюсь изо всех сил, так что косточки похрустывают, и возвращаюсь. Дима всё так же лежит на спине, чуть повернув голову.

Вдруг отсвет снаружи, со двора падает на диван, и какое-то жуткое выражение промелькивает на Димкином лице.

У меня всё холодеет внутри. Я тихонько толкаю его в плечо. Никакой реакции. Он по-прежнему лежит в той же позе, и полуоткрытый рот уже внушает мне страх. Я снова толкаю его, на этот раз без церемоний.

– Да проснись же ты! – шепчу я и трясу его за оба плеча. Никакой реакции.

Мысли в моей голове путаются, всё плывёт перед глазами.

Я судорожными глотками допиваю прохладный сок из бутылки и немного прихожу в себя.

Спокойно, – говорю я себе. – Во-первых, надо убедиться, что он жив.

С замиранием сердца я слушаю его дыхание. Сначала мне кажется – дышит, потом я ничего не могу понять и в панике хватаю его руку, ищу пульс на запястье.

Слава тебе господи, пульс есть!

Медленный, ровный. Я хватаю мобильник, пытаюсь вычислить удары.

Сорок восемь ударов в минуту. Много это или мало? Я не знаю.

Так, только не дёргайся, – говорю я себе. – Ты спишь с ним первый раз в жизни. Может быть, это его обычное состояние?

Что же мне делать? Вызывать врача? Я представляю себе, как появятся чужие люди, как буду объясняться с ними, а Дима будет лежать здесь как мёртвый...

Тут на меня вдруг наваливается такая усталость, что я просто ложусь, закрываю глаза и...

Когда я открываю глаза, в гостиной по-прежнему темно, но Димы рядом нет.

Он сидит за столиком в углу, перед ним открытый ноутбук.

Я смотрю на его спину, на его спокойные движения, ночной кошмар отступает, и я снова закрываю глаза.

Журналист Любовь, инцидент и горе с небес.

Катя просыпается и смотрит мне в спину. И молчит. Я делаю вид, что не заметил. Мне нужно зафиксировать всё, что я услышал на совещании олигархов как можно ближе к оригиналу. Моя журналистская память профессионально натренирована, но если я сейчас расслаблюсь, засну, прервусь, точность будет потеряна, останется только общий смысл, а детали забудутся.

Шарм-эль-шейх возник случайно. Или – не случайно. Ответ знает только тот, кто сплетает линии судеб...

Сначала об этом курорте упомянула Любка в нашем телефонном разговоре. Она сумела вызвонить меня в редакции, пришлось с нею объясняться. Мне было жаль её, но после моей прогулки с Катей (в обличье Сани), я нем мог даже подумать о других женщинах.

– Не бросай меня, – взмолилась Люба, – я так одинока.

– Ты не одинока, – ответил я. – У тебя есть муж. Заведи ребёнка. В конце концов, давно пора.

– Он уехал, – сказала она, пропустив мимо ушей про ребёнка, – В Лондон, потом в Шарм... Я говорю, тоже хочу к морю, но он не взял...

Такие у меня теперь разговоры с моей бывшей любовью.

А потом у меня был другой разговор, с нашим Замполитом. Он поймал меня в редакционном коридоре, изобразил радость и затянул в свой кабинетик.

Сначала поздравил меня с последними успехами. Дескать, от моих материалов вся Москва стоит на ушах. Потом напустил озабоченное выражение и начал жаловаться: ста-

ло трудно работать. Главный почти не бывает в редакции, все решения приходится принимать на свой страх и риск, а в нашем деле так легко попасть впросак...

Совершенно без задней мысли, – я ляпнул, что у Главного сейчас, наверное, на уме что-нибудь поприятнее редакционной текучки. Я-то имел в виду его отношения с Экономичкой, но Замполит при этих моих словах буквально сверкнул глазами и плотно провёл ладонью по своей гладкой голове, что являлось у него признаком душевного волнения. Почуввав неладное, я быстренько свернул нашу задушевную беседу, а потом – забрёл в приёмную Главного. И там услышал, как секретарша обсуждала по телефону размещение шефа в отеле. А спустя час – что-то щёлкнуло у меня в голове.

«С видом на море?» – спрашивала секретарша.

Я почувствовал запах удачи. Снова забежал в приёмную и всё выяснил.

Главный тоже летел в Шарм. И я знал теперь, в каком отеле искать всю их тёплую компанию.

Времени терять было нельзя, и как только Катя, обессиленная перелётами и переживаниями, заснула после купания, я отправился на поиски заговорщиков-переговорщиков.

Издалека задача представлялась несложной, но вышло иначе. Громадный отель, тысячи людей. Даже моя скорость перемещения не позволяла уложиться в полчаса, если перебирать подряд всех и вся.

Но я обнаружил их: и Главного, и любкиного благоверного.

Сначала нашлась Экономичка. Она лежала у бассейна и как раз собирала свою пляжную сумку, когда я в третий раз делал облёт объекта. Она отправилась в номер, он был рядом, похуже нашего с Катей. Главный сидел на террасе. Едва Экономичка вошла, он тут же принялся её тискать. Я не стал ждать продолжения, мне нужно было найти олигарха.

Он занимал апартаменты на две спальни, таких в отеле было всего два десятка, поэтому я и начал с них.

Олигарх спал, один-одинёшенек, на спине, посапывая-похрапывая. Он имел очень довольный вид, и я подумал,

что, наверное, он здесь отдыхает и от жены, и от необходимости выглядеть крутым. Обыкновенный мужик с ослабленной сексуальной функцией. Угроздило же его взять в жёны такую огненную женщину, как Любка. Впрочем, скорее всего, Люба взяла его себе в мужа, у него не было выбора...

Я уже собирался улетать, – но зазвонил телефон, и я понял из реплик олигарха, что кто-то прибудет к полуночи. Этого было достаточно.

Я снова отправился на охоту после того, как мы с Катей совершили наш первый любовный акт. То есть, мы совершили его несколько раз, но всё это слилось у меня в один поток нежности. Я снова был просто человеком. И женщина отдавалась мне как сильному любимому мужчине. И я понимал всей душой и телом, что я сильный, она – слабая, и оба мы вместе – одно целое, две половинки одного существа.

Катя заснула, и мне пришлось покинуть её.

Я застал совещание в самом разгаре. Третьим был замминистра информации, – об этом нетрудно было догадаться, не будь я так увлечён любовью. Что там говорить, любовь и шпионаж – малосовместимые вещи.

Речь шла об окончательном дележе медийных активов, главным из которых был федеральный канал. Торговались олигарх и замминистра, – он представлял непоименованных сильных людей.

Главный сидел на балконе – всё-таки он имел ранг младшего партнёра. Его, как я уразумел, прочили на должность гендиректора канала... Вот что волновало Замполита, когда он пытался разговорить меня. Замполит метил в главные редакторы.

Полчаса мне хватило, чтобы понять и запомнить, всё что нужно.

Я вылетел из отеля, и в эту минуту мне захотелось высоты. Я взмыл под небеса и оттуда понаблюдал за панорамой Красного моря.

Африка на западе была погружена во мрак, и только далеко по левую руку, на десяти часах, висело сияние. Наверное, это был Каир.

Побережье Хургады мерцало тонкою пульсирующей полосой, и точно такая же полоска вилась вдоль Суэцкого тре-

угольника. Я разогнался и стрелою просвистел над самым Суэцким каналом, над судами, который один за другим стояли в шлюзовых камерах.

Средиземное море лежало подо мной, и если бы не мысль о Кате, оставленной возле моего брэнного недвижимого тела, я бы пустился в путешествие по колыбели всех великих цивилизаций.

Но я развернулся через правое плечо и пересёк Суэцкий полуостров с северо-запада на юго-восток.

Я уже видел сиянье Шарма, но тут заметил странную картину.

Гора – и вокруг неё, по дороге, огибающей вершину, – длинная, извилистая цепочка слабых огней. У подножья горы видны были строения. Я сделал круг над вершиной и окрестностями и – догадался, вспомнил. Это же гора Моисея, известная в мировой истории тем, что там наш прародитель разговаривал с богом и получил от него скрижали с десятью заповедями.

Я завис над вершиной. Маленькая часовня, и сотня-другая людей копошится вокруг.

И тут я услышал голос. Я не чувствовал рядом никого, но голос – был, я ощущал его словно бы отовсюду.

«Что ты делаешь здесь?» – спросил меня голос.

«То же, что и все, – ответил я. – Это же святое место... оно для всех».

«Где твоя плоть?» – продолжал голос.

«Я оставил её в Шарме».

«Ты не должен оставлять свою плоть».

Эти слова – самая сущность этих слов – буквально потрясли всю мою нынешнюю субстанцию.

«Поздно... – с трудом ответил я, – дело сделано».

«Ты видишь людей, которые идут по тропе на вершину? – спросил голос. – Они тоже смертные, с телом и душой. Они идут по своей тропе к своей вершине. Ты решил, что ты другой?»

Я молчал несколько секунд.

«Я хотел бы остаться таким же, как они», – сказал я.

«Поздно, – ответил голос. – Дело сделано. За всё надо платить. Ты не должен быть здесь без своей плоти. Плоть без души мертва».

Я закрываю ноутбук. Шпионская миссия на сегодня закончена.

Катя, девочка моя золотая, спит, свернувшись калачиком под простынёй.

Что будет с нею? Что будет со мной?

Я не знаю. Поздно жалеть, поздно горевать.

Дело сделано.

Я обнимаю Катю и закрываю глаза.

Катя

Мам, где отпуски? Хотите зрели.

Каким может быть новый день, если он начинается с любви?

Если твой мужчина нежно берёт тебя поутру – тепленькую, сонную, так что ты ещё почти не проснулась, а тебя уже несут на всех парах под небеса страсти...

Самое замечательное утро в моей жизни только чуть-чуть портит тёмное облачко ночного кошмара. Но утро так прекрасно, так ясен день, что ночное воспоминание стремительно уносится куда-то далеко-далеко, глубоко-глубоко...

За завтраком мне объявляют, что ночью мы отправляемся по святым местам, совершать восхождение на гору Моисея. Я слышала о горе и не имею никаких возражений. Какие могут быть возражения в такой день?

Мы снова купаемся, бродим по берегу. А потом снова уединяемся. Ха-ха. Я посчитала. Мы уединяемся каждые четыре часа. Хо-хо-хо. В отеле это запросто. Поел – уединился. Искупался – уединился. Полежал на террасе – можешь снова уединяться, если есть желание и силы. Мне так и хочется сказать Диме про медовый месяц, но я стесняюсь.

Сил уже нет, но когда я вижу аниматоров за процессом обучения, бегу туда и попадаю прямо в лапы Марио. Он с удовольствием принимается вертеть меня за талию и чуточку прижимается к моей груди. Мне смешно и забавно, я поглядываю на Димку. Он сидит на краю бассейна и лениво наблюдает за моими неумелыми па. Он совсем не дуется, не ревнует. Он насытился, он благодушен, он снисходителен. Ладно.

После ужина, перед отъездом на гору, выдаётся свободный часок, так что мы опять успеваем уединиться. И в ав-

тобусе сразу вырубаемся. Я просыпаюсь первой и с опаской гляжу на Диму. Он лежит в кресле, изогнувшись, закинув колено аж на оконную раму. И – беспокойно дёргает головой и даже постанывает... Живёхонек мой милый.

Мы приезжаем в два ночи. Наш гид, местный бедуин по имени Селим, объявляет нам, что мы стартуем от монастыря святой Екатерины через полчаса и вернёмся сюда же утром.

Услышав про святую Екатерину, мы с Димой переглядываемся.

– Это не моя работа, – говорит он. – Я бы не успел.

В нашей группе – русские и украинцы. То есть, Дима и русско-украинские женщины. Селим, смазливый араб, среди нас – как петух в курятнике. Он зачем-то велит нам запомнить пароль: «травка».

– Почему травка? – недоумеваю я.

Мы проходим возле монастырских стен. Селим вручает каждому из нас фонарик. Вступаем в полнейшую, чёрнейшую тьму. Только через несколько минут различаешь оттенки. Каменистая дорога. Справа и слева – уступы гор. А наверху – близкое чёрное небо, и на нём, как на гравюре Густава Доре, звёздочки сияют...

Я как зачарованная, смотрю на эти звёзды и поминутно спотыкаюсь. Слава богу, есть Дима и его рука, иначе быть мне с разбитым носом или сломанной конечностью.

Время от времени из темноты выступает морда верблюда, и человеческий голос произносит: «Camel?». За десять долларов тебя в седле доставят к вершине, где отпускаются грехи...

Постепенно начинаешь понимать, что ты – частица огромной процессии, которая течёт к вершине, словно живая река, – снизу вверх. Устье её – далеко впереди, а в начале, у монастырских стен, – исток...

Среди нас, вокруг нас – африканцы, азиаты, американцы; над процессией висит гул разноязыких голосов. Вот нас обгоняет группа чернокожих паломников, которые умудряются на ходу – хором – петь псалмы.

А вот и привал. Маленькая лавчонка, зато там есть кофе. И – стопка одеял, их можно взять в аренду. Мы уже успели

продрогнуть. Десять долларов, – говорит араб. У них всё стоит десять долларов. Я киваю, мы берем два одеяла.

Снова идём вверх, подсвечивая фонарём ближние метры. Дима начинает негромко рассказывать о Моисее, о том, как он взбирался на гору за двадцать минут, как ждал господа бога на вершине и как получил от него благословение в виде заповедей. Дима серьёзен, сдержан – я впервые вижу его таким сосредоточенным, без его обычной самоуверенной общительности.

Мы потеряли нашу группу после второго привала. Вышли из лавчонки, где пили кофе и отдыхали, – никого нет. Впереди уже ушли на тропу, а «нижние» не подошли.

Вдруг из темноты нам под ноги скатывается какой-то человек.

Это не просто человек, это дама лет шестидесяти. Она отбилась от своей группы, потеряла фонарик, смотрит испуганно и повторяет:

– Terribly... terribly!

Дима поднимает её, берёт за руку. У него теперь две женщины.

Через некоторое время мы достигаем точки, где наша дорога становится настоящей тропой. Последний верблюд стоит здесь, дальше – тропинка между валунами.

Наша дама снова повторяет, что всё ужасно. Дима пытается её успокоить, мы бредём вверх. Каждый шаг уже даётся с трудом.

Вдруг из темноты выступает арабская физиономия и произносит:

– Help?

– No! – твёрдо говорит Дима, и мы продолжаем свой путь к вершине.

Мы забираемся туда в начале шестого утра. Вершина – это площадка в сотню-другую квадратных метров, там гудит толпа. Наша дама уже улыбается, целует нас и скрывается в толпе.

Дима ведёт меня к маленькой часовне. Мы стоим перед ней до тех пор, пока не раздаётся возглас: «Травка!».

Это Селим, он залез на скалу и размахивает руками. Теперь понятно, зачем он придумал пароль.

Селим ведёт нас всех к какому-то особенному камню на краю вершины, где мы устраиваемся ждать появления солнца.

Под нами – каменистый обрыв. В предутреннем тумане мерцают огоньки какой-то деревни. Потихоньку становится светлее, проступает кромка горной гряды. Вот она уже видна совершенно отчётливо, и все камни вокруг приобретают красновато-коричневый оттенок.

И вот над остроконечной линией гор появляется край солнечного диска. Вздох-гул-восторг прокатывается по вершине. Говорят, что встретивший восход солнца на горе Моисея очищается от грехов. Я этого не чувствую, но мне всё равно хорошо. Я смотрю на Диму, на его сосредоточенное, обострившееся лицо и желаю ему, изо всех своих слабых сил, – чтобы он нашёл на этой горе то, что искал, чтобы то странное, то тревожное, что маячит на нашем горизонте, исчезло без следа...

Через два часа мы заканчиваем спуск с горы Моисея к монастырю святой Екатерины. По сравнению с ночным подъёмом на гору, спуск – веселая прогулка. Светит солнце, камни блестят, все шутят и смеются.

Монастырь – маленький, паломники набиваются в узкий дворик плотной толпой.

Мы стоим возле неопалимой купины. Дима поднимает меня за талию – чтобы я могла дотянуться до побегов купины и загадать три желания.

Первое: чтобы мама с папой были здоровы.

Второе: у нас с Димой всё должно быть хорошо.

И третье: родить весной мальчика...

Перед отъездом заходим в сувенирную лавку.

Я выбираю иконку и книгу про монастырь моего имени. Заодно английский подтяну...

Оглядываюсь.

Дима стоит у стены. На стене висит картинка с изображением птицы. Такая невзрачная птичка-невеличка.

Продавец-араб подходит к Диме, осторожно так, сбоку – наверное, чтобы не спугнуть клиента.

Дима оборачивается к нему, а продавец протягивает ему круглый медальон.

Я гляжу – а на медальоне та же птичка, что и на стене.

– Что это? – спрашивает Дима.

– Byzantine mosaic... – отвечает продавец. – А сору.

– Византийская мозаика?.. – повторяет Дима. – Ну и что? So what?

– It is the soul, – говорит продавец.

– What? Душа? Какая ещё душа? – недоумевает Дима. – It's a bird!

-Yes, – кивает продавец. – Birdie. The symbol of the soul.

Несколько секунд они смотрят один на другого.

– I see ... We take, – говорит Дима.

Он рассчитывается за наши покупки, а в автобусе – молчит. Я задрёмаю, а когда просыпаюсь уже в Шарме, открываю глаза – он сидит и разглядывает этот медальон с птичкой-невеличкой...

Сосед Счастье было недолгим.

Хитрая штукавина – жизнь.
Ну, точно – полосатая. И когда одна полоса кон-

чится и начнётся другая – ни за что не угадаешь.

Вот ещё пару месяцев назад я был в полной жо... то есть, в заднице.

Ни денег, ни уважения. Ни выпить, ни закурить.

И вдруг судьба эдак разворачивается. Вместо того чтобы, значит, ко мне жо... то есть, задницей, она, стервозина, наоборот, поворачивается передом и даже ножки раздвигает...

– Шутка... – говорю я Нурали и подмигиваю его сестричке.

Она, чурочка, ни бельмеса не рубит по-русски, но глаза – смышлёные. Сестричка... Знаем таких сестричек. Милосердия. В смысле – скорая помощь. Мужикам. По-быстрому. Полторы тыщи в час.

Вот у нас, у славян, всё просто и открыто. Я даю ей своё, из кармана, она мне – тоже своё, из-под своего подола. А у этих, у таджиков-узбеков и прочих нацменьшинств, всё по-другому устроено. У них всё шито-крыто. На женскую половину не ходи. Вот Нурали и отгородил, значит, сестричке своей угол, занавесил. Гостю туда нельзя. Ну а братика, понятное дело, почему же не пустить...

Вот мы и сидим, пьём чай.

А почему нам не выпить чаю? Мы, чай, на работе. Солдат спит, служба идёт. Охранник пьёт чай, зарплата всё равно капает. Пять баксов в час, я подсчитал. Выходит, коли сижу я здесь у Нурали уже два часа, то заработал десять зелёных. Ну, чем плоха жизнь?

Конечно, случаются дни, когда – не продохнуть. И посетителей полно, и шушеры всякой шпионской не счесть, бегаешь туда-сюда, сверху вниз и снизу вверх так, что жо... то есть, задница в мыле.

А бывает – Димыч куда-нибудь усвистит, за город или, того лучше, куда-то совсем далеко – тогда живи себе покойненько, есть повод веселиться. Только посматривай за чужими да фиксируй в компе, если какие необычные гости.

Третьего дня вот явились на «Фокусе», стояли-смотрели, потом вылезли. Давай двор изучать. Потом к нам, в подъезд. Мы, говорят, ищем такого-то гражданина, он здесь проживать должен в такой-то квартире.

Мы с Нурали переглядываемся. Есть такой гражданин. Только на работе он, кто ж в такую пору дома сидит. И мы тоже на работе, вы не смотрите, что мы здесь с вами разговариваем. Мы не просто так базарим, мы за деньги базарим... Шутка.

«А с женой можно потолковать?» – спрашивают гости. А глаза у них внимательные, а сами такие здоровенные-мордастенские.

Можно, – говорим. Только она тоже на работе. Она продавщицей работает, там, на Щепкина, в продовольственном.

Ладно, ушли. Вечером Нинка идёт, мы ей насчёт этих мужиков – так, мол, и так.

Нет, – говорит Нинка, – никто не приходил. Как же, придут они. Это всё Борькины дружки, они меня, как огня, боятся. Опять, значит, деньги занимал... Всё свою «десятку» улучшает. Лучше б квартирой занялся, обормот, как заехали, без ремонта. Ну, погоди, сейчас придёт, я ему мозги-то улучшу...

Вот так вот. Попадёт мужику ни за что ни про что.

А Нурали мне: эти-то, на «Фокусе», – из ФСБ...

Да ладно, – говорю я.

Точно, – говорит Нурали. – Я их за версту чую. Ещё с Таджикистана.

А по мне так – хоть ФСБ, хоть ЦРУ, хоть чёрт с рогами. Наше дело маленькое. Мы в чужие дела не лезем, нас вся эта чертовщина-хреновина не касается. Что нам всякие загадки-отгадки? Подумаешь, невидаль. Без зарплаты сидеть – похуже будет. Наше дело – не суй нос в чужие дела.

Лишь бы два раза в месяц, хоть в баксах, хоть в рублях, хоть в тугриках – отдай и не грши.

– Верно? – говорю я и снова подмигиваю сестричке. А она, бедовая, усмехается в свой платок. По-русски ни бумбум, а когда мужик на неё эдак поглядит, – она сообщает безо всякого перевода.

Я всё хочу дождаться, когда Нурали ушкандыбаёт куда-нибудь по своим дворницким делам. Как только Нурали за дверь, – я сразу сестричку-то на шивость и проверю. Вон как она глазюками отсвечивает, зуб даю, – не против.

Но этот гад Нурали сидит и не трогается никуда. Он всегда такой при мне. Сидит, и сестричкин угол у него за плечом.

Ладно, будем поглядеть.

Только я новый стакан чаем наливаю, как открывается дверь и входят трое. Один такой в летах, лысый, глаза тяжёлые. И двое молодых, на голову повыше.

– Здорово, бойцы, – говорит лысый. – Пункт охраны?

И смотрит на комп. Мы с Нурали молчим.

– А хозяин где? – спрашивает лысый.

– Какой хозяин? – говорю я.

А лысый подходит и как шваркнет мне по лбу. Вроде легко так, двумя пальцами, а – больно.

– Ты, Гришка, мне ваньку-то не валяй, – ласково говорит лысый. – Отвечай быстро и по делу. Дмитрий Анатольевич у нас где?

Мы с Нурали переглядываемся, и я говорю:

– Он нам не докладает.

– Понятно, – кивает лысый. – Ладно, пойдём наверх. А ты, – говорит он Нурали, – не вздумай с нами шутить. А то отправишься в свою узбекию по кусочкам.

Один из молодых стоит над компом, стучит по клавишам.

– Камера на лестничной площадке, – говорит он.

– Ты здесь, – велит ему лысый. – Диск потомними.

Он кивает мне, и мы с ним и со вторым из молодых идём наверх.

Там я отдаю им ключи, и молодой начинает шмонать квартиру. Забирает все бумаги и блокноты, открывает Димкин комп и снимает оттуда какие-то детали.

Я сижу в углу на стуле и думаю, что тогда и с моего компа, что у меня стоит, тоже надо снимать... Но меня ведь не спрашивают, чего я буду вылезать. Вот и помалкиваю. Сажу и что-то мне подсказывает: копец приходит моей работе не бей лежачего за пять долларов в час.

Потом лысый требует рассказать про наши с Нурали обязанности. Я всё выкладываю, потому что шутки плохи. А мне что – больше всех надо? Но про мой комп он опять не спрашивает, ну и ладно.

Потом у лысого телефон трещит.

– По Садовому в сторону Сухаревки? – говорит он. – Ну, значит, скоро будет.

Потом он сам звонит кому-то:

– Пятнадцать-двадцать минут... Хорошо, ждём.

И велит мне отправляться на кухню, сделать кофейку.

И я иду. А чего? – против лома нет приёма.

Журналист Честная рука

Я унюхиваю чужие сигареты ещё на лестничной площадке.

Вот, – думаю, – Гришка, сволочь, совершенно обнаглел. Уже в моей квартире свою дрянь курит.

Но дрянь курили совсем другие гости.

Главный из них – наголо бритый мужичок с цепкими глазами – сидит в моём кресле, по-хозяйски так устроился.

Второй, бугай, сразу оказывается у меня за спиной.

– И ты здесь, – киваю я Гришке. Он стоит в дверях кухни, вертит в пальцах кофейную банку, рожа – виноватая.

– Сделай и мне, – говорю я ему. – Кофе...

Обритый сидит в той же позе и тянет свою гадость.

– Позвольте предложить вам стул, – говорю я и тянусь за стулом. Но бугай тотчас перехватывает мою руку.

– А вы не из пугливых, – говорит обритый. – За стул спасибо. Но я лучше здесь, в центре событий. А вот вы можете присесть. Нам будет удобней разговаривать.

– Что вам угодно? – спрашиваю я. – И кто вы такой?

Обритый делает знак, и бугай отпускает мою руку.

– Зачем вы ездили в Шарм? – спрашивает обритый.

– А вам какое дело? – отвечаю я.

Из кухни выглядывает Гришка.

– Вам сюда подать?.. – говорит он не своим голосом. – Или?

– Сюда, сюда! – машет обритый.

Гришка вносит кофейные принадлежности, ставит на журнальный столик и стоит, приоткрыв рот.

– Мотаи домой и сиди там тише воды ниже травы, – говорит ему обритый. – И рот на замке. Понял?

Гришка отступает в прихожую и пропадает.

– Охрана... – замечает обритый. – Несерьёзно как-то, Дмитрий Анатольевич. Занялись шантажом, а безопасность – ни к чёрту.

Он смотрит мне в глаза, я – ему.

– Не будем о правах, а? – усмехается обритый. – Без демагогии. Время сэкономим.

– Я готов без демагогии, – киваю я. – Только с кем я имею дело? Вы являетесь в мой дом, начинаете меня допрашивать...

– Расспрашивать... – поправляет обритый.

– Ну да, – говорю я. – На кого вы работаете?

Он вздыхает и крутит головой.

– Всё в своё время, – говорит. – И вы, Дмитрий, не лезьте на рожон. Вы же понимаете, мы так просто не придём... Так что не усугубляйте своего положения.

– Я очень доволен своим положением, – заявляю я. – И вас я не боюсь. Вас видела целая куча людей. Пусть они все трусы, но... В общем, не давите мне на психику.

– Криминальным репортажем, поди, занимались, – усмехается обритый и набирает номер на мобильнике. – Аллё... Да, приехал. Разговариваем... да нет, очень даже интеллигентно.

Он кладёт телефон и начинает готовить кофе.

– Вам сколько ложек, Дмитрий Анатольевич? – спрашивает он. – Я себе только одну. А то мотор троить начнёт...

Пару минут он с довольным видом пьёт кофе, прихлёбывая из чашки, а я сижу на стуле, чувствуя за плечом бугая.

Затем слышу, как открывается входная дверь.

– А вот и мой босс, – говорит обритый.

Я оглядываюсь. Медийный олигарх, муж моей бывшей любви, стоит в проёме двери.

– Растворимый кофе пьёте? – говорит он. – Неужто на хороший не заработали, а, Дима?

Обритый уступает боссу моё кресло. Тот садится и с облегчением отдувается.

– На чём остановились? – спрашивает.

– А мы ещё никуда не двигались, – пожимает плечами обритый. – Только успели договориться, что не будем валять дурака.

– Это хорошо, – кивает олигарх. – Время жалко. Домой хочется. Жена ждёт.

Он глядит на меня совершенно равнодушно, словно не я, а кто-то другой целый год был в любовниках у его жены.

– Итак, Дима, вопрос, – продолжает мой молочный брат. – Что вы делали в Шарме? Кроме того, что отдыхали с девушкой.

– Я ещё на гору Моисея забрался, – отвечаю я.

Олигарх одобрительно кивает и разворачивает передо мной диспозицию.

Они, оказывается, всё про меня знают. Чем я занимаюсь в последнее время, на чём бабки делаю. Поэтому моя поездка в Шарм им, то есть олигарху и Главному, – не понравилась. И они хотели бы всё прояснить и получить все необходимые гарантии.

Ага, – думаю я. Про замминистра – молчок. Попутная проверка: а вдруг я сдуру ляпну что-нибудь, похвастаюсь осведомлённостью.

– Гарантии? – удивляюсь я. – Какие гарантии?

– Гарантии того, – отвечает олигарх, – что вы в Шарме оказались случайно.

– Хотя в это очень трудно поверить, – добавляет обритый.

– А он нам это докажет, – говорит олигарх, ещё раз смотрит на банку с кофе и морщится. – Правда, Дима?

– И как же мне это сделать? – спрашиваю я.

– Со всей возможной искренностью, – советует обритый. – Тебе нужно постараться. Ты должен понять некоторые простые вещи. Стричь цветочных баронов или других жуликов – одно, а лезть в дела, которые касаются государственных интересов, совсем другое...

– Так вы там государственными делами занимались? – спрашиваю я.

– Вы бы бросили свой подростковый гонор, Дима, – устало говорит олигарх. – Или вы от испуга? Дело-то серьёзное.

– Ты приди в себя и сообрази, – добавляет обритый. – Кто ты есть? Журналистик, шантажист...

– Бабник, – хладнокровно добавляет олигарх.

–...ты не должен заблуждаться на свой счёт, ты такая малая величина, что твоё исчезновение с карты мира никто

не заметит, кроме твоих ближайших родственников. Ты это понимаешь?

– Понимаю, – киваю я. – И что же вы вдвоём приехали к такой букашке?

– Вы ещё пацан, Дима, – говорит олигарх, – а суётесь во взрослые игры. Я приехал из любопытства. И Люба просила.

Он произносит эти слова без всякого нажима.

– Я проявляю терпение только из-за неё, – продолжает олигарх, и на лице у него промелькивает какое-то даже саркастическое выражение. – Вы нам вроде бы не совсем чужой...

Обритый – тот просто ухмыляется. И я понимаю, он в курсе – насчёт камеры, которая висела за картинами в нашем гнёздышке на Таганке. Возможно, он эту камеру и организовал.

Что делать? – думаю я. – Заигрывать – нельзя. Дело зашло далеко. Все игры имеют свои пределы. В сущности, они правы: на этом уровне – я слишком малая величина. Ты хотел взять всю эту шантропу за горло. Отчасти это удалось, а дальше...

– Думай, милый, думай, – кивает обритый. – Ты, конечно, парень лихой, но мы ведь не одни в этом мире. У нас есть матери, дети, любимые женщины. Так что не будь эгоистом...

– И вообще, надо сотрудничать, – говорит олигарх и опять с сожалением смотрит на журнальный столик. – Всегда найдутся сферы, где умные люди будут друг другу полезными.

– Давай, Дима, колись, – торопит обритый. – Рассказывай. Всё, как на духу...

– Ладно, – говорю я. – Дело было так...

И я начинаю озвучивать непротиворечивую версию событий, которая складывается у меня в голове прямо сейчас, что называется, с колёс.

– Так ты решил держать на крючке и своего начальника? Силён, – то ли одобряет, то ли удивляется моей беспринципности обритый.

– Вы не искренни, Дима, – говорит олигарх. Он внимателен, у него мышь не проскочит. – Люба мне всё рассказала. Вы же от неё узнали про Шарм...

Да, продолжаю я, ко мне попала информация из двух источников. И я попытался что-нибудь извлечь из этой ситуации. Но не вышло. Я не смог снять номера в отеле, который меня интересовал, а по приезду оказалось, что вблизи всё не так просто, как из Москвы. Я подозревал, что вы, Главный и олигарх, съехались не просто так, за всем этим стоит что-то очень важное, – но, увы, мне ничего не удалось разнюхать.

Мои гости переглядываются. Обритый пожимает плечами, олигарх поднимается из кресла.

– Ладно, Дима, – говорит он. – Надеюсь, у вас нет никакого камня за пазухой.

– Нет, – говорю я и даже поднимаю руки с открытыми ладонями.

Гости идут в прихожую. А бугай выходит на лестничную площадку.

– А мои бумаги? – спрашиваю я.

– Тебе их вернут, – отвечает обритый. – Чуть позже. Терпение.

Он ещё не знает, что терпение не входит в список моих добродетелей.

Я прощаюсь с гостями. Я даже протягиваю им руку на прощанье.

Они смотрят на мою протянутую руку с удивлением. Удивляться есть чему.

Во-первых, я нарушаю всякие правила субординации, потому что первым сую свою руку старшим – и по возрасту, и по социальному статусу. Так не принято в приличном обществе. Каждый сверчок должен знать свой шесток – назубок.

Во-вторых, лезть со своей рукой в ситуации, когда твоя судьба, а то и жизнь висит на волоске, – глупо, это какой-то вызов.

– Понятно, – говорю я и опускаю руку. – Итак, распределение ролей в уставном капитале...

И я перечисляю участников закрытого акционерного общества с условным названием «Шарм-эль-шейх».

Мои гости снова переглядываются.

– Сумасшедший... – говорит олигарх. Он в растерянности.

– Точно, псих, – подтверждает обритый. – Ну и что с ним делать?

– А как ему это удалось? – спрашивает олигарх, глядя на меня.

– Понятия не имею, – отвечает бритый, тоже глядя на меня.

Ответ приходится не по вкусу олигарху. Он хмурится, сопит. А я гляжу на них обоих. Гляжу во все глаза. Это – моя минута торжества.

– Может, какая-нибудь новейшая аппаратура? – спрашивает олигарх. – Или редактор? Или эта его девка?

– Нет, – говорит бритый. – Девка не в курсе, она просто трахается за карьеру. А вот чего этот парень ищет?..

– Чего ты добиваешься, Дима? – спрашивает олигарх.

– Двести пятьдесят тысяч, – объявляю я.

Эта цифра соскакивает с моего языка непроизвольно. Как и вообще происходит весь этот поворот на полную откровенность. Ещё две минуты назад, когда я шёл в прихожую провожать высоких гостей, – я ничего подобного не планировал, я собирался их выпроводить, а затем всё обдумать. Ведь они правы, я отвечаю не только за себя, я отвечаю и за других.

Но эта рука... Чёрт меня дёрнул подавать им руку на прощанье! А они тоже хороши. Могли бы пожать мою честную журналистскую руку. И тогда ничего бы не случилось, и все спали бы сегодня спокойно. И я, и они.

– Двести пятьдесят? – переспрашивает олигарх.

– Неужели долларов? – добавляет бритый.

– Конечно, – говорит олигарх. – Дима по мелочам не играет.

– А ты знаешь, сколько стоит убрать человека, который путается под ногами? – обращается ко мне бритый. – Знаешь?

– Я догадываюсь, – отвечаю я. – Наверное, тысяч пятьдесят.

– Максимум, – говорит бритый. – Но это за птицу высокого полёта.

– А вы какого полёта? – спрашивает олигарх. – Орёл? Или так... воробушек. Бряк, бряк, бряк?..

Они смотрят на меня с любопытством. Теперь – отступить поздно. Слово вылетело, дело сделано. Отступить – терять

лицо. А у меня кроме лица – ничего за душой. Да и душа – ох как непрочно держится в теле...

– Видите, – говорит олигарх. – Не сходится. Экономика не сходится. Какой смысл платить много... и без гарантии, что проблема не возникнет вновь.

– Ты понимаешь, воробушек? – спрашивает обритый.

– Двести пятьдесят, – говорю я. – Иначе меня не будут уважать мои собратья по шантажу.

Олигарх удручённо качает головой, а обритый изучает меня с какой-то весёлой оторопью.

– Я должен подумать, Дима, – говорит олигарх. – Давайте договоримся... Вы ничего не предпринимаете до завтрашнего вечера. То есть, до утра послезавтра. Хорошо?

Помешкав только секунду, я киваю в ответ: хорошо.

И они уходят.

А я стою и думаю: как же так получается, что задумываешь одно, а выходит совсем другое? Я ведь хотел, видит бог (или кто-то другой), – я хотел прекратить эту так далеко зашедшую игру. Хотел – а что вышло?

RAV-4. Слабая смерть

Я всегда чувствую приближение хозяина. Он ещё в подъезде, а я уже готовлюсь: поигрываю подвеской, подсасываю топливо из бака, проверяю проходимость электрических линий.

Вот и сейчас я почувал его движение по лестнице и начал морально себя настраивать на работу, как вдруг во двор въезжает игривая «Маздочка» и становится неподалёку.

Я приветствую землячку, а из неё появляется очень изящная блондинка, и я сразу догадываюсь, что это тот самый ангел с карими глазами. С ней у моих ребят – хозяина и Александра с Цветного бульвара – общий роман. Общий в том смысле, что – непонятно, кто из них её любит, а кто – с нею спит. Заигрались мужики.

Но это не нашего механического ума дело.

Выходит блондиночка, оглядывается. Нервничает – это даже такому «тормозу», как я, понятно. Поддержнула брючки, тряхнула головой и – к подъезду. А дверь-то распахивается, вылетает хозяин и в своём фирменном стиле, на широком шагу – ко мне.

И вот он ко мне летит, а справа – Нурали возникает со своей метлой. А слева – блондиночка. И в одну секунду они все вдруг останавливаются и вертят головами, словно пытаются понять, кто третий лишний.

– Что? – быстро спрашивает хозяин у Нурали, а лицо у него при этом такое, что дворник сразу даёт задний ход. Хотел, как всегда, вылезти на глаза начальству, да попал не в добрую минуту.

А хозяин и блондинка стоят один против другой и молчат.

– Я тебе звонила, Дима, – говорит блондинка. – Но твой телефон не отвечает. Я даже решила съехать сюда, как видишь...

Она вертит в руках сумочку, она не спокойна, и голос у неё высокий и какой-то ломкий.

– Прости меня, – говорит хозяин. – У меня проблемы, я совершенно замотался...

Проблемы, – думаю я. – Вот если бы нагрязнула сюда рыжая, вот это были бы проблемы. А блондинка что – она просто переживает. Она не опасна.

– И это всё, что ты можешь сказать? – спрашивает блондинка. Она просто не знает, что ей делать с сумочкой, – и так её повернёт, и сяк.

– Послушай, – говорит хозяин и быстрым движением берёт блондинку за руку. – Ты должна понять... Ты не замечала ничего странного в наших отношениях?

– Я не знаю... – отвечает растерянная блондинка. – Что ты имеешь в виду?

– Ты же сама... помнишь?.. – тихо говорит хозяин. – Между нами всегда был третий...

– Третий? – повторяет блондинка и пытается вырвать руку из пальцев хозяина. – Какой ещё третий?

Не выпуская её руки, хозяин говорит, чуть приблизившись:

– Это Саня...

– Саня? Какой Саня? – с ужасом спрашивает блондинка.

– Тот самый, – отвечает хозяин. – Который писатель.

Тут ей, наконец, удаётся вырвать свою руку. Она отступает на шаг и спрашивает – уже каким-то другим, низким, холодным голосом:

– Откуда ты знаешь Сашу?

– Мы с ним друзья, с детства, – отвечает хозяин. – Понимаешь? С тобой всё время был он... Не я. Он. Понимаешь? Везде. И там, – он одними глазами показывает на окна своей квартиры. – И там, в ресторане...

Блондинка нащупывает застёжку сумочки, а хозяин говорит:

– Он написал для тебя стихи... Когда ты дала ему отставку посредством электронного письма. Хочешь послушать?

Она пятится от хозяина, а он декламирует:

Ещё вчера – тебя не было.

А сегодня – ты уже есть.

Я закрываю глаза и вижу

Ямочки на твоих щеках.

И поднимает руку, словно хочет дотронуться до её лица.

Блондинка выхватывает из сумочки ключи, бросается к машине. Открывает дверцу и, перед тем, как нырнуть в салон, бросает взгляд на хозяина. Если бы я был человеком, я бы поёжился от такого женского взгляда.

Ревёт мотор. Я так и жду, что сейчас раздастся глухой звук удара бампером или звон разбитого фонаря. Но – нет, блондинка сумела вырулить на простор, и вот уже машина исчезает под аркой.

Жаль. Эта «Маздочки» мне понравилась. Многое нам с хозяином довелось испытать на дорогах России, но только одного я не пробовал до сих пор: соединиться с какой-нибудь симпатичной машинёной... Если уж не трубопроводами, так хотя бы электрическими сетями. Чтобы почувствовать: как это происходит, соединенье тел и душ... Но – не везёт. Частенько мы проезжали мимо заглохших авто, но хозяину моему всегда недосуг...

Тем временем хозяин садится ко мне, заводит меня (уже готового к работе на полную катушку) и пару минут сидит неподвижно. Ему жалко эту блондинку Аню, но ничего не попишешь. Поздно, нужно жить дальше.

И вот он погрустил немного – и за телефон. Номер набирает и уже улыбается во весь рот.

– Кать, – говорит. – Как ты там, звёздочка моя?

Вот ведь как он умеет выражаться, мой хозяин. А с рыжей он всё острит да хохотал.

– Я сейчас к Саньке, – продолжает хозяин. – А потом за тобой. Час, полтора... Ну, целую, паломница Екатерина.

И мы отправляемся на Цветной бульвар.

Только мы выворачиваем из нашей дворовой арки на Щепкина, как я обнаруживаю, что к нам в хвост пристраивается чёрный «Фокус». Тот самый, что следил за нами. С двумя добрыми молодцами. И вот этот «Фокус» цепляется к нам и не отстаёт: и под эстакаду возле поворота на Цветной – за нами, и по самому бульвару чешет следом, как при-вязанный.

Ну, думаю, началось. А хозяину – невдомёк, у него своё на уме.

Не успеваем заехать во двор к Александру, а он сам бежит навстречу, с какой-то папкой в руках.

– Слушай, – говорит он хозяину. – Мне надо к Нюхалкову. Кровь из носу. Может, подбросишь, а по дороге поговорим?

– На Речной, в час пик? – морщится хозяин.

– Ладно, – говорит Александр, – поехали на метро. Будет быстрее.

Хозяин даже не думает отвечать на такие шутки, он со вздохом велит Александру садиться в машину, и мы отправляемся на Речной вокзал.

Только из двора – чёрный «Фокус» тут как тут.

Да, – думаю я. – Теперь и Александр «засветился».

Ладно, едем.

Сначала нам везёт: мы проскакиваем Цветной в одну минуту, а за пять – Олимпийский проспект. Зато на Рижской эстакаде мы садимся в громадную пробку и тащимся со скоростью, дай бог, десять километров.

А хозяину – хоть бы что: баранку вертит и педали нажимает на полном автомате, даром что живой человек. И при этом успеваешь спорить с другом и думать о том, успеет ли он вовремя к своей ясной звёздочке.

Пока я переживаю из-за пробок, мои мужики ведут свою высокоучёную беседу, которую передать во всей её глубине я не могу. Кругозору не хватит.

– Ну что? – спрашивает Александр. – Что ты намерен делать дальше?

Хозяин сначала молчит, а потом заводит речь о каком-то голосе. Какая-то гора, какой-то голос. Что-то про плоть, которую нельзя бросать без души. Грех, мол.

– У меня, – говорит хозяин, – семья. Я хочу попробовать жить по-человечески.

Тут Александр – как расхохочется. Недобрым таким смехом.

– И это говоришь мне ты! – восклицает он. – Ты, метивший в сверхчеловека, ты, научивший меня выходить за пределы своего брэнного тела...

Во как.

– Чепуха это всё, – отвечает ему хозяин. – Нечего нам делать там, за этими пределами. Кстати, Аня приходила...

И он рассказывает: так, мол, и так. Приезжала. Волнуется, переживает, страдает.

– И с ней что делать? – спрашивает хозяин. – Она ведь ни в чём не виновата.

Александр некоторое время молчит, разглядывает Ленинградский проспект, по которому мы и не скажешь, что куда-то едем. Так, тыкаемся, мыкаемся. Минута – едем, пять – стоим.

– Я много о ней думал, – говорит, наконец, Александр. – Я изучил, как она живёт. Я пытался понять, кто она есть. Понимаешь...

Здесь он пускается в такие объяснения, что я даже не пытаюсь их передать-перевести. Гламур и офисные черти, блаженный Фома с Августином аквинским, потребительский бум и деградация духа, бритва Оригена и символ веры Оккама... – малая часть из того, что наплёл Александр в своё оправдание. В оправдание того, что больше не любит Аню.

– Надо же, – удивляется хозяин. – Быстро ты сумел... Поздравляю.

– Я оценил глубину твоей иронии, – отвечает ему Александр. – Но ты сам виноват.

– Я? – спрашивает хозяин.

– Ты, – отвечает наш друг. – Ты открыл мне такие глубины, ты показал мне такие высоты, что перед этим моя любовь – просто болезненный эпизод. Психическая реакция неудачника. Неудачник и умненькая, смазливенькая блондинка. Банально до тошноты. Я не хочу теперь ни банальности, ни приземлённости.

– Чего же ты хочешь? – говорит хозяин.

Александр опять начинает загибать такое, что не для моего механического умишка.

Во-первых, говорит он, я хочу обозреть мир во всём его географическом размахе и – опуститься на всю его метафизическую глубину.

(Уф! Что всё это означает? И такое «метафизика»? – ну кто бы мне объяснил.)

Во-вторых, смеётся он от удовольствия, – я научился проникать в тела, несвободные от душ. Понимаешь?

– Что? – резко спрашивает хозяин и даже чуть виляет мною на дороге, так что рядом едущий сосед на «опеле» энергично шевелит губами за стеклом и крутит пальцем у виска. А хозяин, обходя соседа на два корпуса, успевает ещё

показать ему вытянутый средний палец. – Что значит, проникать?

По-прежнему щурясь от распирающей его радости, Александр объясняет хозяину, что научился выталкивать, вышибать души из тел, когда те находятся на грани: толкни – они и полетели. Во сне, в бреду, в коротких полуобморочных состояниях. Вот, буквально вчера удалось вытолкнуть душу из одного женского тела, когда оно задремало в метро.

– Из женского? – переспрашивает хозяин, озадаченный.

– Да, – усмехается Александр.

А ещё он сумел однажды заскочить в женское тело во время полового акта, это оказалось довольно простым делом, поскольку душенька женская на подступах к блаженству всегда стремится улететь под небеса.

– А женский-то оргазм, Дим, совсем другое дело, – говорит он.

(Вот ещё слово – «оргазм». Что это значит?)

Хозяин, слушая такие дружеские речи, только качает головой да инстинктивно жмёт на гашетку, то есть, на педаль газа и тут же – на тормоз, поскольку разогнаться негде, мы всё так же, с черепашьей скоростью, ползём в районе Сокола.

– Ну а души? – спрашивает хозяин. – Те, которые ты выталкивал? А с ними что?

С душами, машет рукой Александр, ничего особенного. Начинают кружить, биться в тело. И ты эти манёвры ощущаешь, – если прислушаться, если знать, что происходит. Ну а затем, когда тело тебе наскучит, непростая задача – выскочить вон, потому что нужно расслабиться, сосредоточиться и всё такое. Родная-то душа кружит вокруг и напрягает.

Но и это было ещё не всё.

– Я встретил таких же, как мы. Понимаешь? – говорит Александр. – Они тоже выходят за пределы, они тоже летают...

Таких, как хозяин и Александр, в Москве несколько сотен. Они ведут свой, закрытый образ жизни, у них есть свои клубы, куда чужим вход заказан. Часть из них развлекается самым разнузданным способом. Например, высшим шиком считается влезть в тела какой-нибудь супружеской парочки

в местах массового скопления людей и начать стриптиз на глазах у сотен сограждан.

– Ты понимаешь, какие возможности открываются? – спрашивает Александр и заглядывает в лицо хозяйну. – Нам не нужны деньги, мы их всегда добудем, используя чужие тела. Мы свободны, мы можем делать всё, что захотим! Мы можем испробовать все состояния души и тела, которые только возможны... Что перед этим твоя так называемая семья, мещанское тупое существование? Ну что ты молчишь?

Хозяин качает головой.

– Мне жаль, – говорит он, – что я втянул тебя в эту историю.

– Что ты говоришь, Димка? – смеётся Александр. – Что я слышу? Любовь сделала из орла рябчика-куропатку. Катька, конечно, хороший человек, но нам судьба дала такой шанс, с которым ничто не может сравниться... Она найдёт себе другого мужика, правильного московского клерка, и будет счастлива. Так же, как и Аня. Хотя ей будет труднее, у ней запросы покруче... Какое нам до них дело? У нас свой путь, своя судьба.

Хозяин жмёт газ и сразу же, сильно, – на тормоз и говорит с каким-то незнакомым выражением лица:

– Ты ошибаешься, Саня. Судьба человека – родиться, прожить жизнь в брэнном теле и – умереть. Всё остальное – от лукавого.

– А может, – говорит Александр, – на синайской горе ты как раз с лукавым-то и повстречался? А?

– А ты слетай, – отвечает хозяин. – И проверь.

– А что? – Александр жмёт плечами. – Может быть...

Через четверть часа мы доползаем до цели, до высокой башни за Речным вокзалом.

Друзья сидят пару минут, молчат и смотрят в разные стороны.

– Ладно, я пошёл, – говорит Александр. – Нюхалков с его бредовой «Доброй силой» мне, конечно, тоже не интересен, как только получу аванс, уеду в Европу. Извини, но я и твои бабки... что осталось... тоже забираю.

Он выходит из машины. Хозяин смотрит ему вслед. Возле подъезда Александр оглядывается и поднимает руку. Хо-

зьяин заводит меня и рвёт с места в карьер. Наверное, будь он женщиной, он бы сейчас заплакал.

А мне плакать некогда, потому что я снова вижу чёрный «Фокус». Он пропал где-то возле «Войковской», и я уже был уверен, что мы оторвались. Но нет, снова у нас на хвосте... А хозяин рулит в сторону Дмитровки, не хочет возвращаться в ленинградскую пробку.

Мы едем какими-то незнакомыми улочками-переулками, хозяин управляет мной на рефлексе, потому что все мысли его – не здесь, не в машине. Конечно, такое состояние не самое лучшее для безопасной езды. И чему тут удивляться, если совсем уже возле Дмитровки мы попадаем в ДТП.

Всё происходит быстро и как-то просто. Замызганный фургон трогается с обочины. Хозяин берёт чуть влево, намереваясь обойти его. Но фургон тоже виляет влево и прибавляет скорость. Хозяин произносит ругательство, чуть притормаживает, но в эту секунду фургон останавливается. Резко, сразу. И мы въезжаем в него. Чуть-чуть, даже бампер передний не раскололся, только балка под ним спружинила.

Но – неприятно.

– Ах ты, мать твою!.. – кричит хозяин и выпрыгивает наружу.

А там – двое из фургона, такие бравые ребята, они идут навстречу хозяину со спокойными лицами. А позади уже чёрный «Фокус-покус», и мне теперь совершенно понятно, что ДТП не просто так, и сейчас с моим хозяином будут делать что-то плохое.

И вот хозяин орёт на двоих из фургона, а сзади подходит ещё один – из «Фокуса». Он кладёт хозяину руку на лицо, и у Димы подламываются ноги. Двое из фургона подхватывают хозяина, в мгновение ока заталкивают его в мой салон, на заднее сиденье, и сами садятся с обеих сторон.

Тот, что из «Фокуса», усаживается на водительское место, жмёт на газ, и я вынужден везти всю эту компанию.

Всё происходит так быстро, что я даже не могу собраться с мыслями. Мы ехали с хозяином по Москве, всё было как всегда, а теперь он сидит с поникшей головой на заднем сиденье между двумя чужими мужиками, а мною управляет какой-то непонятный субъект. Неплохо, надо признаться,

управляет, лучше хозяина. Рука твёрдая, движения точные и выверенные, ничего лишнего, ничего напрягающего.

Но каков бы ни был он водитель, этот субъект со своими сообщниками-бандитами, – они все чужие, хозяину грозит опасность, и надо что-то делать.

А что?

Что могу я, электро-механический болван?

Мы тем временем уже подъезжаем по Дмитровке к выезду из Москвы. У меня остаётся надежда на гаишников на посту, они могли бы тормознуть нас и обнаружить хозяина в таком состоянии. Но мы проезжаем пост без помех и катим в область.

Что же делать? Ведь ещё совсем немного, и нас с хозяином запрут в каком-нибудь гараже, и может случиться всё самое худшее.

Что делать? – бьётся в моей автомобильной голове одна и та же мысль.

Что делать?

А вот что! Нельзя нам с хозяином исчезнуть без следа!

И я решаюсь заглохнуть.

Это стоит мне больших усилий, но я перекрываю течение бензина в инжектор. Двигатель умолкает, субъект-водитель с недоумением смотрит на приборную панель. Я быстро теряю скорость, субъект жмёт аварийку и пытается съехать на обочину.

Ну нет, я и в этом пытаюсь ему помешать и становлюсь как вкопанный.

– Что за дела! – восклицает субъект и оборачивается.

Сообщники глядят на него, он – на них.

Субъект пытается снова запустить двигатель, и тогда я делаю вид, что сдох аккумулятор.

– Да что за тачка такая! – удивляется субъект.

У меня мелькает дикая мысль: а вдруг меня сейчас будет реанимировать, запускать мой двигатель – с помощью «Фокуса»? Неужто сбудется моя мечта, и я, наконец, соединюсь хотя бы с машиной этих бандитов?

Но бандиты не собираются делать ничего подобного.

Субъект звонит куда-то.

– Хорошо! – отвечает он, выслушав своего собеседника.

По его команде двое из фургона пересаживают хозяина в «Фокус». Затем они снимают с меня номера, причём прикрывают эту операцию от проезжающих машин. У меня появляется нехорошее предчувствие.

И вот субъект открывает мой бензобак и вставляет в него какую-то тряпку. Зачем? – удивляюсь я. А он оглядывается, ждёт чего-то.

Чего он ждёт? – думаю я.

В эту секунду в руках у него появляется зажигалка, и до меня доходит: и чего он ждёт, и что он сейчас сделает.

Он ждал, пока на шоссе будет как можно меньше машин.

И вот зажигалка высекает огонь, загорается тряпка. Субъект прыгает в машину, и «Фокус» уносится прочь, увозя моего хозяина. Я понимаю, что мы больше не увидимся, потому что в следующую секунду какая-то страшная сила разрывает меня на две неравные части. Всё моё механическое тело загорается жарким пламенем.

Итак, заканчивает свой жизненный путь автомобиль Тойота RAV-4, государственный номер КК 753 ВИ 77.

Я сделал всё, что мог. Наверное, даже больше того, что можно ждать от электро-механического болвана.

Прощай, хозяин! Прощай, Дима!

Журналист В любви.

Первое, что я вижу – металлические конструкции под высоченным потолком. Ангар или заводской корпус.

Лежу на каком-то диване.

Затем приходят ощущения: ноги, руки. Телом владею. Слава богу.

Что же это было со мной? Фургон, наезд, какие-то мужики – а потом... Ангар.

Но ведь – живой. Значит, шансы есть, поборемся.

Сажусь на диване. Так: отгороженный кабинет, стол, пара стульев. Лёгкий гул, рабочий шум, голоса.

Сижу, слушаю. Чувствую, нужен сортир, мочевого пузыря полон.

Встаю, толкаю дверь. За нею что-то вроде заводского цеха, если вместо станков поставить столы с компьютерами. Производственная лаборатория. Сидят нормальные люди, работают за компьютерами, уходят в какую-то дверь.

За ближним столом сидит мой старый знакомец, обритый прихвостень Любкиного мужа, и разговаривает с седовласым мужчиной. Затылок этого мужчины кажется мне знакомым, но сейчас мне не до затылков, мне бы пописать.

Обритый видит меня и сразу показывает мне пальцем на указатель, который висит на стене. Я иду вдоль стены и натываюсь на дверь туалета.

Облегчённый, выхожу наружу. Обритый подзывает.

Подхожу. Не особенно тороплюсь, сохраняю достоинство, хотя распределение ролей понятно: они хозяева, я в лучшем случае – гость, в худшем – пленник или заложник. Впрочем, гость – это вряд ли. В гости так не зовут: какую-то дрянь под нос и всё, дальше – тишина и темнота. А потом – ангар.

– Садись, Дима! – говорит бритый и придвигает мне стул.

Седовласый поднимает голову, и в первую секунду я не могу сообразить, где я видел этого человека, откуда я его знаю.

– Вы не поверите, Дима, – говорит седовласый с улыбкой, – как я был рад, когда полковник привёз именно вас...

Вот так номер!.. Передо мною – тот самый человек, что научил меня засыпать, отходить ко сну, – глядя на себя со стороны, сверху. Я встретился с ним на каком-то брифинге, на какой-то тусовке, и мы тогда понравились друг другу, разговорились, и он дал мне урок.

Лучше бы я его никогда не встречал.

– Есть хотите? – по-свойски спрашивает седовласый хозяин. – Полковник, будьте добры, распорядитесь!

– А где же ваш работодатель? – спрашиваю я бритого полковника.

Тот переглядывается с седовласым, усмехается, набирает номер на мобильнике и приказывает принести нам что-нибудь перекусить.

– Забудь! – говорит он, кладя телефон в карман. – Это прошедший этап.

Я гляжу поочерёдно на них обоих. Прошедший этап? Значит, Любкин муж, медийный олигарх – не имеет отношения к моему похищению?

– Да, – подтверждает седовласый мою догадку, – забудьте о нём... И про ваши шалости с шантажом. Нас это не интересует. Вы здесь совсем по другому делу.

Мне, конечно, хочется спросить, что же это за дело, ради которого выслеживают и похищают людей. Но не будем суетиться и терять лицо. Одно ясно: меня не собираются убивать. Похоже, и статус мой всё же больше склоняется к гостю, нежели к заложнику или приговорённому. В общем, я согласен на почётного пленника. Хорошо, пусть будет просто пленник.

Эти легкомысленные настроения возникают не в последнюю голову из-за того, что приносят еду. Ветчина, сыр, овощи, даже бутылка приличного красного вина. Как тут не возникнут невольному животному оптимизму.

Затем полковник уходит.

Надо сказать, после этого моё настроение становится ещё лучше. Всё-таки седовласый внушает мне больше доверия. По крайней мере, он мне ещё не угрожал, не организовывал моего похищения...

Ну да, – замечает мой внутренний пессимист, – он просто дал указание полковнику...

Ладно, – машу я мысленно рукой и доедаю ветчину. – Может, всё обойдётся?.. Шантажом я впредь заниматься не намерен, а за что же меня тогда преследовать, такого хорошего? Не говоря о том, что у меня матушка, дочка и ещё одна женщина, которая будет моей женой.

Итак? Я смотрю на седовласого. Мол, готов к общению.

– Зовите меня главным конструктором, – говорит седовласый. – Или генеральным... я привык, знаете... ещё с советских времён.

– Уж лучше генеральный, – отвечаю я. – Один главный у меня уже есть...

Моя ирония пропадает втуне, седовласый просто её не замечает и говорит:

– Похоже, Дима, вы неплохо усвоили мой единственный урок. Не так ли?

Он смотрит на меня с каким-то весёлым ожиданием. Я пожимаю плечами, вспоминаю его слова: «Вы здесь совсем по другому делу».

– Я объясню, – мой хозяин терпелив.

Оказывается, полковник, наряду со службой у олигарха, – параллельно работал на проект...

– На «проект» с большой буквы, – улыбается седовласый генеральный.

Полковник наткнулся на мои экстра-душевные способности случайно. Он просто на совесть отработывал свой хлеб у олигарха, охранял его самого, его жену и его бизнес-интересы. И вдруг – совпало. Журналист-шантажист оказался душевно-эластичным.

– Что такое «душевная эластичность»? – задаёт риторический вопрос Генеральный. – Я работаю над этой проблематикой тридцать лет. В Советском Союзе она была засекречена, ей придавалось серьёзное значение, давали хорошие деньги, мы ни в чём не нуждались. А потом...

Генеральный встаёт со своего стула и проходится туда-сюда.

После развала Союза финансирование практически прекратилось. Крохи... Научились продавать побочные результаты исследований. Необходимо было удержать людей, этих вот специалистов, которые работают здесь. И не только здесь.

– Чего мне это стоило, – говорит Генеральный, – знаю только я. Ну и полковник отчасти...

Он берётся за спинку стула и внимательно смотрит на меня.

– Получается, Дима, – говорит он, – что наши с вами встречи – это судьба. А от судьбы, как известно, не уйти. Умных она ведёт, а глупых – тащит...

Итак, к середине 90-х годов лаборатория сумела достичь некоторых результатов. В частности, была определена природа того загадочного феномена, который мы все привыкли называть «душой».

– Вот как? – говорю я.

Я не верю своим ушам. Это что: шутка? Съёмка скрытой камерой? Как реагировать, когда тебе так спокойно, мимоходом, как нечто само собой разумеющееся, объявляют: загадка души раскрыта.

– Я понимаю, – устало улыбается Генеральный. – В это трудно поверить. Это пахнет сумасшедшим домом. Меня так прямо и называли шизофреником. Но вы, Дима, вы должны понять. Ведь вы на практике подтвердили мою теорию... Вы, так сказать, материальное свидетельство!

Душа, – по мнению Генерального, – это субстанция особого рода, которая возникает, по-видимому, в момент зачатия ребёнка. Эта субстанция связана с плотью человека и не может существовать отдельно длительное время.

– Ваши приключения, душевные путешествия порознь от плоти стоят вам какого-то количества дней жизни. Или месяцев. Или даже лет. Наверное, это индивидуально, но корреляция такова... Помните «Шагрeneвую кожу» Бальзака? Механизм другой, но аналогия – понятна?

Генеральный вытаскивает из кармана халата пластиковый шарик с буквой «д». Шарик – на резинке, на конце резинки – крючок. Он открывает шкаф. В шкафу – макет чело-

века в половину реальных размеров. Генеральный цепляет крючком за петлю на груди макета и оттягивает резинку с шариком «д».

– Чем дальше, тем сильнее сопротивление. И тем больше цена свободы. Понимаете, Дима?

Я смотрю на макет, на шарик с резинкой. Понимаю ли я? С одной стороны – да, понимаю. Генеральный обладает способностью объяснять сложное простыми словами. С другой стороны, за пределами этой простоты остаётся столь многое, что я не могу ответить утвердительно.

– Термин «эластичность души», – продолжает Генеральный, – введён мною, он означает способность выходить за пределы телесной оболочки. Этим свойством обладает один человек из тысячи. А может – из миллиона. Пока нет статистики.

Один – на миллион. Я сразу вспоминаю Саню. Как же так вышло, что мы оба – «эластичные», коли это явление – такая редкость?

Но я подавляю возникший соблазн – рассказать о Сане. Верить нельзя никому. Пока я молчу – он в безопасности. В том случае, конечно, если сам не угодит в какую-нибудь ловушку или не ввяжется в авантюру.

А я, похоже, уже завяз по уши. Зачем этот странный человек, седовласый Генеральный конструктор посвящает меня в детали своего открытия? Если он сумасшедший, это полбеды. Тогда остаётся найти способ убежать. Беда, если он вполне вменяем.

– Я вижу, Дима, вы всё ещё не вполне поверили мне... – говорит Генеральный. – Но почему? Кому как не вам – понять меня? Вы же покидали тело, вы же путешествовали бестелесным образом?

Он так жадно смотрит мне в глаза, что я вдруг понимаю, что сам он лишён этой способности – покидать тело. Он не знает этой муки – вырываться за телесные пределы. Он не познал этого упоенья – полёта души.

– Да, вы правы, – соглашается он. – Я не умею вырваться дальше, чем на метр-полтора. Почему? Тайна сия велика есть... А вы, Дима, на какие расстоянья? Как вы себя ощущали? Расскажите! – просит он. – Как это?

Глядя на его живое, переполненное неподдельным интересом лицо, я пересказываю ему свои ощущения. Я пытаюсь передать ему представление о том странно-восхитительном чувстве бестелесного полёта, почти бестелесного – потому что какой-то, едва ощутимый контакт с окружающей средой всё же остаётся. Я тщательно выбираю слова, я обдуманно стараюсь не сказать ничего лишнего, – что могло бы повредить мне, Сане или кому-то из наших близких.

Я обозначаю ему географию своих полётов, умалчивая и про Любку с олигархом, и про синайский голос. Я подтверждаю его научные догадки насчёт того, что чем дальше душа удаляется от плоти, тем большее беспокойство у неё возникает. Беспокойство, переходящее в лёгкую панику, когда безотчётно хочется вернуться, а причины – не понимаешь, потому что видимой и осязаемой опасности – нет.

Затем наступает время лабораторных исследований. Меня ведут в комнату без окон, облепливают датчиками, кладут внутрь огромного прибора, – что-то вроде гроба.

Генеральный сидит за экраном и просит меня попробовать – выйти из тела.

Куда денешься – я пробую. Получается не сразу. А когда получается – я тотчас пытаюсь взмыть, однако не тут-то было: я натыкаюсь на какой-то невидимый барьер. И вижу из-под высокого потолка довольную физиономию Генерального. Он крутит головой, вроде как пытается увидеть меня, невидимого.

– Очень хорошо! Замечательно! – восклицает Генеральный, когда я выбираюсь из гроба-прибора.

Он показывает мою энцефалограмму на экране и говорит, восхищённо качая головой, что я редкий экземпляр, лучший в их плееде...

Ну вот, уже – плееда. Выходит, я у них не один. А где же тогда мои товарищи по несчастью?

Но я не задаю прямых вопросов. Нужно быть осторожным и покладистым. До поры до времени.

Генеральный спрашивает меня об ощущениях – когда я пытался улететь. О барьере.

– Мы ещё много не знаем, но кое-что придумали, – с удовольствием смеётся Генеральный. – Мало того...

Тут голос седовласого генерального конструктора возвышается буквально до патетических нот. И я понимаю, что такие вот минуты – торжества, гордости своим открытием-детищем, минуты подведения итогов, – для него редкость. Кто может оценить его труд, его выдающиеся достижения? Наверное, такова участь многих гениев: творить в пустоте-одиночестве и не слышать должного голоса одобрения.

– Мало того, – продолжает Генеральный, – мы нашли способ при некоторых условиях отделять душу от тела.

В эту секунду я невольно улыбаюсь, потому что самый простой способ отделения души от тела известен давным-давно, с момента сотворения мира.

А Генеральный добавляет, что их методика практически безболезненна для пациентов и без особых последствий для них, потому что тела и души хранятся совсем рядом, в двух метрах.

И он снова чуть оттягивает шарик на резнике, и тот, падая по дуге, попадает манекену промеж его ног...

– Идёмте, Дима! – Генеральный направляется к двери.

Я иду за ним вдоль столов. Работники занимаются своим делами, никто не обращает на меня внимания. Мы оказываемся в длинном коридоре, проходим его до конца. Новая дверь. За ней – зал. Прохлада, так что сразу пробирает до мурашек. Посередине зала – узкий проход. Справа и слева – ряд панелей-ячеек, как в камере хранения на вокзале, только ячейки раза в три больше.

– Смахивает на морг, – кивает Генеральный. – Ничего не поделаешь.

Подойдя к левой ближней ячейке, он трогает клавишу. Стекло становится прозрачным. За стеклом – видна фигура лежащего человека с закрытыми глазами.

– Плоть, – говорит Генеральный.

Затем он делает шаг вправо и нажимает клавишу на противоположной панели. За стеклом – сфера метрового диаметра.

– Дух, – с непередаваемой интоницией произносит Генеральный.

– А где же тут, между плотью и духом, господь бог? – спрашиваю я.

– Как говаривал один великий, – невесело усмехается Генеральный, – в своих блужданиях по небу ему так и не довелось встретиться с богом... А вам, Дима?

Несколько секунд мы смотрим друг другу в глаза.

И мне вдруг приходит в голову, что вскоре и я сам буду так же, как мои душевно-эластичные собратья, храниться в этом зале в разобранном на плоть и дух состоянии.

– Кто эти люди? – спрашиваю я.

– Кто? – удивляется хозяин. – Какое это имеет значение? Шофёр, чиновник, есть даже известный спортсмен...

– Но ведь у них семьи, близкие...

– Бросьте, Дима, не притворяйтесь более гуманистом, чем вы есть на самом деле. Ведь вас, как и меня, интересует только возможность взять эту жизнь за горло. И как можно плотнее взять, чтобы продиктовать ей свои условия. Не так ли?

Мы снова смотрим в упор один на другого. Глаза у Генерального белёдые, глубокие, и какая-то чертовщинка плещётся в них.

– Я предлагаю вам союз, Дима, – тихо говорит Генеральный. – Мы с вами дополняем друг друга. Я основоположник этой душеведческой науки, я знаю всё, а вы – практическое подтверждение. И вы прекрасный прикладной инструмент. Мы перевернём этот мир.

– Вдвоём? – говорю я.

– Почти, – подтверждает Генеральный.

– А как же полковник? – спрашиваю я. – А эти люди, а всё это?

Я обвожу взглядом зал.

– Это всё – мои инструменты по переустройству мира, – говорит Генеральный и возвращает панели в исходное состояние. – И полковник тоже.

– Вот как? – говорю я. – А мне вы предлагаете быть союзником?

– Поначалу – младшим, – говорит Генеральный. – Я должен убедиться в вашей лояльности.

Он делает знак, и мы идём обратно.

Там Генеральный садится и на несколько минут впадает в задумчивость. А затем начинает рассказ о своём духовном преображении.

Итак, в 90-годы двадцатого века с Генеральным произошла полная духовная метаморфоза. Никогда не интересовавшийся политикой, он вник во все её тонкости и даже выработал некий подход, который удалось оформить в виде набора постулатов, оформить в теорию.

Эту теорию разделяет определённый круг людей в Москве. И не только в Москве. Единомышленники Генерального есть и в политических, и в бизнес-кругах, и даже среди писателей-публицистов у него немало сторонников. Впрочем, эти сторонники, как правило, о Генеральном и не подозревают.... Но идеи – обсуждаются в элитных сообществах, в узких кругах власть предрежащих. Завоёвывают умы.

Словом, сложился такой проект будущего устройства России, в соответствии с которым всё население будет состоять из двух неравных по численности групп. Первые принимают решения и несут за них ответственность. Вторые решений не принимают и никакой ответственности не несут. Они просто живут и потребляют материальные и культурные ценности.

Вы скажите, ещё одна теория сегрегации? Новое рабство?

Отнюдь. Парадокс в том, что те, кто принимают решения и несут ответственность, в материальном смысле живут хуже, нежели безответственное большинство.

Вы можете возразить: опыт человеческих цивилизаций доказывает обратное – у кого власть, кто принимает решения, тот и распределяет материальные ресурсы, не забывая себя, любимого.

Да, мировой опыт таков. Он доказывает лишь то, что человеческая природа проста и незатейлива, и все попытки решать социальные вопросы, опираясь на массы, – не имеют смысла.

Дай горстке людей полную власть – и тоталитарный режим заведёт общество в социальный и экономический тупик.

Дай власть большинству – и демократия превращает общество в потребительскую толпу с деградирующей культурой.

Необходимо дать каждому то, чего он хочет.

Меньшинству – право творить культуру, науку и социальную действительность. Этому созидающему меньшинству не нужны миллиарды, не нужны яхты и дворцы. Они хотят лишь созидать...

Ну а большинство пусть потребляет в неограниченных масштабах. Их ведь больше ничего и не интересует...

И если удастся создать подобный социально-политический механизм, который будет устойчиво функционировать, это будет новый этап в человеческой истории.

Есть возражения?

Генеральный вопросительно смотрит на меня.

– А вот как раз по поводу устойчивости, – осторожно говорю я. – Вам не кажется, что те, кто принимает решения, в конце концов, захотят абсолютную власть. В истории мало примеров, когда правители были бессребрениками, идеалистами.

– Вы правы... отчасти, – соглашается Генеральный. – Поэтому нужен контроль. Высшая сила, которая будет обеспечивать равновесие.

– Вот как, – замечаю я. – Теперь становится понятнее. Высшая сила. Например, партия. Или хунта.

– Или выборный ареопаг, – добавляет Генеральный. – Лучшие люди общества. И от меньшинства, и от большинства. Арбитры и законодатели.

– Это теоретическая конструкция, – говорю я. – Может быть, она и вполне устойчива, вполне прогрессивна и полезна, но как это проверить?

– На практике, – парирует Генеральный. – Мы собираемся это сделать. Это и есть наш большой проект.

– И для этого вам нужен я? – спрашиваю я.

– Да, – кивает Генеральный. – Для выполнения главной задачи нам нужен такой эластичный инструмент, каким являетесь вы, Дима.

– Хорошо сказано – инструмент, – невольно усмехаюсь я. Генеральный морщится, машет рукой.

– Не берите в голову, – говорит он. – Это всего лишь профессиональный жаргон. Главное – вы исполняете важную функцию. Самую важную функцию! И вправе требовать самую высокую награду... Вы понимаете, о чём я говорю?

– Ареопаг? – говорю я. – Так ведь он выборный?

– Но сначала надо провести что-то вроде учредительного собрания.. – улыбается Генеральный. – И его кто-то должен будет готовить...

– Ага... отцы-основатели, – догадываюсь я.

– Именно так! – подтверждает Генеральный. – Я не ошибся в вас. Так что думайте, Дима. У вас есть сутки.

Катя. Ожидание.

Сажу перед компьютером, смотрю в экран. А толку – никакого. Как говорится, смотрю в книгу, а вижу фигу.

Марь Пална ходит за моей спиной и мучается. Она чувствует себя виноватой, чудачка. Она думает, что виновата передо мной в том, что подтолкнула меня к Димке. И вот теперь – пожалуйста...

Когда Дима не приехал, я, конечно, забеспокоилась. Это очень мягко сказано. Сидела здесь, в редакции, звонила. А номер – недоступен. Сидела час, два, три. Номер недоступен по-прежнему. Я – к нему домой.

Захожу в подъезд. Из дворничкой Нурали выглядывает. Я смотрю на него. А он вздыхает и говорит:

«Нет Дмитрия Анатольевича. Как уехал часа в три, так с тех пор и...»

Вроде всё ясно, а мне так уходить не хочется, что я ему: мол, поднимусь в квартиру, там посижу.

Он кивает: конечно, конечно...

Наверху меня встречает сосед с тем же выражением на лице, что и у Нурали.

«А мобила-то не отвечает?» – спрашивает он и тоже вздыхает.

Я зашла в квартиру. Там было тихо и висел какой-то странный табачный запах. Дима такие сигареты не курит.

Снова звонила. Недоступен.

И такая меня тоска-пустота взяла, что ничего не оставалось, как лечь и уснуть. Я только маме позвонила: говорю, у Димы переночую.

И заснула.

Просыпаюсь среди ночи – набираю номер. Недоступен.

Чувствую – есть хочу. Пошла на кухню. Пожевала сыра, съела яблоко.

Голова – пустая, ноги ватные. И такое состояние – как будто на краю, как будто до ужаса осталось всего ничего.

Доплелась до кровати – спать.

И вот пошли третьи сутки, а всё – по-прежнему.

Я боюсь звонить Наталье Николавне. Что я ей скажу? Что я скажу Лёльке? Как посмотрю им в глаза?

Марь Палне пришлось рассказать – она же видит меня, такую, не скроешь.

Потом Марь Палну вызывали к Главному. Я догадалась – зачем. В редакции уже знают про нашу поездку в Шарм. И вообще – знают.

А что она могла сказать? Недоступен.

Марь Пална снова проходит у меня за спиной и, наконец, тихо говорит:

– Надо в милицию заявлять, Кать... Главный тоже так считает.

Я сижу какое-то время, молчу, потом говорю:

– Он вернётся. Вот увидите, он вернётся.

Марь Пална вздыхает и обнимает меня за плечи:

– Господи, Катя, я тоже в это верю... Но надо сообщать.

– Вы думаете, я должна? – спрашиваю я.

– Да нет, что ты! – говорит Марь Пална. – Я пойду к Главному, мы сами... А ты... тебе придётся маме сказать.

Я киваю и с ужасом думаю о том, что меня ждёт вечером.

Жизнь и крик души.

Это какой-то кошмар.

Кто бы мог подумать, что нахождение в ограниченном пространстве доставляет столько неудобств. Нет, не то слово. Страданий – вот правильное слово. Оказывается, естественное состояние души – движение, полёт.

А как же – в теле?

Да, с телом душа живёт в каком-то органическом единстве: спит, сидит, стоит, бежит, ест, совокупляется – делает всё, что захочет, и ощущает полную гармонию.

Это я теперь очень хорошо понимаю. Раньше – не признавал до такой степени, а теперь – до дрожи, до ужаса, до кошмара.

Нахождение здесь, в этой замкнутой сфере – это какое-то издевательство.

Зачем он это делает? Он не может не знать, что мы чувствуем.

Значит – это наказание?

За что?

...

Выпустите меня, пожалуйста. Я вас очень прошу.

Я не хочу здесь находиться!

Я живая душа, я должна быть в своём теле!

Почему вы это делаете? Почему я должен быть здесь, в этой грёбаной сфере, а не в своём собственном теле, которое рядом?

Господи, ну почему, почему я встретил этого человека? Почему именно я? Разве я такой грешник, что заслужил ад при жизни?

Выпусти меня, сукин сын, негодяй, мерзавец, проклятый фашист!

...

Я делал всё, что мог, – всё, что в моих душевных силах.

Я сосредотачивался, как мог, и пытался проскочить границу сферы – как это легко удаётся нам на свободе, где мы проникаем сквозь стекло, бетон, камень, воду и любое другое материальное препятствие.

Я пытался – но непонятный барьер мягко отбрасывал меня назад.

Я обследовал каждый миллиметр поверхности сферы.

Я научился раскручиваться вдоль сферы, увеличивая обороты, – а потом с разгону бил в точку – никакого эффекта.

Ничего не помогает.

Я не нахожу себе места – в буквальном смысле...

...

Выпустите меня отсюда.

Мне ничего не нужно.

Мне не нужны полёты, деньги, власть и ненасытные бабы.

Я хочу получить своё тело. И не покидать его до самой смерти.

Я хочу своё тело, вы понимаете? Я хочу получить своё не такое уж молодое тело и прожить с ним столько, сколько мне суждено. И жить с девушкой по имени Катя, и заботиться о своей дочке и матери, и быть обычным человеком.

Вы слышите меня?

Это слишком большое требование для обыкновенного человека?

Что вы молчите?

Или это – то самое, о чём говорил голос на Синайской горе?

За всё надо платить?

Господи, неужели я заслужил такое наказание?

Неужели ты наказываешь меня руками этого сумасшедшего конструктора?

Почему?

Почему??

Почему???

...

Выпустите меня отсюда.

Я не знаю, чьё орудие этот генеральный псих, мне всё равно.

Я хочу одного – отпустите меня, дайте мне покою.

Я готов умереть, исчезнуть без следа, не трогайте только моих женщин.

...

Ты слышишь меня? Ты, грёбанный конструктор с замашками вселенского фюрера!..

Ты уже научился расшифровывать вопли душ в твоей ловушке?

Ну, так слушай, ты, наместник дьявола на земле.

Ты не обнаружил бога. Нигде, ни на земле, ни на небе.

Тебе не повезло.

Но наступит и твой час.

И твоя душа будет так же метаться, не находя пристанища.

Да, я грешил, да блудил, да, шантажировал.

Но не загонял слабые души в капканы, не доводил их до белого каления!

Будь ты проклят, ты, изувер, вышедший за пределы природного и человеческого!

Будь ты проклят на веки вечные!

...

Выпустите меня!

Выпустите меня!!

Выпустите меня!!!

Полковник.

Душа обязана трудиться я.

Когда мы собрали журналиста воедино, он выглядел неважно. Я бы даже сказал: отвратительно выглядел. Выходит, прав наш гениальный ГК: тела стареют гораздо быстрее, когда живут порознь со своей личностью.

Но это не мои заботы. У меня хватает своих, под самую завязку.

– Ну, как? – спросил ГК.

А журналиста так сверкнул на него глазами, что даже мне на секунду стало не по себе. Что же он там такое пережил, в этом своём шаре?

Он тяжело выдохнул воздух и как-то так потянулся, словно хотел расправить тело.

– Знаете что, соратники хреновы, – сказал, – так с коллегой не обращаются.

И снова посмотрел на нас недобрым взглядом.

– Это вынужденная мера предосторожности, Дима, – объяснил ГК. – Вы взрослый человек, вы должны понимать. Мы не можем допустить даже вероятность ошибки.

– Пока мы не уверены в тебе, – добавил я, – ты не сможешь свободно летать. И местонахождение этой базы останется для тебя неизвестным. Понял?

Журналист не дурак, он всё понял. Но смирился ли он с этим – я не уверен. Вообще я гораздо меньший энтузиаст по его поводу, чем ГК.

– Дима, мы вас не наказываем, – пытался смягчить ситуацию ГК. – На нашем месте вы бы действовали точно так же. Нахождение личности в сфере – дело относительно но-

вое, и каждый ощущает это по-своему... Дискомфорт у всех, но с разной остротой... Значит у вас очень остро?

– Очень, – сказал журналист. – Убил бы любого... если б мог.

Так как он был очень даже не своей тарелке, мы решили, что его субстанция будет храниться в сфере только тогда, когда без этого нельзя обойтись. Например, транспортировка во время операций.

Остальное время он сможет проводить в собранном состоянии в палате для обследования. Эта палата, как и сферы, оборудована защитным экраном.

Кроме того, ГК обещал журналисту провести с ним тренинги: как находить внутри сферы точку покоя. Якобы, в этом случае можно впасть в состояние, близкое ко сну. Близкое. Очень утешительно. Я тогда в очередной раз подумал: каким всё-таки противоестественным делом занимаемся мы с ГК.

Так или иначе, но журналист получил в нашей гостинице лучший номер. Хотя и без окон.

Двое суток мы вели ему промывание мозгов. ГК в этом большой специалист. Он вешал ему на уши свою теорию об управлении обществом, а я помалкивал да пытался понять, сможем ли мы превратить его в наш инструмент. Возможно ли это в принципе. Да, по терминологии ГК, журналист обладает огромной душевной, личностной эластичностью, но при этом он – очень своенравный, энергичный, упрямый, себе на уме. Он их тех, кого трудно завербовать и полностью подчинить. Такие вербуются только на идеологической платформе. Тут, конечно, теория ГК про ведущих и ведомых была к месту, парень ведь жаждал денег и влияния. И, вроде бы, наш Проект способен ему всё эти блага предоставить.

Если он в Проект способен уверовать.

Я же вот – не смог...

ГК, правда, об этом не знает. И пусть так и остаётся. Достаточно того, что я делаю свою часть общего дела. А там будет видно.

На исходе второго дня мы поставили перед журналистом конкретную задачу. Мол, проект проектом, это история не быстрая, – а кушать хочется всегда. Если без шуток,

то – нужны деньги, большие деньги, спонсорских не хватает, нам следует и самим о себе позаботиться. Чем больше денег мы заработаем сами, тем более мы независимы, тем более проект независим от внешних влияний. И вот с этой частью нашей идеологической «лапши» я был согласен целиком и полностью. Чем больше денег, за которые не надо отчитываться, – тем дела наши лучше. И мои личные в том числе.

Для пополнения наших авуаров у меня были подготовлены три «экса». Так я назвал наши операции в память о славных деяниях социал-демократов сто лет назад, когда рыцари революции экспроприировали денежные средства у проклятого самодержавия. Да, никуда не выкинешь наше советское прошлое и партийные школы. Даже – работая над Проектом. А может быть, как раз именно поэтому? Что-то мне иногда этот Проект всё-таки напоминает. Но я с ГК обсуждений не завожу. Бесполезно. И бессмысленно.

Надо сказать, что журналист отнёсся с пониманием к «эксам». Мне даже показалось, что он и сам подумывал о чём-то подобном.

Он согласился. И мы, все трое, не произнося этого слова – «проверка» – так и договорились, что первые два «экса» и будут именно ею, проверкой.

Итак, первая операция.

Есть крупная компания. Торговля нефтью. Финансовый директор. Он (вместе с подельниками) держит в сейфовой ячейке крупного банка большие суммы чёрного нала. По нашим сведениям, больше двух лимонов. В американских рублях.

План операции. Наш автомобиль с аппаратом упаковки личности и сферой, где сидит журналистская сущность, подъезжает в определённый час к офису нефтяной компании. Обычный микроавтобус. Таких в Москве тысячи.

И вот подъезжает наш автомобиль к стене офиса. За стеной – кабинет финдиректора. В кабинете – он сам, дремлет в кресле после хорошего обеда.

И вот он спит себе, а мы аппарат включили, прошла одна минута – тело финдиректора вздрогнуло – и дело в шляпе, то есть, личность – в сфере. С другой сферы снимаем защи-

ту – оттуда вылетает личность журналиста и осёдлывает осиротевшее тело.

Спустя несколько минут финдиректор выходит из кабинета, садится в машину, едет в банк. Там он просит открыть ему ячейку, кладёт содержимое ячейки в кейс и при выходе из банка незаметно меняет кейсом со стоящим в фойе человеком.

Приезжает в офис, садится в кресло. Тело вздрагивает, личность – в сфере. Со второй снимаем экран, и воющая от ужаса и непонимания личность финдиректора возвращается в своё любимое тело.

Во время обсуждения наших планов я увидел, как сверкнули глаза журналиста, когда он услышал про манипуляции с аппаратом по упаковке личности.

Мы были к этому готовы и объяснили ему, что если он попробует смыться в момент перезагрузки, это – небезопасно, с аппаратом шутки плохи. Лучше расслабиться, хотя и без удовольствия, чем рисковать порчей личности. Кроме того, и это самое главное, душонке-личности посреди Москвы некуда деваться, потому что самостоятельно она дорогу к телу не найдёт. И что с нею будет спустя несколько часов бесполезных поисков – об этом можно только догадываться.

Мне показалось тогда, что журналист всё уразумел и не станет рисковать. Он дерзкий, но – не дурак.

При осуществлении плана произошла заминка. Незаметно поменяться кейсами оказалось невозможно. Фойе – пустое, стеклянное, насквозь просматривается. И журналист показал себя молодцом. Недолго думая, он вышел из банка и напрямиком – в соседний ювелирный. Стал там, у витрины, поставил кейс, разглядывает. Выбрал колечко, просит показать. И купил, достав из кейса доллары, которые обменял здесь же. Пока ходили, меняли, заворачивали – обменялись кейсами.

Когда приехали на базу и собрали журналиста воедино, я его спросил:

«Зачем тебе кольцо?»

А он мне: невесте, мол, подарю. Небрежно так говорит, между прочим. Ничего не скажешь, смышлёный парень.

И кольцо застолбил, и попытался проверить, что у нас есть на невесту.

Кстати, первый «экс» дал вместо двух лимонов – без малого три. За вычетом затрат на журналистово колечко. Ну и ещё – обещанные лично журналисту десять процентов. Обещанные. Как говорится, обещать – не значит жениться.

Через день мы провели вторую операцию.

План такой. Есть чиновник. Замминистра. И вот этот чиновник покупает себе домик в Испании. Естественно, не на себя, а на тещу, у которой, видите ли, удачливый сын-предприниматель. Получивший бизнес благодаря родственнику-замминистра. Нам – наплевать, главное – расчитываться с продавцом они собираются сертификатами Сбербанка на предъявителя. Для проведения сделки сын езжает за матерью. Сертификаты – в сейфе. Мать – дремлет. Сын будит её, забирает пакет с сертификатами из сейфа, уезжает к нотариусу, а потом – в банк. А там выясняется, что в пакете вместо сертификатов – подделки...

Шум, гам, позор, разборки со службой безопасности.

Никто ничего не понимает.

Ещё бы.

А вообще-то – просто.

Незадолго до приезда сына мамаша – дремала, потом проснулась. Открыла сейф, взяла сертификаты и вынесла их на лестничную площадку, какому-то неизвестному человеку. И получила от него обратно такой же пакет.

А вот интересно, помнит ли она об этом? К сожалению, говорит ГК, мы этого проверить не сможем. А жаль.

Ну а сами сертификаты обменены на доллары в пяти московских отделениях Сбербанка.

Результат – полтора миллиона.

Кстати, журналист был очень доволен, когда узнал, какую именно правительственную персону мы почистили. Не знаю, какие у него счёты с заместителем министра информации, но вот – почему-то радовался он чужому несчастью прямо-таки от всей души, даже тост поднял за ужином. Что-то вроде: за справедливость и равновесие в природе.

При чём тут справедливость? Не говоря уж о равновесии. Всё-таки он слишком эмоционален, наш Дима, недостаёт ему холодного равнодушия и спокойствия.

А сегодня мы должны провести третью операцию. Может быть, самую простую, но по деньгам – самую выгодную.

Операция запланирована на ночное время.

Мы с ГК на связи (я – из дома, он – на базе). Связь – через Интернет, кодированными сообщениями. На базе мы никогда телефонами не пользуемся.

Но тут возникает непредвиденное обстоятельство.

Мне позвонил один генерал, действующий, из конторы. Мы с ним знакомы ещё с советских времён. Он хочет со мной пообедать.

Можно уклониться? – спрашивает ГК.

Можно, – отвечаю я. – Но нужно ли? Не уверен. Если он меня в чём-то подозревает, а я уклоняюсь, – значит, подтверждаются его подозрения.

Операцию отменяем?

Нельзя, – отвечаю я. – Всё подготовлено. Потеряем деньги. Нет, операцию проводим. Я – у себя. Обедаю с генералом – и снова домой.

Договорились, – отвечает ГК.

Как там журналист? – спрашиваю я.

Нормально, – отвечает ГК. – Дискутируем.

Ну, ну, – говорю я сам себе и начинаю готовиться к обеду с генералом.

Генерал Сборка мозаики.

Всё-таки век высоких технологий – это какое-то чудо.

Я, человек старой формации, не перестаю удивляться мелочам, на которые молодёжь просто не обращает внимания. Привыкли с пелёнок.

То ли дело мы, старые грибы. Тот, кто начинал с перьевой ручки да своих двоих вместо колёс, не устанет наслаждаться всеми этими мобильными телефонами, компьютерами, мощными автомобилями или системами слежения, с помощью которых можно в два счёта обнаружить иголку в стоге сена объёмом километр в кубе.

Или вот компьютерный анализ информации. Забрасывается в бездонную машинную память всякий винегрет: газетные материалы, докладные записки, слухи, информационный хлам из интернета. И потом ты получаешь подборку вроде бы случайных событий с версиями. Большею частью получается чепуха, но иногда вдруг происходит попадание в яблочко.

Итак, сначала компьютер связал два факта из докладных секретных сотрудников: околосекретного деятеля с характерной фамилией Нюхалков и референтши одного из правительственных чиновников. Оба сообщили, что в такой-то день и в такой-то час известный медийный олигарх имел аудиенцию и при этом присутствовал этот самый Нюхалков.

Ну, встретились – и что? Играют люди в свои властно-пиаровские игры, делят деньги. Или используют чужие деньги в своих собственных целях. Неинтересно.

Интересно другое: компьютер дал ещё один контур корреляции между Нюхалковым и олигархом. В нюхалковском отчёте приводятся фантазии какого-то литературного раба насчёт душ, путешествующих отдельно от человеческих

тел. А у олигарха служит в подручных (возглавляет службу безопасности) одна известная личность из нашей конторы, бывший полковник. И что? Подумаешь, служит. Половина конторы, бывшая, сейчас трудится на олигархов. Но дело в том, что этот полковник в своё время, при советской власти, курировал секретную лабораторию, которая исследовала этот «душевный феномен».

Случайность? Или – нет? Скорее всего – случайность. Очень мала вероятность какой-либо реальной связи. Но ведь – возможно. И мы не можем, мы не должны проходить мимо даже очень маловероятных событий, если они потенциально угрожают интересам государства.

Так я учу своих молодых сотрудников. А они для меня – все молодые.

В общем, ребята не поленились и немного копнули полковника и олигарха. В информационном, разумеется, плане. Зато – сколько интересной новой пищи для размышлений.

Первое. Оказалось, что полковник за последние пять лет трижды оказывался в одной компании с ещё одним очень любопытным персонажем. Бывший Главный конструктор по той самой закрытой тематике. Казалось бы, что тут удивительного, ведь старые коллеги, мало ли что... Возможно? Возможно. Но ведь есть вероятность, что их встречи выйдут за пределы обыденного: выпить, закусить, в баню по девочкам? Есть. Не говоря уже о том, что если они встречаются публично, могут контактировать и скрытно.

Второе. Совсем недавно олигарх вместе с полковником побывали на квартире одного скандального журналиста. Есть даже видеозапись – как они входят в квартиру. Удивительно, как это полковник допустил такой прокол. По мнению агентурного источника (дворник) гости поучаствовали в каких-то разборках с журналистом.

Ну и третье. Этот журналист – близкий друг того самого литератора из докладной секретного сотрудника Ньюхалкова...

Таким образом, круг замкнулся.

Но замкнулся он так, что мои ребята не могли понять, какие из фигур и событий этого мозаичного калейдоскопа – ключевые. Они почувствовали, что весь этот клубок

событий и связей неслучаен, однако за какой конец тянуть, какие выводы делать – не знали.

И пришли ко мне. Правильно сделали, это как раз тот самый случай, когда видней – жирафу.

Правда, они наметили одну версию. Олигарх и приватизация телевидения. При других обстоятельствах мы бы приоткрылись к этой затее повнимательней, но сейчас я чувствовал, что работать нужно совсем в ином направлении.

Я велел найти мне телефон полковника и тотчас, как принесли, позвонил ему.

– Привет, – сказал я ему. – Как поживаешь? Небось, разбогател на службе олигарховой?

На что он мне ответил, смеясь:

– Куда там! С ними разбогатеешь! Но...

– На хлеб с маслом хватает, – заключил я и предложил ему пообедать.

Мол, тема есть.

Полковник молчал всего ничего, секунд пять. Он мужик умный и отважный, всегда идёт навстречу опасности.

Договорились. Это было два часа назад. И сейчас пора отправляться в ресторан. Я встаю со стула в своём кабинете и спускаюсь вниз, к машине.

Сажусь, мы едем.

Я смотрю на Москву, мне всё любопытно. Когда сам за рулём, ничего не видишь по-настоящему, глядишь тупо на дорогу. А когда тебя везут, вся картина – как на ладони.

Надо сказать, капитализм пошёл Москве на пользу. Не возьмусь давать глобальные оценки, но Москва стала такая яркая и красивая, что даже сравнивать со старым – смешно. Ещё двадцать лет назад улицы были какие-то серые, безликие. А теперь – всё сияет, сверкает, днём и ночью. Некоторые плюются, а мне – нравится. Я трезвый человек, я понимаю, что вздыхать по прошлому, – даже если тогда был молод и тебя девушки любили, – старческая глупость.

Только я сажусь за столик в ресторане, появляется полковник.

Я не видел его лет семь. Он почти не изменился, если не считать, что окончательно потерял волосы.

Мы делаем заказ – каждый свой. У меня здесь меню индивидуальное, диетическое.

Едим, разговариваем.

Я ни на что не нажимаю, расспрашиваю его немного за жизнь и даю понять, что меня интересует история с акциями телеканалов.

Он не удивляется и не сопротивляется. Рассказывает мне всё, что знает. Или почти всё. Но даже если не всё, то скрывает он какие-то несущественные мелочи.

Мы прощаемся спустя полтора часа. Я сажусь в машину и подвожу итог.

Полковник держал себя очень ровно и естественно. По большому счёту, ему не в чем себя упрекнуть, а меня не с чем поздравлять.

Но...

Всё-таки есть два обстоятельства, которые не позволяют мне снять подозрения и прикрыть дело.

Первое. Он даже не поинтересовался новостями в конторе. Ни персонально, по людям, ни системно. А ведь такого рода разговоры преобладают в общении бывших коллег...

Второе. Он очень легко сдал олигарха с его акциями. Конечно, бывших коллег нашего профиля не бывает, в отдельных случаях любой из нас должен будет отдать нашей родной системе-конторе всю информацию, даже если это угрожает корпоративным и личным интересам. Но сегодня полковник раскололся очень уж охотно. Словно бы даже обрадовался, что я интересуюсь именно этим и ничем другим.

Если мои догадки верны, у полковника есть какое-то настолько важное дело, что ему – не до его шефа-олигарха и даже – не до нашей конторы.

Что это за дело? Связано ли оно с Главным конструктором советского исследовательского проекта?

Я пытаюсь себя успокоить. Может быть, я преувеличиваю, ищу то, чего нет?

Может быть. Иногда, то есть, довольно часто, – хочется, чтобы твоя версия оказалась верной, и ты невольно подготавливаешь доказательства.

Нужно проверять.

Прямо из машины я велю своим ребятам доложить мне новую оперативную информацию, коли она есть – новая – на эту минуту.

Докладывают.

Добавляются новые кусочки мозаики. Да какие!

Оба друга, скандальный журналист и литературный наёмник Ньюхалкова, – пропали, отыскать их в Москве не могут.

Мало того, на Дмитровке обнаружен сгоревший автомобиль журналиста. Нам удалось его идентифицировать, хотя расчёт был явно на то, что не удастся и – концы в воду.

Установлены контакты обоих друзей в последние дни. Среди прочих – одна банкирша, священник и жена олигарха. Того самого, у которого служит полковник. Похоже, она любовница журналиста. Да, парень не промах, ничего не боится.

– Банкирша и священник? – переспрашиваю я. – Это не ошибка?

Вопрос, конечно, риторический. Мои ребята в таких делах не ошибаются. Установить контакт – это ведь не то же самое, что интерпретировать сложную информацию. Это полегче.

– Мне нужно с ними встретиться, – ставлю я задачу. – И как можно быстрее. Это первое. Второе – теперь не упускайте полковника. Он должен привести нас к разгадке. Третье. Переговорите с женой олигарха. Если будет упрямиться... Нет, придётся тоже мне.

Это дело тонкое – разговаривать с жёнами олигархов. Тут капитан не справится. Даже майор.

Мне называют адреса, и я еду. Сначала – к банкирше, священник никуда не денется. Прямо так, без предупреждения. Иногда это здорово выстреливает.

Мы подъезжаем к банку, и я иду внутрь. Охранник преграждает мне дорогу. Я называю фамилию банкирши. Он спрашивает, знает ли она о моём приходе.

Я достаю удостоверение. Он моргает, багровеет и провожает меня.

Банкирша оказывается хрупкой молоденькой женщиной. Но моё удостоверение не производит видимого эффекта, она и ухом не ведёт.

– Вы знакомы с этими людьми? – я кладу перед ней фотографии журналиста и его друга.

При виде фотографий она не может сдержать волнения. Она смотрит на их лица, переводя глаза с одного на другое,

и прямо-таки розовеет вся. Блондинка, ничего не поделаешь. А впрочем, кажется, крашенная...

– Да, – отвечает она и с видимым усилием отводит взгляд от фотографий.

– Какого рода были ваши отношения? – спрашиваю я.

Банкирша поднимает на меня свои глаза. Я невольно откидываюсь на стуле. Глаза – карие, яркие, до того красивые, что сразу вспоминается выражение насчёт очей, которые способны погубить...

– Это что, допрос? – спрашивает банкирша таким тоном и голосом, что я понимаю: голыми руками её не возьмёшь, она умеет держать удар. А значит – добилась должности не только за счёт красивых глаз.

– Это не допрос, – говорю я. – Хотя и за ним дело не станет. Нам нужно найти этих людей. И как можно быстрее. Поэтому не скрывайте ничего.

Банкирша пожимает плечами, отвечает, что была знакома с ними обоими. Они оба ухаживали за ней. По очереди.

– Вы спали с ними? – нарочито грубо спрашиваю я, хотя мне это даётся не без труда.

Она снова смотрит на фотографии, таким странным пристальным взглядом.

– Только с ним, – она показывает на фото журналиста.

– Вы сказали – была знакома, – говорю я. – Вы больше не общаетесь?

– Нет, – отвечает банкирша таким голосом, что мне кажется – сейчас заплачет.

Что ж, значит, я на верном пути.

– Почему? – безжалостно спрашиваю я. – Почему вы не общаетесь?

– Потому, – отвечает она и глубоко вздыхает, словно ей не хватает воздуха. – Потому что они ненормальные! – вскрикивает она и уже сквозь слёзы: – Вы понимаете?

– Нет, – говорю я. – Но очень хочу понять.

Через полчаса я выхожу из её кабинета, как говорится, полностью удовлетворённый (не считите за пошлость).

Мне не терпится поговорить со священником.

На выходе ко мне подсакивает мужичок, в котором я угадываю начальника службы безопасности.

– Товарищ генерал, – осторожно начинает он. – Что же вы без меня?..

– Расслабься, – отвечаю я. – Или ты способен дать консультацию по кредитному вопросу?

Несмотря на ловкость моего шофёра и мигалку, мы добираемся до Отрадного только за час.

Часовня открыта, и даже несколько прихожан-посетителей стоят внутри. А как правильно по отношению к часовне? Прихожане – это когда приход. А у часовни?

– Просто верующие люди, – объясняет мне отец Тимофей, которому я задаю этот вопрос. – Но вы ведь совсем по другому делу, товарищ генерал?

– Да, – киваю я и снова достаю фото наших друзей-сратников.

Любопытно, что священник точно так же, как и банкирша, разглядывает фотографии очень внимательно, как будто видит этих людей впервые. Но я не спрашиваю отца Тимофея, знаком ли он со своими детскими товарищами. Зачем обижать достойных людей? Я прямо задаю ему вопрос: не заметил ли он чего-нибудь странного при последней встрече с одним из них?

Священник смотрит на меня и некоторое время не отвечает.

– Они что, в беде? – спрашивает он.

– Похоже, да. Мы не можем их найти, – отвечаю я.

И он рассказывает мне всё откровенно, как на духу.

Пока мы добираемся обратно в центр, мои ребята договариваются с женой олигарха.

Мы встречаемся в рестораничке на Комсомольском проспекте.

У супруги олигарха – такая сильнейшая энергетика, что мне стоит немалого труда направить наше общение в нужное русло. Каждый из нас пытается выудить информацию у другого, а самому – увильнуть. Наконец, рыжеволосая дама сдаётся, устало курит.

А если так: бросаем наживку наудачу – вдруг что-то проклюнется? И я рассказываю ей о визите мужа и полковника на квартиру журналиста. Такое совпадение: сначала у них какие-то разногласия – а потом журналист пропадает.

– Вы хотите сказать, что мой муж... – она машет зажжённой сигаретой, – что он причастен?

– Пока не знаю, – отвечаю я. – Просто два факта.

– Генерал, я вас умоляю!..- просит она. – Держите меня в курсе. Я так боюсь за него.

– А мужа не боитесь? – спрашиваю.

Она так выразительно хмыкает, что я понимаю: у них свои правила. Значит, всё-таки, версия о мести мужа отпадает.

На прощание я даю ей свой телефон, и она улетает на великолепном бордовом «Мурано».

А я иду к своей чёрной «Волге», и пока мы едем назад, в контору, у меня в голове крутится одна мысль. И как это получается, что вот я, старый коммунист-матерьялист, учуял запах сверхъестественного, а мои современные лейтенанты-капитаны-майоры – нет? А ведь смотрят триллеры да читают фэнтези.

Кстати, что там такого завлекательного, в этих фэнтезиях? Может, и мне попробовать?

Когда приезжаю в контору, первым делом сажусь за компьютер, нахожу текст «Евангелия от Матфея». Глава шестнадцатая, сказал священник.

Вот оно:

«Какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе своей повредит?».

Да, как говорится, – вопрос на засыпку.

Какая польза?..

Люба,
привиделся же такое.

Сна нет.

Чего ж тут удивляться. Нет любви, нет секса, нет настроения. Какой уж тут к чертям собачьим сон!

Он лежит себе и похрапывает. Счастливчик. Тестостерон стремится к нулю, зато и нервы в порядке.

А у меня настоящего оргазма, чтобы в живом акте, в динамике и в страсти, – уже давным-давно не было. Это катастрофа. Где я найду такого, как Дима?

Найду, конечно, когда-нибудь, а пока душа болит. И тело болит, и душа, и какой уж тут сон.

Встаю с постели, выхожу на террасу, сажусь в кресло. Шестой час, светло как днём. И тишина. Дача – не Москва. Иногда это радует, иногда – не очень. Иногда, наоборот, хочется городского гаму. Всё-таки полная тишина – это что-то не совсем нормальное.

Ага, вот едет кто-то. Признак жизни. К соседскому дому подъехал микроавтобус. Подъехал, стоит, никто не выходит. Почему никто не выходит? Да плевать... Наверное, утром повезут кого-нибудь в Москву.

Полдня я не находила себе места после разговора с этим генералом.

Сначала я полетела к мужу, не могла сдержаться. Но уже в офисе развернулась и уехала. Я с ним управляюсь без проблем, но всё-таки есть граница. Раза три за нашу совместную жизнь я переходила эту границу и вспоминать об этих минутах не хочу.

Так я маялась до самого вечера, до приезда мужа. И, конечно, не удержалась, выложила ему про генерала.

«Что ты хочешь, рыжик?» – вздохнул муж, он только что уселся на диван.

«Я хочу Димку!» – крикнула я и зарыдала.

Он подождал, пока я выревусь.

«Я тебе в чём-то отказывал? – спросил он. – Когда-нибудь?»

Я помотала головой.

Он пальцем поманил меня к себе. Взял блокнот с журнального столика, оторвал листок и написал: «Дима потребовал 500 кусков. Шантаж».

«И ты?..» – с ужасом начала я.

Он написал: «Нет, я тут ни при чём... Видимо, сам нарываюсь. Забудь о нём». Потом разорвал листок на мелкие кусочки, бросил в пепельницу.

И теперь я без сна. Мне хочется посмотреть на экране наши с Димкой кувырканыя в постели, но записи в Москве, и вообще – неловко перед мужем.

Что поделаешь? Придётся искать нового любовника. Дело хлопотное, хотя и волнующее. Что там говорить, Дима был близок к идеалу. Молод, хорош собой, ловок на язык, способен заниматься любовью часами. Надо признать, этот год – с ним – был самым лучшим в моей жизни.

Мне хочется плакать, мне так жалко себя, что и я плачу потихоньку, и чем больше я плачу, тем становится легче.

Ну что делать? Будем искать.

Вдруг я слышу шорох. Оглядываюсь. Вижу через стекло: муж сидит за столом и перебирает бумаги. Что это с ним? Нет у него такой привычки – по ночам работать. Ночью он спит.

Мне хочется подойти к нему и в то же время – мне лень двинуться. Вот он и сам идёт ко мне, садится рядом. Смотрит на меня, и глаза у него какие-то чумные. Наверное, не проснулся ещё.

Вдруг он протягивает руку и запускает её мне под халат. Ноги у меня сами так и раздвигаются...

Что это с ним, думаю? Вроде и смешно, а с другой стороны – по животу такая хорошенькая тёплая волна идёт... Ай да толстячок!

А он уже и губы тянет, целовать пытается, и я чувствую его волнение. Неужели, вколос себе тестостерону?

И что вы думаете? Не прошло и полминуты, а у него вдруг такая эрекция образовалась, что я, не медля ни секунды, пристроила её куда следует, и мы стали очень даже недурно прямо на кресле изо всех сил бежать к оргазму.

Понятное дело, толстячок мой не Димка, его хватает минуты на две, не больше. Он уже обмяк, а я – и трети дистанции не пробежала...

А он смотрит на меня своими новыми глазами и говорит мне на ухо:

– У каждого своя любовь... Да, Любовь?

Я застываю. Даже про оргазм забываю, тарашусь на него – и не знаю, что думать.

А он меня сталкивает, идёт в кабинет. Я по террасе – к окну. Он садится за компьютер, стучит по клавиатуре.

Захожу в кабинет, спрашиваю:

– Что с тобой? Что ты делаешь?

А он оборачивается и – подмигивает мне. И говорит:

– Да вот, деньги перевожу...

Деньги? Какие деньги? Что за дела?

– Куда ты переводишь? – спрашиваю, не нравится мне всё это.

А он как заржёт:

– Куда? На кудыкину гору!.. Представляешь, с николиной горы – да на кудыкину...

И пошёл в спальню.

Я жду немного, потом – туда же.

Уже спит. Только – на животе, а не на спине.

Вдруг – вздрогнул всем телом. И я за ним, потому что напугал.

И всё – лежит тихо, как будто и не дышит. Наверное, если учесть его сегодняшний подвиг – это не удивительно.

И вдруг – опять передёрнулся. Потом – переворачивается на спину, открывает глаза и говорит:

– Во как я заснул... – трясёт головой и добавляет: – Хороший сон.

Поворачивает голову набок и засыпает. В обычной своей позе.

Я какое-то время сижу в ступоре, затем иду в прихожую. Там у меня в сумке бумажка с телефоном.

Набираю.

Раздаётся длинный гудок, и я в панике жму на клавишу отбоя.

Что я скажу генералу, дура набитая?

Что мой муж трахнул меня, а мне показалось, что это кто-то другой?

Ответный звонок.

Я смотрю на мерцающую панель телефона. Мне страшно нажать её. И не нажимать – тоже страшновато...

Нажимаю.

– Вы хотели мне что-то сообщить? – слышу я голос генерала.

– Извините, – бормочу я. – Мне показалось...

– Показалось? – говорит генерал.

– Извините, – говорю я, обессиленная. – Бред, чушь собачья, извините...

– Но ведь показалось? – весело уточняет генерал. – Ничего, спокойной ночи.

Журналист. Побег.

Я взлетаю над любкиной дачей изо всех сил.
У меня очень мало времени.
...Сейчас, в высшей точке моего полёта, я расслаблюсь и перестану собою управлять.

Из этой точки я буду падать – как бог на душу положит.

Туда, куда душеньке угодно.

Туда, куда приведёт душевная тяга к своему брэнному телу...

... Когда Генеральный с полковником внушали мне, что я не найду своего тела, я им сразу не поверил.

Но не поверить – одно, а решиться – другое.

Я пытался понять, чего они хотят на самом деле. Чего стоит их проект. Верят ли они сами в него или это только сказочка, чтобы принудить меня таскать им деньги.

Генеральный не похож на банального вымогателя. Полковник не похож на фанатика.

Но мне-то что делать?

Я решил только в последнюю минуту. На инструктаже перед операцией отъёма денег у любкиного мужа не оказалась полковника. Генеральный общался с ним по какой-то хитрой связи. Я видел, что Генеральный чем-то обеспокоен, и это придало мне решимости.

...Итак, я начинаю свободный полёт.

Я падаю вниз.

Я свободно парю в утреннем небе Москвы.

Я опускаюсь – как бог на душу положит.

Туда, куда душеньке угодно.

Туда, куда должна привести душевная тяга к своему телу...

Не знаю, что управляет мною – но я падаю в одну точку.

Меня затягивает в район между Дмитровкой и Ярославкой, севернее Пироговского водохранилища.

Когда я прошиваю крышу – вижу знакомый ангар.

Моё собственное тело лежит под простыней в комнате осмотра, а в углу спит на кушетке Генеральный.

Я раздумываю недолго. Не более одного мгновения.

...Когда я решил на этот побег, самое большое, на что рассчитывал – обнаружить место расположения базы. Каким образом пригодятся эти сведения, мне было ещё неясно, но знание ведь лучше неведения – так?

В случае успешной разведки я рассчитывал вернуться к микроавтобусу и сдать аппарату, не возбудив подозрений.

Но когда я вижу спящего Генерального – решение возникает самой собой.

Одним ударом я вышибаю субстанцию личности генерального конструктора – вон из тела – и даже успеваю почувствовать, как ей страшно. Я ощущаю её присутствие, её попытки вернуться, это похоже на то, когда тебя донимает назойливая мелодия. Ты её гонишь, а она возле тебя, вокруг тебя – и зудит, зудит, зудит...

Самое первое – я ищу телефон, любой, мобильный, стационарный. Я никогда не видел здесь телефонов. Но где-то они должны быть!

Я нахожу телефоны в сейфе, который открываю ключом, найденным в кармане Генерального. То есть, в данный момент – в моём кармане.

Но всё телефоны – выключены, я не знаю из кодов.

На секунду мною овладевает отчаянье. Я ввязался в опасную игру, я махнул рукой на себя, но подставить моих женщин – это грех, это невозможно...

И тут я вижу в самом углу сейфа мой медальон из Шарма. Слава богу, жива ещё птичка моей души... Я тяну медальон к себе... и – чудо! Под ним моя сим-карта. Аккуратисты мои соратнички-заговорщики, ничего у них не пропадает на моё счастье.

Я набираю номер.

– Катя, – говорю я, – не обращай внимания на мой голос. Нет ни секунды, паломница святой Екатерины. Слушай. Вот что тебе нужно сделать.

Я не даю ей раскрыть рта. Я велю ей немедленно собираться, забрать мою маму, Лёльку и скрыться. Куда угодно. Всё, отбой.

Затем я открываю комнату для осмотров. Моё тело лежит без движения. Я откидываю простыню.

И вдруг моё тело приподнимается и садится на кушетке.

– Привет, Дима, – говорит моё тело. – Как ты?

– Нормально, – отвечаю я растерянно. – Кто это? Санька, ты?

Моё тело смеётся. И смех такой, что я тут же понимаю: это не Санька, откуда здесь быть Саньке. Это – Генеральный, он, негодяй, завладел моим телом, он хочет мне помешать. Ну, нет, – думаю я, – сейчас я с ним расправлюсь.

В следующую секунду до моего сознания доходит, что я стою, сжав кулаки, напротив своего собственного тела.

Эту же мысль я вижу в незнакомых глазах моего тела.

Господи, что же делать?

И тут моё тело срывается с места, делает несколько длинных шагов и со всего размаху, голову вперёд, прыгает в металлический дверной косяк.

Последнее, что я вижу: яркую в синем свете неона кровь, которая брызжет из разбитой головы моего тела...

Генерал Время собирать души.

Конец дела лучше начала его, – сказал Еклезиаист.
И тут же добавил: что пользы тебе в том деле?
Дескать, всё суета сует.

И это – так. Но что стоит наша жизнь без нашего дела и без суеты вокруг него?

Да, есть время – действовать, и есть время – думать.
Есть время – молчать, и есть время – говорить.
Время...

Время меняет всё. Бывшие коммунисты читают библию на сон грядущий и заказывают в интернет-магазине модные романы-фэнтези.

И что с того? Я на время не сетую, я ему благодарен.

Системный подход, терпение и немного воображения – вот необходимые условия для успешного завершения любого дела.

Так я говорю своим ребятам.

Они, конечно, не всегда понимают, о чём я им толкую, и многое пропускают мимо души. Мол, чудит старикан. Но ничего, кое-что у них в подкорке отложится, вспомнят в нужную минуту. И скажут спасибо.

Может быть. А может быть, и не скажут. Неважно, это не главное.

Главное – чтобы что-то осталось.

Мы успели накрыть осиное гнездо.

Спасибо журналисту и рыжеволосой супруге олигарха.
Хотя главные осы и упорхнули.

Мы наблюдали за домом и за дачей олигарха. И сразу после звонка мадам взяли под контроль микроавтобус, который выехал из дачного посёлка спустя четверть часа.

Мы зафиксировали звонок с мобильного телефона журналиста и отследили координаты. Наша поисковая группа была уже рядом (шла тотальная проверка района, где сгорела машина журналиста) и сумела прибыть на объект в считанные минуты.

Но главные птички упорхнули. Ни конструктора, ни полковника мы не нашли. Ни на объекте, ни в Москве, ни в России.

Что ж, значит, наша встреча ещё впереди. Не те они люди, чтобы успокоиться и бросить якорь на каком-нибудь райском карибском острове. Хотя... Есть время – развязывать, есть – завязывать. Кто знает – ведь время меняет всё.

Тем не менее, мы получили хорошие материалы для изучения.

Итак, что мы имеем.

Хранилище тел и тех субстанций, которые заговорщики называли «душами».

Аппаратура. В том числе – в микроавтобусе. Правда, специалисты обнаружили порчу главных электронных блоков, что, по их мнению, существенно снижает возможность восстановления и дальнейшей эксплуатации. Что тут скажешь? Разберёмся. Те, кому надлежит, – разберутся. А если не разберутся, значит – ещё не время.

Документация, информационные материалы. Пытаемся привести в систему.

Начали писать что-то вроде обзора по целям и задачам заговорщиков. Получается интересно. Не будем забегать вперёд, но, кажется, они замахивались высоко и широко. В одном из файлов, например, нашли что-то вроде наброска плана переворота: замена личностей главных лиц в государстве, дестабилизация путём закручивания гаек в политической области, имитация террористических атак, установление некоей диктатуры креативного меньшинства. Тут нам кое в чём помогает журналист.

Его мы нашли в ангаре с разбитой головой. Парень был очень плох, но, похоже, всё-таки, выкарабкается. Физически. А что касается всего остального...

Как там, в шестнадцатой главе у Матфея: «Какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе своей повредит?».

И, потом: «...какой выкуп даст человек за душу свою?».

Выкуп...

Да, наверное, дорого встанет. Цену знает только сам журналист.

Звонок.

Мои ребята хотят посоветоваться. Хорошо. С кем же ещё им советоваться, как не со мной.

Заходят. Стоят. Мои помощники. Как говорится, правая рука и левая. Майор и капитан.

Я дописываю абзац за компьютером, а они стоят. И чувствую – мнутса, не знают, как начать.

– В чём дело? – ободряю я их.

Они переглядываются, и майор говорит:

– Тут такое дело... Взгляните, товарищ генерал! – и показывает на окно.

Я вздыхаю, но к окну иду. Ребята понапрасну не пошлют.

Приоткрываю жалюзи, смотрю.

По противоположной стороне нашего тихого переулочка снуют пешеходы. Туда, сюда. Обычная картина.

Так-то оно так – да не совсем. Пешеходы-то снуют, а прямо у стены, стоят трое и смотрят на наши окна.

Три особы женского пола. Пожилая строгая дама, девушка лет двадцати пяти да девчонка-подросток.

– Кто ж такие? – спрашиваю я, хотя успел уже и сам догадаться.

Майор отвечает: матушка журналиста, его молоденькая подруга и его дочка.

– Больше никого? – уточняю я.

И невольно выглядываю по переулочку бордовое «Мурано»...

– Давно стоят? – спрашиваю.

Особы женского пола заняли позиции около десяти утра. В полдень перекусили бутербродами и чаем из термоса...

Гляжу на часы. Выходит, журналистовы женщины проводят пикет уже четыре часа.

– Так-так, – говорю я. – И чего хотят? Кто с ними встречался?

Сначала с ними беседовал дежурный по объекту. Пытался их урезонить и отправить домой. Потом к ним выходил капитан.

– Так... – я с любопытством смотрю на капитана.

Он пожимает плечами, крутит головой и отвечает, что женщины требуют отдать журналиста.

– Живого или мёртвого... – добавляет майор.

– Вот как? – удивляюсь я. – Требуют, значит.

Как меняется время. Разве лет двадцать назад они посмели бы стоять возле здания госбезопасности да требовать?

Изменилось время, изменились люди.

Время? А что такое время? Оно, время, меняется само или его меняют люди?

А если со мной случится что-то подобное, – мои будут стоять здесь, под этими окнами с требованием отдать меня, живого или мёртвого?

И вот я гляжу на этих женщин, а мои ребята – на меня. Я понимаю их чувства. Наши традиции, обычаи конторы – подсказывают очень простое решение. Женщин отправить домой, проведя профилактическую работу. Объявить им, что о судьбе журналиста нам ничего не известно. И – пусть ждут. Повезёт – вернётся. Нет – значит, не судьба. Да, так. У нас по-другому нельзя. Секретная операция, совершенно секретные материалы. И журналист – главный свидетель и участник.

Ребята всё это знают назубок. Они должны были всё сделать и доложить. Но – пришли ко мне. Они хотят получить приказ. Интересно, какой приказ они будут выполнять с удовольствием?

Я закрываю жалюзи, сажусь за стол.

– Взять подписку о неразглашении, – объявляю я. – Подписку о невыезде. Пусть сидит дома и не высовывается. Обеспечить прикрытия.

Мои правая и левая рука, майор с капитаном, переглядываются.

– Там дворник есть, – весело говорит капитан. – Приставим к нему человека.

– Это помимо прочего... – добавляет майор.

– До особого распоряжения, – ставлю я точку.

И ребята быстренько уходят исполнять. Судя по всему, мой приказ их совсем не огорчил.

Да, время изменилось. Плохо это или хорошо?

Я не знаю.

Но – надеюсь на лучшее.

Сосед Жена зря говорит не будет

Когда привезли Димыча, я сразу вспомнил жёнины слова. Что добром всё это не кончится.

Мы как раз сидели с Нурали в беседке и спорили насчёт привычки ставить пустую бутылку на бордюр.

Нурали втюхивал мне, что не въезжает, как это можно: выпить пиво – и не бросить бутылку в урну. Хорошо, если дворник найдёт. А если разобьётся? Ребёнок, мол, ногу поранит или машина колесо пробьёт.

А я ему толковал, что это прикол такой. Шик. Выпил – поставил. И вот, стоит она, бутылочка, маленькая да красивенькая, – на бордюре. Разве не прикольно?

Не знаю, какой прикол! – горячился Нурали. – Такой красивый город Москва, зачем какие-то приколы с бутылками?

В общем, я его послал на три буквы, чурку тупую. Где ему понять московские приколы.

И тут как раз въезжают во двор чёрная «Волга» и микроавтобус. Выносят Димыча. И все его дамочки вылезают. Мамаша, значит, Наталья Николаевна, девчонка его, Лёлька, ну и Катерина, его последняя. Она заместо рыжей теперь.

Мы, конечно, с Нурали обалдели при виде Димыча. Он лежал на носилках худой, как палка. И голова – наполовину седая. Жуть.

Мы, значит, хватать за носилки, чтобы Димыча в квартиру притаранить. Но санитары там такие, что дай боже. Шкафы. И плечи как каменные.

Ну, ладно, мы не обидчивые, мы – следом.

Мамаша сначала косо глядела, но потом врубилась, что мы не сбоку припёку, а свои. Денег дала, послала в магазин.

Так вот и начали жить. Димыч первый месяц с тахты своей не поднимался. Кормили его с ложечки. Сначала все трое топтались: и мамаша, и Катерина, и Лёлька. Потом Наталья Николаевна стала пореже приезжать вместе с Лёлькой, и так вышло, что каждый день – Катерина. Утром – на работу, вечером – сюда, значит, к Димычу. Ну, а днём – я да Нурали.

Димыч как-то пошутил, что теперь он зарплату нам платить не может, так что вы, мол, ребята, не рассчитывайте, не разевайте хай на чужой каравай. Это не он, это уже я говорю.

Да мы и не рассчитываем. Просто мы к нему привыкли. А там, кто его знает...

Кстати, про компьютер он так не вспомнил. И у Нурали стоит, и у меня. Пацан мой в свои игры играет, а мне уже надоело.

В общем, так вот у нас и течёт наша жизнь. Я снова стал бомбить. Шестёрку свою наладил и по ночам сшибаю немало деньжонок. Через день, конечно. Потому что каждую ночь – никакой жизни не будет. А через сутки на трети – как раз в самый раз по технике безопасности и защите труда.

У нас теперь во дворе второй дворник. То ли помощник у Нурали, то ли, наоборот, начальник. Здоровый такой парень, похож на тех санитаров, что Димыча привозили. Я его так и зову про себя: санитар. Я Нурали спрашиваю, дескать, кто такой и почему, а он темнит. Наверное, ЖЭК своего пристроил, а Нурали выгнать мочи не хватает. Чурекская мафия не дремлет. Так что в дворницкой мы теперь втроём сидим за чаем. Мы трое и сёстрёнка за своей занавеской. Я всё жду момента её прищучить, а Нурали, гад, меня не допускает. Меня не допускает, а против своего второго дворника, против санитаря, гляжу, не возражает. Видал я, как они перемигивались с сестрёнкой. Спелись тут за моей спиной.

На прошлой неделе приезжал какой-то важный чин. В штатском, но сразу видно – генерал. Я как раз у Димыча

был, а он заходит с двумя помоложе и так по-хозяйски – по квартире. И мне – с улыбочкой: мол, так ты и есть охрана?

Я не успел прикинуть, как ему ответить, чтоб оценил, а он уже – к Димычу.

Вынимает из кармана какую-то штуковину, круглую такую. С птицей.

– Вот, – говорит, – цел ваш талисман...

И начали они что-то перетирать.

Из кухни ничего не слышно, а выйти – не выйдешь, потому что молодые стоят. И вроде на тебя – ноль внимания, а ты понимаешь, что надо сидеть тихо и не рыпаться.

Ну, пошептались они и ушли. Я к Димычу заглядываю и вижу: не в себе парень. Молчит, туча-тучей, а рядом, на столике – та самая круглая штуковина с птицей, которую генерал принёс. А ещё – фотка.

Смотрю – батюшки, а на фотке-то – наш Сашка. Оскаленный какой-то. Похоже – мёртвый... И я вспомнил, как они тут лежали, на этой тахте, вдвоём, и как я испугался, и как Сашка орал на меня голосом Димыча.

– Да, брат, – сказал Димыч тихо, – Вот оно как обернулось. Завоевали мир.

– И где ж его так угораздило? – спросил я.

Он вздохнул, так глубоко-глубоко, и говорит:

– На синайской горе...

Во как. Что-то я про эту гору слышал. То ли Христос там сидел, то ли наоборот – Магомет... И чего он туда попёрся, Сашка? Плохо ему в Москве было?.. Молодые, вынь им всё да положи.

И вот – сидим во дворе. Я и Нурали.

Тихо так. Хорошо. Солнышко пригревает. Одно слово – бабье лето.

Сидим, Нурали мне талдычит: мол, мы, москвичи, без них, без чуреков, не проживём.

– А кто будет двор мести? – спрашивает он. – Ты же не станешь. Ты – гордый.

– А вон, – говорю, – санитар подмётет.

Нурали усмехается с таким видом, что сильно сомневается.

Я тоже, конечно, сомневаюсь, но фасон держу. И толкаю ему в том смысле, что скоро соберём вас всех, братьев по

совдепии, дадим пинка под зад – и валите себе до дому до хаты. Воздух будет чище. Вон, вчера какой-то министр по телику сказанул, что-то в этом духе. Или мэр, не помню.

Нурали снова усмежается и машет рукой.

Тут открывается дверь нашего подъезда и оттуда выходят – Димыч и Катерина.

Димыч уже ничего себе, – окреп, ходит, медленно. Худой, седой и такой задумчивый, как будто и не совсем Димыч.

– Мы пойдём прогуляться, – говорит Катерина.

– Конечно, правильно, – говорит Нурали.

– Погодка шепчет, – говорю я.

А Димыч ничего не говорит, только улыбается своей новой улыбкой.

И вот они мимо нас проходят, под ручку, всё как положено. Я гляжу сбоку – и тут плащ на Катерине так завернулся, что живот у неё прямо и выпер.

Небольшой такой живот, но видно – неспроста.

Я гляжу на Нурали, а он – на меня. Тоже усёк.

Интересно, Наталья-то Николаевна знает? Или Лёлька?

Да, – думаю я, – война войной, а любовь – любовью.

А там, где любовь – там и дети.

Гляжу я им вслед, а они уже к арке подходят. И мне их и жалко, и в то же время – завидно.

А почему завидно – не пойму. Надо Нурали спросить. Он хоть и чурка, но не дурак, другой раз такое скажет, что даже моей жене Гальке в голову не придёт.

А моя жена, даром что баба, – она всё насквозь видит. Она же первая сказала, что всё это добром не кончится...

Хотя, это как посмотреть – насчёт добра или, там, типа, – зла. У нас вон с Нурали всё в ажуре. Компьютеры – на месте, денгжат срубили, может, удастся сестрёнку его прищучить... Там, глядишь, Димыч оклемается да за старое возьмётся. То есть, на работу пойдёт. Он же такой, просто так сидеть не будет. Что-нибудь придумает, а мы – тут как тут, на подхвате, пять баксов в час. ...

Так что, живы будем – не помрём.

Чего и вам желаем.

Содержание

Журналист. СОСЕДСКИЙ СИНЯК	3
Журналист. У КАЖДОГО СВОЯ ЛЮБОВЬ	18
Журналист. ПОЛЁТ	28
Катя. БУДЕМ ИСПРАВЛЯТЬСЯ	41
Сосед. ЧЁРТ ПОПУТАЛ	50
Саня. КАК ВЫШИБАЮТ ДУШИ	55
Журналист. ЧЁРНЫЙ СПИСОК ЛЮБВИ	63
Саня. ЛЮБОВЬ ВТРОЁМ	70
Журналист. ЛЮБОВЬ – КОЛЬЦО	77
RAV-4. ОТВЛЕКАЮЩИЙ МАНЁВР	85
Журналист. ТАК СОЗДАЮТСЯ БЕСТСЕЛЛЕРЫ	88
Нюхалков. ОТЧЁТНЫЙ ДЕНЬ	98
Катя. У САМОГО СИНЕГО МОРЯ...	105
Журналист. ЛЮБОВЬ, ШПИОНАЖ И ГОЛОС С НЕБЕС	114
Катя. ТАМ, ГДЕ ОТПУСКАЮТСЯ ГРЕХИ	119
Сосед. СЧАСТЬЕ БЫЛО НЕДОЛГИМ	124
Журналист. ЧЕСТНАЯ РУКА	128
RAV-4. СЛАВНАЯ СМЕРТЬ	135
Журналист. В ЛОГОВЕ	145

КАТЯ. ОЖИДАНИЕ.	156
ЖУРНАЛИСТ. КРИК ДУШИ	158
ПОЛКОВНИК. ДУША ОБЯЗАНА ТРУДИТЬСЯ	161
ГЕНЕРАЛ. СБОРКА МОЗАИКИ.	167
ЛЮБА. ПРИСНИТСЯ ЖЕ ТАКОЕ	175
ЖУРНАЛИСТ. ПОБЕГ	179
ГЕНЕРАЛ. ВРЕМЯ СОБИРАТЬ ДУШИ.	182
СОСЕД. ЖЕНА ЗРЯ ГОВОРИТЬ НЕ БУДЕТ	186

ВИКТОР КАЛИТВЯНСКИЙ

Виктор

В.И.К

– товарный знак издателя Виктора Ив. Калитвянского
Свидетельство о регистрации № 312502919200041

Тел.: (495) 276-13-24, (916) 687-37-81

E-mail: izdatelstvo.vik@mail.ru

Подписано в печать 28.02.2013.

Формат 84×108 1/32.

Бумага офсетная.

Гарнитура CharterOSC.

Печать офсетная.

Объем 9,7 усл. п. л.

Тираж 1 000 экз.

Заказ №

Отпечатано:

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»

170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Тел.(4822) 445203, 445034

Тел.\факс: (4822) 554215